МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ

Д. М. ТАЙСАЕВ

ЭТНОГЕНЕЗ НАРОДОВ КАВКАЗА

издательство
М. и В. КОТЛЯРОВЫХ
(ООО «Полиграфсервис и Т»)
Нальчик 2015

ББК 83 (2Р–6КБ)
Т12

Р е ц е н з е н т ы:
В. А. Шевлоков, проф., д-р ф. наук;
Ф. С. Эфендиев, проф., д-р ф. наук

Тайсаев Д. М.
Т12 Этногенез народов Кавказа. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. – 204 с.

ISBN 978-5-93680-850-0

© Д. М. Тайсаев, 2015
© Издательство М. и В. Котляровых
(ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015

Если горец, возвращаясь в Хунзах, привозил за седлом женщину другой национальности, такого горца встречали с упреком, поступок его не одобрялся старейшими людьми аула. Но теперь и старые и молодые привыкли к этому. Брак аварца с женщиной любой другой национальности не считается теперь позорным. Только один брак осуждается теперь в горах – это брак без любви.

Разве не правда, что, чем разнообразнее цветы, тем красивее букет из этих цветов. Чем больше на небе звезд, тем небо ярче. Радуга потому и красива, что собрала в себе все земные цвета.

В Африке я видел удивительный, необыкновенный цветок. Каждый лепесток этого цветка окрашен в свой цвет. У каждого лепестка свой аромат, свое название. Короче говоря, на стебле растет прекрасный готовый букет, но в то же время это один цветок.

Расул Гамзатов. Мой Дагестан

Введение

Кавказ не случайно привлекает внимание многих исследователей, в том числе археологов, этнологов, историков, культурологов. И это не случайно: именно здесь были сосредоточены многие узловые точки распространения этнических общностей и культур. Поэтому в решении проблем этногенеза некоторых народов может таиться в том числе и решение проблем формирования и многих других народов, которые казалось бы при первом ознакомлении никак не связаны с данным регионом.

Что представляют собой народы Кавказа? Даже если брать сугубо автохтонных ее представителей, ответ на данный вопрос будет весьма сложен. И не только по той простой причине, что истоки этих в большинстве своем чрезвычайно древних народов теряются в прошлом, но также еще и потому, что сама общность эта неоднозначная. Даже если брать только лишь Северный Кавказ, то и тогда

выделить критерии генеалогической общности будет чрезвычайно трудно. Вместе с тем, общность культурная очевидна. Часто по данному критерию отмечается сходство с некоренными народами Северного Кавказа, проживающими здесь достаточно долго. Например, терские и кубанские казаки и адыги. Именно по этой причине, вопрос представляется достаточно сложным, поскольку часто бывает невозможно определить, связано ли наличие отдельных элементов культуры с общим их генезисом, либо это следствие частичной аккультурации.

Другой весьма существенной проблемой является субъективный характер исследований в области этнических процессов. И это вполне естественно: когда изучаешь свой народ, трудно оставаться безучастным, сторонним наблюдателем. Такой, чаще всего, неосознанный конструктивизм приводит к увеличению этнического возраста, героизации прошлого и даже приписыванию несуществующих открытий и побед. Такие «факты» приходится перепроверять из независимых источников, что также далеко не всегда дает положительные результаты, поскольку исследование изнутри чаще бывает значительно более эффективным.

И все же, несмотря на все трудности выявления таких критериев, решение этого вопроса имеет несомненное как теоретическое, так и практическое значение. В том числе и для решения такой проблемы, как цивилизационный статус народов Кавказа, и Северного Кавказа в частности.

В данной работе основное внимание уделено не описанию исторических фактов и культур, а только тех фактов, которые так или иначе способны пролить свет на этногенез и эволюцию автохтонных народов Кавказа. Это, прежде всего, описание древних доцивилизационных культур Кавказа, антропологии народов Кавказа и языковых связей.

Кроме того, там, где это может хоть как-то пролить свет, в работе приводятся данные по частотам встречаемости гаплогрупп, преимущественно по Y-хромосоме. И это не случайно, поскольку культурная преемственность на Кавказе традиционно шла по отцовской линии и потому Y-генеалогия более адекватно отражает этническую преемственную связь, нежели генеалогия по митохондриальной ДНК.

В работе не рассматриваются исторические факты, которые про-

исходили позже формирования рассматриваемых этносов, основное внимание уделено именно древнейшей истории, которая так или иначе способствовала формированию нынешней этнической картины Кавказа. Основная направленность в работе связана с Северным Кавказом, этнические культуры Закавказья рассматриваются лишь кратко, поскольку основное внимание уделяется именно Северному Кавказу, а невозможно рассматривать этногенез северокавказских культур в отрыве от закавказских.

Г л а в а I

Теоретические основания этногенеза

Определение понятия «этнос»

Что каждый человек вкладывает в это понятие? На уровне обыденного знания представителем собственной этнической группы человек воспринимает того, кто выглядит, как он, ведет себя, как он, и говорит на том же языке, что и он. Для научного понимания этого явно недостаточно, тем более что даже и на бытовом уровне данные критерии не всегда работают. И неудивительно, что при взгляде на представителя своего этноса мы часто ошибаемся в его идентификации. Мы знаем, насколько биологически полиморфны могут быть представители одной народности. Даже на бытовом уровне мы понимаем, что человек – это прежде всего носитель сознания, а уж потом определенного комплекса анатомических особенностей. И поэтому мы отказываемся считать своим того, кто ведет себя не так, как мы, даже если он и выглядит похоже, и наоборот, без труда принимаем чуждого по внешности, но близкого по духу соотечественника. Но если биологический критерий здесь не имеет первостепенного значения, то тогда какой?

Может быть, язык? Далеко не всегда. Многие языки распространились далеко за пределы ареала обитания того этноса, который считает его родным (английский, испанский, португальский, русский, французский и др.). При этом многие этносы имеют в своем составе людей, не знающих родного языка. Например, российскими немцами и российскими евреями был практически утерян родной язык, но они не потеряли чувства собственной этнонациональной идентичности. По мнению ряда исследователей, «малые» языки (языки национальных меньшинств) постепенно замещаются «мировыми» языками либо языками доминирующего в нации этноса. Однако в последние годы эта точка зрения опровергается нарастающими процессами ревитализации утраченных языков. Показателен пример с ирландцами, которые до сих пор говорили практически

только на английском, но в последнее время начали реанимировать свой, уже практически утерянный язык. А разве американцы, говорящие на английском, считают себя англичанами? Часто наблюдается обратная картина, когда народ имеет свой уникальный язык, но не причисляет себя к этносу, тождественному этому языку. В графстве Нортумберленд (Англия) живет народ, говорящий на норвежском языке, но они считают себя англичанами. К тому же известны случаи, когда разные народы говорят на одном языке. На французском языке кроме французов говорят еще франко-бельгийцы, франко-швейцарцы и франко-канадцы, французами себя не считающие. На немецком языке кроме немцев говорят еще австрийцы и часть швейцарцев. Шотландцы, уэльсцы и англичане говорят на английском языке, и это одна нация, но разные этносы. Многие латиноамериканские этносы говорят на испанском языке: аргентинцы, мексиканцы, перуанцы. Особенно часто такие языковые коллизии мы наблюдаем в малых этносах, поскольку в микроэтногенезе (см. ниже) этническая дивергенция может происходить настолько быстро, что их языки не успевают столь же дивергировать дальше уровня диалектов. Многие этносы говорят на диалектах настолько близких, что не всегда можно уловить четкую разницу между ними (балкарцы и карачаевцы, чеченцы и ингуши), однако это самостоятельные этносы. Об этом свидетельствует эндогамность, уникальные этнонимы и этническое самосознание (осознание собственной особости).

Известны и прямо противоположные случаи, когда один народ имеет несколько родных языков. Во Франции представители французского этноса говорят на нескольких языках, как, например: французский, провансальский, кельтский (бретонский) и иберийский (гасконский). Народ мордвы говорит на двух языках: эрзя и мокша. Известно и множество других подобных примеров, как, например: идиш и иврит у евреев, дигорский и иронский языки у осетин. Все еще больше усложняется наличием так называемых сословных языков. Например, русское дворянство конца XVIII – начала XIX в. говорило в основном на французском языке, и только события войны 1812 года, всколыхнув патриотические чувства русского дворянства, вернули русскому языку первостепенную роль. Известно и много других примеров, когда высшее сословие говорило преимущественно на чуждом собственному этносу языке: в Парфии на грече-

ском во II–I вв. до н.э., в Персии на арабском в VII–XI вв., в Англии на французском в XII–XIII вв., однако это не привело к выделению высшего сословия в особый этнос.

Может, основным свойством этнической идентичности являются культурные особенности этноса: культура, нравы и обычаи? Да, это чрезвычайно важный критерий, но не определяющий. Обычаи забываются, а культура ассимилируется культурой доминирующего этноса, если не будет внутреннего стремления к поддержанию собственной этнической самобытности. К тому же этнокультурный портрет народа в разные исторические эпохи часто различается даже больше, чем между многими этносами одной эпохи. Не менее значительными бывают культурные различия различных социальных слоев этноса. Что, например, заставляет казака, одетого в черкеску, считать своим русского предводителя уездного дворянства, а не гораздо больше на него похожего кавказского горца.

Что же определяет такие устремления, иными словами, что является основной движущей силой этноэволюции? Можно предположить, что таким движителем является этническое самосознание. Человек должен, прежде всего, осознавать себя представителем собственного этноса, гордиться своим народом, любить свою историю и культуру. Ведь этнос – это, по сути, такая же объективная реальность, как и личность. Им также свойственны обиды и разочарования, гордость и гнев, стремление к самосохранению и росту.

Гумилев утверждает, что «этнос – не популяция»[1]. Все же в той степени, в какой вообще уместно биологизировать проблему этноэволюции, этнос можно рассматривать как социально-антропологический аналог биологической популяции. Популяция – это группа особей одного вида, населяющих определенную территорию, в которой в течение длительного периода вероятность внутреннего генетического обмена путем скрещивания значительно выше, чем с особями того же вида, находящимися вне нее. Иными словами, популяция – это относительно генетически изолированная группа особей одного вида. Следует уточнить, что кратковременные сообщества-эфемеры популяциями считаться не могут, поскольку популяция – это весьма устойчивая структура, характеризующаяся собственными уникальными частотными показателями генов, что является следствием частичной изоляции в течение, по крайней мере, десятков поколений. Поэтому два залетевших в комнату роя мух никак не мо-

гут тут же образовать одну популяцию, как утверждает Гумилев.

Отличия антропологических рас от ныне существующих этносов не ограничиваются тем, что расы являются более широкой общностью. Расы – это сугубо биологическая, антропологическая общность, тогда как этнос является прежде всего социальной общностью. Однако можно предположить, что расы являлись первичными этническими категориями, и только потом стали сугубо антропологическим свойством общности.

Для человека биологические особенности строения и физиологии в качестве этнических критериев несущественны и вторичны, значительно большую роль играют особенности социального свойства, такие как язык, нравы, традиции, обычаи, верования, культура, искусство, ремесла. И действительно, можно обнаружить в некоторых этносах представителей самых различных антропологических типов, но нет этноса, не имеющего каких-либо единых социокультурных характеристик. Например, американский макроэтнос при всех различиях этнических групп имеет собственный, уникальный и легко идентифицируемый социокультурный тип, но собственного антропологического типа не имеет. Таким образом, при современном уровне развития транспортных коммуникаций и интеграции общества, в биологическом смысле, популяцией является все человечество в целом. Это в общем признанный биологическим ученым сообществом факт. Ведь нельзя найти хотя бы одну значительную изолированную группу людей, которая не имела бы возможности обмена генами с любой другой. Незначительные же группы, в принципе, не могут существовать изолированно на протяжении многих поколений, в результате гомозиготации генома, вследствие неизбежных родственных браков. Но если использовать термин «культуроген», позаимствовав его у социобиологов, тогда отдельные этносы как раз и могут быть представлены как отдельные человеческие популяции. Поскольку «этногены»[*] хоть и могут мигрировать за пределы этноса, как и гены биологические, но в целом каждому этносу свойствен свой, уникальный социокультурный этногенетический портрет. И если ни один этнос нельзя считать настолько генетически изолированным, чтобы его можно было считать самостоятельной

[*] В данном случае такой термин будет уместнее, чем признанный социобиологами термин «культуроген».

популяцией, то в культурном смысле каждый этнос представляет относительно изолированную социальную популяцию. Поэтому этнос, конечно же, не популяция в строгом биологическом смысле этого термина, но во многом подобен ей в культурном плане.

И тем более этнос – это не вид. Настолько смелое утверждение не пришло в голову даже идеологам расизма. Все человечество не только относится к одному виду, но, судя по последним данным, и к одному подвиду Homo sapiens sapiens. И все же в определениях как вида, так и этноса также можно найти множество аналогий. Вид, так же как и этнос, понятие статистическое, неопределенное. Точно так же и между близкими биологическими видами нет четких границ. И точно так же для характеристики вида приходится использовать целый комплекс критериев для более или менее успешного диагностирования (ареал, морфофизиологические особенности, генетическая изоляция, кариотип, особенности этологии и некоторые другие). Но подобно тому, как определяющим критерием для диагностирования биологического вида является генетическая изоляция, точно так же для характеристики этноса главным и определяющим критерием идентификации является этническое самосознание. И действительно, именно самосознание определяет частичную культурную отграниченность от близких соседних этносов. То есть и здесь важнейшим является тот же фактор – генетическая изоляция, поскольку именно самосознание этноса способствует резкому сокращению экзогамных браков. Конечно же, этнос не вид и даже не популяция, это понятие прежде всего культурное и в гораздо меньшей степени биологическое. Однако некоторая общность обнаруживается. Главное же отличие от биологических систем состоит в том, что здесь прежде всего основным результатом снижения экзогамии будет не генетическая изоляция, а что гораздо важнее – культурная – это прежде всего язык, национальная культура и внутриэтнические нормы поведения. Следствием культурной изоляции, частичной замкнутости этнической культуры, необходимой для сохранения собственной этнической неповторимости, является стремление к сохранению чистоты языка, поддержание и развитие собственного культурного достояния и вообще всего того, что можно считать «душой» этноса. Этнос здесь подобен самодостаточной «личности» со своими помыслами, мечтами, симпатиями, амбициями. Душой же этой «личности» и выступает этническое самосознание, вернее,

интеграционное единство тех духовных сторон каждого представителя этноса, в которых осознается это единство и тем самым еще больше укрепляется.

Г. В. Ф. Гегель впервые сформулировал понятие «самосознание народов» как важнейшее качество в характеристике национальной общности еще в XIX в., которое «состоит существенно в том, чтобы созерцать себя в других народах»[2]. Впоследствии многие авторы также выделяли «этническое самосознание» в качестве основного этноопределяющего признака [3]. И все же некоторые авторы, как, например, Гумилев, считают «этническое самосознание» важным, но отнюдь не определяющим свойством этноса [4]. С. М. Широкогоров вообще не относит самосознание к числу значимых критериев этнической идентичности, характеризуя этнос как группу «людей, объединенных единством происхождения, обычаев, языка и уклада жизни»[5].

Гумилев не признает какую-либо значимую роль этнического самосознания в этногенезе, что шло вразрез с общепринятым мнением. В частности, крупнейший российский этнограф, академик Ю. В. Бромлей, выражая свое несогласие, пишет: «Социальные факторы, образующие этнос, этническое самосознание в том числе, ведут к появлению сопряженной с ним популяции, то есть перед нами картина прямо противоположная той, которую дает Л. Н. Гумилев»[6]. Под самосознанием Бромлей понимает «сознание своего единства и отличия от всех других подобных образований, фиксированном в самоназвании (этнониме)»[7]. Гумилев так отвечает своему оппоненту: «Ю. В. Бромлей имеет право выбрать для своего логического построения любой постулат, даже вполне идеалистический, согласно которому реальное бытие этноса не только определяется, но и порождается его сознанием. Считать же, что сознание, пусть даже этническое, может быть генератором энергии, – это значит допускать реальность телекинеза»[8]. В защиту позиции Бромлея, а заодно и нашей, приведем ряд аргументов:

1. Если, например, группа представителей малого этноса попадет в среду другого этноса, полностью отрекшись при этом от своих прежних корней, то даже если для других они и останутся чужаками, все равно через поколение, другое этот островок малого этноса затопит океан преобладающего по численности народа. И им в этом не поможет даже переизбыток пассионарной энергии, поскольку она уже будет работать во благо того этноса, которому посчастливится

принять пассионариев, не причисляющих себя уже ни к какому народу, а значит, готовыми вобрать в себя всю духовную культуру того народа, который принял их. Значит, самосознание необходимо, во всяком случае, для сохранения этнической идентичности. Сознание созидательно уже хотя бы потому, что оно управляет мышечной энергией.

2. Информация есть величина, обратная энтропии. Значит, знания несут вполне реальную энергию, которая, естественно, может реализовываться только через материальное. Для создания атомной бомбы требуется значительно меньше энергии и капитала, чем для получения информации о ее устройстве. Знания могут не только реально созидать, но и разрушать.

3. Гумилев пишет: «Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным случаям. Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда – нет. Вынести за скобки мы можем только одно – признание каждой особью „Мы такие-то, а все прочие другие“»[9]. Что же это, как не самосознание этноса? Гумилев здесь либо сам себе противоречит, либо понимает феномен самосознания как какую-то идеалистическую реальность. В последнем случае противоречие заключается не в сути, а в терминах.

Этническое самосознание – понятие весьма многогранное и, как и сознание человеческое, практически не поддается непосредственному анализу. Проще его анализировать по конкретным проявлениям. Если мы делаем скидку представителям своего этноса, это проявление этнического самосознания. Поддержка зарубежной диаспоры, любовь к родной культуре, боль за лишения, выпавшие на долю своего народа, и переполняющее чувство гордости за земляка, стоящего на олимпийском пьедестале, – все это проявления этнического самосознания. Но когда сталкиваются интересы народов при неверной и беспринципной политике их лидеров, проявления этнического самосознания могут приобретать и разрушительный характер. Поэтому лучше стимулировать самосознание подъемом этнической культуры, а не возрастанием защитных механизмов этноса.

В данной работе обосновывается точка зрения, согласно которой «этническое самосознание» является хоть и далеко не единственным, но главным и определяющим свойством этноса. Попробуем

обосновать это утверждение, проанализировав все основные критерии этнической идентичности.

Основные критерии этнической идентичности

Этноним – самоназвание этноса.

Безусловно, один из самых надежных критериев этнической идентификации. Если два предположительно разных этноса называют себя одинаково и это не случайное совпадение, тогда есть все основания утверждать, что это единый этнос, поскольку одного факта осознания себя единым этносом достаточно для быстрого стирания граней между ними в результате межэтнической ассимиляции. Однако можно ли считать его самостоятельным критерием? Этноним не более как фонетическое отражение самосознания этноса, и выделять его в качестве самостоятельного критерия, по-видимому, нецелесообразно. К тому же некоторые субэтносы также имеют самостоятельные этнонимы, вернее было бы их назвать субэтнонимами, но понять, что это, этноним либо субэтноним, можно, только поняв, этнос это либо субэтнос. Гумилев пишет, что «широко бытует мнение, будто этническое самосознание как один из социальных факторов определяет не только существование этноса, но и возникновение его. Самосознание проявляется в самоназвании. Следовательно, если будет доказано несовпадение того и другого, то вопрос об их функциональной связи отпадает»[10]. Далее он приводит факты, подтверждающие такое несовпадение. Один этнос может якобы иметь несколько этнонимов либо разные этносы могут иметь один этноним. Здесь следует разобраться глубже.

Во-первых, название этноса является отражением самосознания только лишь тогда, когда этнос сам себя так называет, т.е. когда это является не просто названием, а самоназванием. Например, для русских наименование «русский» является этнонимом, поскольку они сами себя так называют, а многие жители дальнего зарубежья русскими называют практически всех жителей России и СНГ, это название, а не самоназвание. Одних адыгов называют кабардинцами, других черкесами, бжедугами, адыгейцами, шапсугами, но это только субэтносы, поскольку сами они себя называют одинаково – адыгами. Ранее адыги имели и внешний этноним – черкесы, который теперь сохранился лишь как субэтноним одного адыгского субэтноса.

Во-вторых, следует отличать этноним от субэтнонима. Например, одни осетины называют себя иронцами (преимущественно право-

славные), другие дигорцами (преимущественно исповедующие ислам). Казалось бы, вот оно, несоответствие. Однако для осетин наименование «осетин» – это этноним, а наименования «иронец», «дигорец» – это субэтнонимы, они второстепенны, и смешение между этими субэтническими группами происходит настолько активно, что говорить о двух самостоятельных этносах пока не приходится. Но когда этническая дифференциация этих народов пройдет критический порог разделения, эти субэтносы перейдут в самостоятельные, хоть и весьма близкие, этносы, а субэтнонимы соответственно станут этнонимами.

В-третьих, то, что первоначально нам представляется как этноним, не совпадающий с феноменом этнического самосознания, может быть просто собирательным названием для обозначения межэтнической общности. Например, названия «римлянин», «россиянин» или «византиец» – это не этноним, а объединяющее название государственно-территориальной общности людей.

Этнокультурные особенности (обряды, обычаи, семейный быт).

Именно по этому критерию в первую очередь и отличают этнос. Но достижение и сохранение культурной самобытности этноса возможно только при достижении определенного уровня этнического самосознания.

Антропопсихологические особенности.

Данный критерий, как правило, не работает. Многие этносы, в особенности имеющие широкое географическое распространение, весьма полиморфны по этому признаку. И очень часто трансгрессия бывает настолько высока, что говорить о статистически достоверных различиях вообще не приходится. Например, в юго-западной России русские, как правило, черноволосые и темноглазые, в северо-западных же областях России русские чаще русоволосы и голубоглазы. При сравнении заволжских староверов с русской эмиграцией из Брайтон-Бич или терских казаков с поморами трудно поверить, что все это представители одного этноса. Столь серьезные различия, особенно этносов, имеющих протяженный ареал, связаны как с неизбежной ассимиляцией с соседними народами, так и с внутриэтнической дифференциацией. В биологическом смысле, как и в социокультурном, чистых этносов не существует, даже язык иногда меняется до неузнаваемости. «Ни один народ, ни одна раса не остаются неизменными.

Они непрерывно смешиваются с другими народами и расами и постоянно изменяются. Они могут казаться почти умирающими, а затем вновь воскреснуть как новый народ или как разновидность старого»[11]. Например, японцы являются этносом, который произошел в результате взаимной ассимиляции монголоидов из Полинезии, Кореи и Китая и древнего народа, относящегося к белой расе и живущего до сих пор на острове Хоккайдо – айнов. Французы образовались путем смешения преимущественно гало-римлян с салическими франками, немцы являются результатом взаимной ассимиляции преимущественно рипуарских франков, тюрингов, швабов и саксов. Испанцы произошли от смешения алан, вестготов, лузитанов и свевов. Этот список можно продолжить. И что особенно важно, такая взаимоассимиляция продолжается непрерывно и неравномерно в разных областях обитания этноса, поэтому этнос антропологически бывает столь полиморфен.

Единство территории.

К числу важнейших критериев этнической идентификации следует отнести занимаемый ареал. Но и здесь есть определенные сложности. Этнос может быть кочующим либо географически ассимилированным. Ареал может меняться либо смещаться динамически и исторически. Различные этносы могут заселять один ареал либо этнос может иметь спорадичное распространение. Здесь, по-видимому, уместнее было бы использовать понятие «родина». Прародина этноса может служить мощным интегрирующим этническим фактором, в особенности для диаспор, ее потерявших. Причем для представителей *этноцентра* * прародина будет иметь превалирующее значение над родиной биологической. В настоящее время, в связи с развитием коммуникаций, роль данного критерия значительно снизилась.

Общность происхождения.

Происхождение многих, особенно древних этносов, весьма туманно. Со временем история первичного формирования этноса неизбежно искажается, происходит ее приукрашивание, героизация и

* Под э т н о ц е н т р о м мы понимаем группу лиц с повышенным уровнем этнического самосознания, играющую роль устойчивого этнического ядра, не позволяющего этносу ассимилироваться в наиболее сложные для него периоды.

она превращается в миф, легенду. Как указывает Х. Г. Тхагапсоев: «В системе этноэтатизма особое место занимают исторические мифы, которые посредством «сублимации» истории этноса – на основе заведомой героизации и драматизации прошлого обеспечивают мобилизацию этнического самосознания «как надо»[12]. И уже не так важна ее истинность, важно лишь, чтобы эта легенда заставляла гордиться своей принадлежностью именно к этому народу, стимулировала подъем национального самосознания. И поэтому здесь часто бывает важна не столько реальная общность происхождения, сколько миф об этом. С. М. Широкогоров, наряду с такими этнодифференцирующими признаками, как язык и уникальный культурный комплекс, выделяет и такой, важнейший с его точки зрения, критерий, как «вера в общее происхождение»[13]. Именно здесь особенно подходит идея саморепликации мимокомплексов Докинза. Мимокомплекс героического прошлого этноса просто обречен на успешное распространение в среде своего народа. В таком случае этнос можно представить не только как причину распространения такого мимокомплекса, но и как его результат. Часто предком этноса может считаться какое-то реальное либо мифическое животное, бог или даже неодушевленный предмет. Вот что пишет по этому поводу Гумилев: «В древние времена это (происхождение от одного предка. – *Д. М.*) считалось обязательным для этноса. Часто в роли предка за отсутствием реальной фигуры выступал зверь, не всегда являющийся тотемом. Для тюрок и римлян это была волчица-кормилица, для уйгуров – волк, оплодотворивший царевну, для тибетцев – обезьяна и самка ракшаса (лесного демона). Но чаще это был человек, облик которого легенда искажала до неузнаваемости. Авраам – праотец евреев, его сын Исмаил – предок арабов, Кадм – основатель Фив и зачинатель беотийцев и т.д. Как ни странно, эти архаические воззрения не умерли, только на место персоны в наше время пытаются поставить какое-либо древнее племя – как предка ныне существующего этноса. Но это столь же неверно. Как нет человека, у которого были бы только отец или только мать, так нет и этноса, который бы не произошел от разных предков. Так, из смеси славян, угров, аланов и тюрок развилась великоросская народность»[14].

Важен не реальный предок, а всеобщая вера в единство происхождения. В действительности же говорить о единстве происхождения весьма сложно. Этносы по сути полифилетичны, и более того,

внутри его постоянно происходит метизация в результате экзогамии. Когда же этнос расширяется, ассимилируя другие народы, он невольно ассимилируется и сам, часто от первичной биологической основы вообще практически ничего не остается. Кто, например, сейчас увидит у славян персидский след, унаследованный ими от скифских предков. Но это и неважно, гораздо важнее душа этноса, его самосознание, которое базируется в числе прочего и на мифе о своей прародине и великих предках. Сторонники конструктивистского направления в этнологии считают представление или миф об общей исторической судьбе важнейшим критерием этнической идентификации, все же, наверное, вернее было бы считать этот критерий важной составляющей этнического самосознания.

Общность целей.

Такой утилитарный критерий сторонники инструменталистского направления в этнологии считают определяющим, что весьма спорно. Инструменталисты трактуют этничность как «средство в коллективном стремлении к материальному преимуществу на социальной арене»[15]. Это верно лишь отчасти, в сравнении с этносами цели гораздо более изменчивы во времени и в пространстве. К тому же различные социальные слои одного этноса могут иметь различные цели, но общие с аналогичными социальными слоями других этносов. Однако данный критерий служит мощным мобилизующим фактором в критические периоды существования этноса. Например, швейцарцев, говорящих на четырех языках, невольно спаяла в единый этнос общая цель – национально-освободительное движение против австрийских феодалов.

Наиболее выдающимся сторонником выделения именно этого критерия, по-видимому, был известный испанский философ Ортега-и-Гассет, который также указывает в качестве важнейшего интегрирующего начала общность целей: «У жителей Центральной и Южной Америки общее прошлое с испанцами, общий язык, общая кровь, и тем не менее они не образуют общей нации. Почему? Не хватает одного и, видимо, самого главного – общего будущего»[16], исходя из чего он выражает «потаенную суть нации, состоящую из двух ингредиентов: первый – это план совместного участия в общем замысле и второй – сплочение увлеченных замыслом людей»[17]. Однако можно в связи с этим задаться вопросом, потому ли нация едина, что люди, ее составляющие, имеют общие цели либо цели у них общи в связи с их

внутренним идейным единством? Было ли такое единство у испанских колонистов с народами Латинской Америки? В связи с тем, что уровень этнического самосознания латиноамериканских индейцев был значительно ниже, чем у североамериканских, здесь ассимиляция проходила значительно активнее. К тому же этому способствовало то, что менталитет латиносов оказался довольно близким испанскому. В итоге мы получаем новый народ. Слиться с испанским народом они не могли, слишком велики были изолирующие барьеры. В результате образовалась качественно новая общность, занимающая в чем-то промежуточное, но в то же время и уникальное положение, что изначально предполагало независимость целей.

Ортега-и-Гассет далее пишет: «Сегодня мы свидетели эксперимента грандиозного и четкого, как лабораторный опыт, – нам предстоит увидеть, удастся ли Англии удержать в державном единстве различные части своей империи, предложив им притягательную программу будущего сотрудничества»[18]. Это было написано еще в 1930 г. Теперь мы знаем, что этот «грандиозный эксперимент» показал, что общность целей без внутренней общности ничего не стоит. Кстати, Ортега-и-Гассет впоследствии отказался от своих инструменталистских убеждений. В той же работе, в предисловии к французскому изданию этой книги, он, в частности, писал: «Одной из грубейших ошибок «нового мышления», от которого мы все еще не можем отмыться, было то, что оно путало общество с сообществом. Общество не создается по добровольному согласию. Наоборот, всякое добровольное согласие предполагает существование общества»[19]. Здесь Ортега-и-Гассет демонстрирует диаметрально противоположные взгляды, фактически признавая ошибочность собственной доктрины об объединяющей роли единства цели для наций. Ставить цель впереди необходимости изначального единства нации – это все равно, что запрягать телегу впереди лошади. Однако не все так просто, тут необходим диалектический подход. При первичной роли единства общества цель также служит дополнительным объединяющим началом, укрепляющим это единство. Здесь мы наблюдаем все ту же причинно-следственную петлю обратной связи, когда результат усиливает возможность его достижения, что и определяет нелинейный характер развития.

Язык.

Весьма важный, но неоднозначный критерий. Если самосознание

народа достаточно высоко, тогда этнос сделает все возможное, чтобы сохранить родной язык или даже реанимировать его, как это сделали ирландцы. Если же собственное самосознание не высоко, тогда родной язык легко может быть утерян. Значит, и в этом случае критерий этнического самосознания является определяющим.

Конфессиональный критерий.

Вероисповедание также обладает этнодифференцирующими свойствами, но тоже далеко не всегда. Например, абхазы исповедуют ислам и христианство, сохраняются также и традиции язычества, но это один этнос. К тому же, в связи с возрастанием роли мировых религий над национальными, данный критерий чаще отражает суперэтническую принадлежность. Конечно же, с течением времени мировые религии дифференцируются, приобретают уникальные черты, вплетаясь причудливым образом в самобытную культуру различных народов. Например, самосознание русского этноса ныне неотделимо от русской православной церкви, когда, казалось бы, чуждая византийская религия становится русской лишь постольку, поскольку русские осознают себя православными, значит, и здесь роль самосознания первична.

Впрочем, на закате этноса в идеациональной фазе развития (см. ниже), когда религия становится основным стержнем национального самосознания, и в период формирования этноса конфессиональность может быть важнейшим этнодифференцирующим признаком. Особенно важное значение конфессиональность имеет в тех случаях, когда именно смена вероисповедания создает возможности внутренней эндогамии и последующего выделения указанной религиозной консорции в самостоятельный этнос. Подобным образом, например, сикхи (индусы-мусульмане) выделились в самостоятельный этнос. Турки-османы также изначально представляли собой скопище казалось бы несовместимых между собой народов, в их ряды вливались помимо восточных также и многие кавказские, славянские и даже западно-европейские этносы. Но их, как и сикхов, сплотила вера. И это понятно, ведь основным идейным стержнем, объединяющим этих людей, является общность вероисповедания, вокруг которого и формируется новый этнос, в этом случае религиозное самосознание неотделимо от этнического, как, например, в иудаизме.

Таким образом, религия тогда становится важным этническим объединяющим началом, когда становится неотделимой частью эт-

нического самосознания. Когда же этнос, сформированный на конфессиональной основе, расширяется, начинает снижаться роль конфессиональности в этническом самосознании как этнодифференцирующего признака, и этносы, объединенные под флагом новой религии, начинают дифференцироваться по другим критериям этничности. В противном случае и ныне все православные были бы византийцами, а все мусульмане арабами. Следовательно, и здесь мы видим первичный характер этнического самосознания. В Новое время роль конфессионального критерия заметно снизилась.

Аксиологический – этническая система ценностей.

Как и общность целей, данный критерий весьма изменчив как во времени, так и в пространстве.

Генеалогический.

По сути, близок к критерию, обозначенному как «общность происхождения», но здесь имеет значение преемственность развития по отцовской линии (гораздо реже по материнской). В некоторых культурах, в которых особенно высока вероятность генокультурной ассимиляции, становится особенно важным выявление генеалогической общности. В такой культуре человек назовет себя, например, арабом, даже если у него в действительности арабом был только прадед, но по отцовской линии. Именно с этим фактом можно связать предпочтительную роль сыновей в семьях большинства культур. Этот факт лишний раз подтверждает превалирующую роль социальной идентификации в этническом самосознании над идентификацией биологической. Такая модель преемственности этнического самосознания по отцовской линии была очень удобна при активной экспансии этноса, когда, несмотря на неизбежную в таких условиях генетическую ассимиляцию расширяющегося этноса, в социально-культурном плане такой этнос сохраняет свою целостность. И наоборот, для предотвращения аккультураций статичного этноса с ассимилированным ареалом гораздо удобнее сохранять этническую преемственность по материнской линии, как, например, у евреев. В любом случае наименее устойчивым будет тот этнос, в котором идентификация будет происходить исключительно по крови. Секрет устойчивости этносов состоит, в том числе, и в их несумативности, и из ребенка, рожденного англичанином и француженкой, не выйдет англофранцуза.

Самосознание этноса («душа этноса»).

Важнейшее и определяющее условие этнической идентификации. Там, где нет дихотомического отношения «мы–они», там нет этноса. Конечно же, самосознание, когда оно уже утвердилось, не только определяет все прочие этнодифференцирующие признаки, но и в некоторой степени и само начинает определяться ими. Поэтому первичная роль этнического самосознания тоже далеко не абсолютна. Таким образом, *этнос – это, прежде всего, когнитивная категория, но она не сводится к простой сумме элементов самосознания каждого его представителя, а является целостным интегрирующим началом, в основе которого и лежит самосознание, закрепляемое конструктивистскими и инструменталистскими элементами этнической идентичности*.

Можно еще упомянуть систему диагностирования этносов, основанную на определенных *хозяйственно-культурных типах* [20], монголы: кочевники и скотоводы; чукчи: оленеводы и охотники и т.д. Однако данный критерий не только вторичен, но и практически никогда четко не работает в пределах одного этноса. Этнос может характеризоваться преобладанием определенного хозяйственно-культурного типа, но хозяйственно-культурные типы не могут характеризовать этнос.

Таким образом, можно дать следующее определение этноса: *этнос – это общность людей, объединенных единым этническим самосознанием, т.е. осознанием как своей общности, так и отличия от прочих народов, и на основе самосознания формирующих ряд прочих вторичных этнодифференцирующих признаков: язык, систему собственной идеологии, этики, права и единых норм поведения.*

Три основных подхода в понимании движущих сил этногенеза и этноэволюции

Нет единого понимания не только в определении понятия «этнос», но и в понимании самих истоков и побудительных сил, служащих формированию и развитию этнических общностей. Самым распространенным пониманием таких истоков, особенно в среде, далекой от теоретической этнологии, является **примордиализм** (*от англ. primordial – изначальный, исходный. С. М. Широкогоров, Ю. В. Бромлей, Л. Н. Гумилёв*). Примордиалисты понимают этнос, как нечто органично связанное с окру-

жающим природным или (и) культурным ландшафтом. Этнос для примордиалиста – это некая общность людей, которая формируется веками, органично адаптируясь и вплетаясь в окружающую действительность. Впрочем, здесь тоже есть и весьма специфические подходы, в частности в рамках структурализма. Тот же Клод Леви-Строс считал, что этносы не столько формируются под влиянием окружающего ландшафта, сколько постепенно раскрывают заложенные культурные императивы и зависимость какой-либо среды здесь весьма относительная [21].

Вместе с тем, примордиализм не объясняет явления единения подчас ментально несовместимых народов и довольно частые случаи сверхбыстрого этногенеза. Скептически относится к примордиалистскому подходу Э. Кисс, как сторонник конструктивизма: «Тенденция считать нации «чем-то заданным изначально» является всего лишь иллюстрацией более общей склонности людей к натурализации исторических событий... В то время как для определения человеческого рода в качестве природной категории существуют истинные биологические основания, нации являются конструкциями историческими, но все виды национализма, включая и культурный, склонны рассматривать нации в качестве естественных или, по крайней мере, очень древних коллективов. Это, однако, иллюзия»[22]. Поэтому в настоящее время большинство этнологов все больше склоняются к конструктивизму и инструментализму. Согласно последнему этнос формируется как инструмент в решении насущных задач, которые встают перед группами людей, которые казалось бы изначально ничем не связаны друг с другом (более подробно см. в разделе «Определение понятия „этнос“»). Среди представителей инструментализма можно выделить, например: Д. Белла, Г. Вулпа, Н. Глейзера и Д. Мойнихена. И наконец, самое популярное среди этнологов в настоящий момент направление – это **конструктивизм** (Б. Андерсон,
Э. Геллнер, В. А. Тишков). Согласно конструктивизму этнос буквально выдумывается интеллектуальной элитой, основные элементы этнического самосознания буквально навязываются лидерами, более того, подчас даже выдумывается великая история, великие предки, традиционные элементы и мифы. Впрочем, конструктивисты часто не отрицают роли и примордиалистских и инструменталистских конструктов этничности. Например, Тишков пишет, что этнос – это группа «людей, члены которой разделяют общее назва-

ние и элементы культуры, имеют общее происхождение и историческую память, обладают чувством солидарности, и все эти признаки – результат особых усилий, особенно процесса нациостроительства»[23].

Теория этногенеза Гумилева

Гумилев предложил своеобразную популяционно-энергетическую модель этногенеза. В своих теоретических построениях он исходил из следующих предпосылок.

1. Этнос – физическая энергозависимая система.

2. Как и во всякой энергозависимой системе, все процессы в ней требуют притока энергии. Основным источником энергии этноса является пассионарность, под которой понимается «непреодолимое внутреннее стремление (осознанное или чаще неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной)»[24].

3. Пассионарность, в свою очередь, питает солнечная либо космическая энергия.

4. Формирование макроэтносов и некоторых этносов обязано периодическим выбросам такой энергии (пассионарный толчок), в результате которых внутри старого этноса образуется консорция, в которой объединены члены этого этноса с высокой пассионарностью. И именно экспансия этого этнического пассионарного ядра служит началом формирования новой макроэтнической группы.

5. Пассионарность – это генетически обусловленный признак, а пассионарный толчок – это мутаген, приводящий к мутации, образующей ген пассионарности.

«Пассионарность» – понятие, которое впервые ввел Гумилев, это, безусловно, важная веха в развитии этнологии. Введение нового параметра, характеризующего динамику этногенетических процессов, позволило разрешить многие ранее не решенные вопросы. Почему некоторые народы ведут весьма активную идеологическую и военную экспансию, некоторым пассионарности хватает лишь на сохранение накопленного потенциала, а некоторые уже настолько пассивны, что не способны сохранить уже достигнутое этническое единство и занимаемую территорию? Также пассионарность может

разниться и в отдельных личностях.

Однако идея пассионарности является одновременно и самым слабым местом в его концепции. Она создает столько же противоречий, сколько и разрешает. Каков механизм пассионарных толчков? Что является носителем пассионарности? Гумилев считает, что признак пассионарности закладывается на генном уровне. Тогда каким образом этот ген может так быстро распространяться? Гумилев считает, что после пассионарного толчка происходит мутация, приводящая к образованию гена пассионарности, ссылаясь при этом на работу известного американского астронома Джона Эдди, который составил график солнечной активности за последние 5000 лет [25]. Гумилев считает, что «все датированные пассионарные толчки хронологически совпадают с минимумами солнечной активности либо с периодами ее спада. При уменьшении солнечной активности защитные свойства ионосферы снижаются и отдельные кванты или пучки излучения могут достигать земной поверхности. А жесткое излучение, как известно, вызывает мутации»[26]. О совпадении здесь говорить сложно, модельные построения Эдди и Гумилева весьма субъективны, но вот противоречий такая модель этнического мутагенеза создает множество.

Во-первых, более общепринятым является мнение, что не спад, а возрастание солнечной активности стимулирует мутационные процессы и напряжение социальной активности [27].

Во-вторых, каким образом спад солнечной активности вызывает рост мутаций именно на определенных осях пассионарных толчков? Если эти оси зависят от магнитного поля земли, как считает Гумилев, то и тогда непонятно несоответствие их направлений с направлениями магнитных полей. Гумилев почему-то считает, что такое совпадение есть, однако углядеть общность изображенных им осей пассионарных толчков с геодезическими линиями Земли совершенно невозможно. Поэтому неудивительно, что уже в более поздних работах Гумилев видит источники пассионарных толчков не в солнечной активности, а в энергии космоса, когда сгустки неведомой энергии, пришедшие из глубин Галактики, ударяют словно плетью по шару нашу многострадальную Землю. «Сразу можно отбросить солярную гипотезу, ибо Солнце освещает одновременно целое полушарие, а не узкую полосу шириной 200–300 км. …Остается неотброшенной одна гипотеза – вариабельное космическое облучение.

Пока она не может быть строго доказана, но зато и не встречает фактов, ей противоречащих»[28]. Впрочем, все равно не понятно, каким образом это «неизвестное пока излучение в оптической части спектра» может ориентироваться якобы только по геодезическим линиям. Трудно спорить, когда ссылаются на неведомые силы, однако известно, что мутационный процесс, как и всякие бифуркации, стохастичен по сути. До сих пор еще не удавалось выделить ни одного физико-химического фактора, который приводил к какой-либо конкретной мутации. Электромагнитное облучение гена пассионарности, если такой и существует, в равной мере может привести к мутации, как увеличивающей пассионарность, так и уменьшающей ее. Но даже если в результате мутации образовалась область, в которой увеличилось число носителей гена повышенной пассионарности, непонятен механизм, по которому этот признак может быстро распространиться. Каким бы не было сильным мутагенное воздействие, мутации всегда возникают только в незначительной части популяции, этот факт признается и Гумилевым [29]. К тому же мутации, за редким исключением, рецессивны, поэтому носители этой мутации пассионариями не будут, пока в результате браков между двумя носителями этого гена не появится потомство с гомозиготной аллелью по данному признаку. Общеизвестно также, что распространение нового гена, образовавшегося в результате мутации, возможно только в замкнутых областях, в которых миграционный пресс минимален [*]. Но тогда распространение этого гена внутри этноса не может превышать его максимально возможный генерационный прирост.

Гумилев приводит пример, когда праславяне в результате пассионарного толчка всего за 150 лет развились в славянский суперэтнос, «маленький народ, живший в современной восточной Венгрии, рас-

[*] Эволюционные процессы могут протекать значительно легче в малых и относительно замкнутых популяциях, когда повышается вероятность распространения случайных мутаций просто потому, что действие статистического «закона больших чисел» ослабляется, и полезные мутации не тонут в океане нормальных генов. Именно такое явление в биологии называется «дрейф генов». У Гумилева почему-то под «генным дрейфом» понимается «явление рассеивания пассионарного признака за пределы популяции путем случайных связей».

пространился до берегов Балтийского моря, до Днепра и вплоть до Эгейского и Средиземного морей, захватив весь Балканский полуостров. Как же они могли так быстро размножиться? Да очень просто. Эти праславяне, захватывая новые территории, очевидно, не очень стесняли себя в отношении побежденных женщин. Ведь при таком процессе много мужчин не требуется. Важно, чтобы было много побежденных женщин, и демографический взрыв будет обеспечен»[30]. Если предложить такую, сугубо биологическую модель первичной этнической экспансии, тогда не только ген пассионарности, но все этнодифференцирующие генетические признаки неизбежно будут ассимилированы в океане чуждых генов, как это произошло, например, с булгарами на Балканах. А ведь невозможно даже усомниться, что завоеватели хана Аспаруха были на пике пассионарной активности. Независимо от того, кто из родителей является завоевателем и представителем этноса, испытавшего пассионарный толчок, потомство унаследует в равной мере гены обоих родителей. Во втором поколении потомство экспансирующегося этноса будет иметь уже 25 % его генов, в третьем – 12,5 % и т.д.

Впрочем, на неизбежность социокультурной ассимиляции в случае экзогамии совершенно недвусмысленно указывает и сам Гумилев: «…эндогамная семья передает ребенку отработанный стереотип поведения, а экзогамная семья передает ему два стереотипа, взаимно погашающих друг друга»[31]. Но если предложить культурологическую модель этнической экспансии, при строго патриархальной схеме этнической самоидентификации по отцовской линии, тогда, если этнический пассионарный импульс был достаточно высок, этнос действительно может лавинообразно распространиться. Для экспансирующихся этносов главное – сохранить преемственность идейного ядра первичной этнической культуры. Но поскольку в случае эндогамных браков даже при большом количестве детей в семьях темпы роста этноса будут незначительны, динамично развивающиеся этносы предпочитают расширяться посредством экзогамии. И не столь важно, что в результате неизбежной при этом генетической ассимиляции от антропологической основы первичного этнического ядра практически ничего не останется. Главное, чтобы национальная идея распространялась неразрывной цепью по отцовской линии.

Возможен и более радикальный вариант этнической экспансии, когда целые народы в результате социо-культурного поглощения ме-

ханически включаются в этническое ядро расширяющегося этноса. Как это было при поглощении тюркских кочевых племен монголами во времена Золотой Орды, и даже расовые барьеры не были тому достаточной преградой. Для этого необходимо, чтобы уровень пассионарной активности поглощаемых этносов был невысок и давление расширяющегося этноса превышало естественные защитные барьеры поглощаемых этносов. Праславяне во времена пассионарного подъема распространяли, прежде всего, не гены, а собственную этническую культуру. Если принять такую социокультурную модель этнической экспансии, в отличие от генетической, тогда проблема сверхвысоких темпов распространения малого этноса, испытавшего пассионарный толчок, отпадет сама собой. Но в этом случае неизбежен вывод, что пассионарность в большей степени социальный феномен, нежели наследственно-генетический. Необходимо также признать приоритетную роль этнического самосознания в процессах этногенеза, с чем Гумилев категорически не согласен.

Генетическая экспансия посредством экзогамных браков бурно расширяющегося этноса не только не может служить средством этнической экспансии, как считает Гумилев, но напротив, способствуя генетической ассимиляции, может способствовать резкому снижению темпов этнического роста. Поэтому этносы на пике пассионарной активности максимизируют не столько собственные гены, сколько собственную уникальную этническую культуру. Социокультурная экспансия, в отличие от экспансии генетической, приводит не к ослаблению, а к укреплению этнического ядра. Но социокультурная экспансия по мере снижения пассионарной активности также постепенно прекращается, и этнос замыкается внутри себя. Одним из признаков такого спада активности является введение жестких таможенных барьеров на вывоз художественных ценностей. Бурно развивающаяся культура, напротив, гордится тем, что их достояния искусства, вливаясь в мировую культуру, тем самым расширяют духовные барьеры этноса.

Генетическая ассимиляция при продолжительном существовании малых этносов не только неизбежна, но и необходима. В противном случае народу грозит вырождение вследствие все большей гомозиготации генома и снижения пластичности, поскольку продолжительная эндогамия ведет к снижению изменчивости. Крупным этносам вырождение, даже в случае полной эндогамии, не грозит, но и в

них генетическая ассимиляция неизбежна. В связи с высокой амбициозностью такие народы, расширяясь, принимают под свое крыло все больше народов, и даже если генный обмен с ними будет минимален, на протяжении длительного периода неизбежна практически полная генетическая ассимиляция. Тем более что в условиях постоянных миграций увеличивается не только число межэтнических браков, но и случайных сексуальных связей. Здесь можно найти аналогию с элементарной диффузией. Если нет условий, направленных на поддержание различных градиентов концентраций, две жидкости в одном сосуде с течением времени неизбежно перемешаются до гомогенного состояния. Поэтому ни о какой, даже относительной генетической чистоте народов и даже рас говорить не приходится, гораздо важнее, чтобы дух народа не ассимилировался.

Не меньше противоречий создает энергетическая модель этногенеза Гумилева. Темперамента одних этносов хватает на мировую экспансию, другие же не в состоянии даже сохранить остатки реликтовой культуры. Гумилев интуитивно видит в этом различную энергетику этносов. Но в чем заключается эта энергетика, у него нет определенного ответа. Как на вероятные источники, он ссылается на биополя, космическое излучение и солнечную радиацию, которая, согласно В. И. Вернадскому, преобразуется в физико-химическую «энергию живого вещества» Земли. Апеллируя к закону сохранения энергии, он предполагает, что для толчка этнических процессов необходим приток энергии, каковым и является пассионарный толчок. Однако генетическую мутацию, даже если она и приводит к появлению гена наследования более высокой активности, ни в коей мере нельзя считать аккумулятором этой энергии. Можно, конечно, предположить, что ген пассионарности определяет признак, контролирующий постоянный приток этой энергии, что еще более немыслимо, во всяком случае, тому нет никаких научных подтверждений. В любом случае это не согласуется с основной идеей Гумилева, согласно которой этническая активность определяется редкими кумулятивными выбросами энергии, которая в течение многих поколений постепенно им растрачивается. В частности, он пишет, апеллируя к теории неравновесных структур И. Пригожина: «Возникающая структура всегда ведет себя иначе, нежели прежняя, уже растратившая первоначальный импульс и близкая к равновесию со средой. Значит, импульс – начало процесса диссипации, ведущей сис-

тему к неизбежному распаду»[32].

Какие реальные источники энергии служат двигателем генезиса этносов? Да в общем-то те же, что и для отдельных людей. Источником энергии для мускульной работы, впрочем, так же как и для мыслительной, служит биохимическая энергия, которая заключена прежде всего в ковалентных химических связях потребляемых человеком питательных веществ. Вся земная биомасса, хранящая запасы энергии в АТФ и других нуклеиновых кислотах, жирах, углеводах и в меньшей степени в белках, обязана своим энергетическим запасам фотосинтезу, т.е. фактически световой энергии солнца. Первичная биопродукция, прежде чем пойти в расход по различным трофическим уровням, синтезируется растениями и сине-зелеными водорослями. Только этим и исчерпываются все необходимые источники энергии для жизни, о которых писал Вернадский [33], за весьма несущественными исключениями (хемосинтез, термальная энергия, синтез витамина D и др.). В этом и кроется разгадка формального нарушения первого начала термодинамики. Некоторые люди имеют более высокую энергетику не в результате аккумуляции какой-то мистической космической энергии, а попросту в результате внутренних качественных особенностей, частично наследственно, частично социально обусловленных. Компенсируются же повышенные энергозатраты попросту за счет биохимической энергии, восполняемой за счет роста потребления пищи или более эффективного его расходования. Конечно же, было бы непростительным упрощением сводить взрывы этнической активности к элементарному росту потребления пищи, это лишь средство восполнения повышенной активности, толчок же пассионарности надо искать в другом. Однако это избавляет нас от поиска источников восполнения энергетических затрат.

Конечно же, стоит при этом учитывать, что все это верно только лишь при анализе внутренних источников энергетической активности. Человек тем и отличается от животных, что он может привлекать также и внешние энергетические источники. Именно поэтому человек, потребляя биопродукции в общем вполне соизмеримо со многими животными, неизмеримо более активен в процессах преобразования биосферы. Решение надо искать в человеческом разуме, являющемся мощным антиэнтропийным фактором в биосфере земли. Согласно Вернадскому, «человеческий разум, который не яв-

ляется формой энергии, а производит действия, как будто ей отвечающие»[34]. Разум может создать модель с более высоким КПД, затратив на ее производство значительно меньше труда и энергии, чем будет в результате сэкономлено. Значит, и разум, и этническое самосознание в том числе, может сделать качественный рывок в преобразовании себя и окружения, даже не привлекая для этого дополнительных источников энергии. И каким бы идеалистичным и антинаучным не казалось это утверждение, разум созидателен уже хотя бы потому, что он хранит и творит в себе полезную информацию. Ведь информация – величина, обратная энтропии, согласно известному определению Винера и Шеннона. Однажды полученная полезная информация может передаваться в дальнейшем практически без дополнительных затрат энергии. И несмотря на то, что энергозатраты человеческого мозга просто чудовищны, негэнтропийная, созидательная роль человеческого разума неизмеримо выше, но и здесь нет никакого нарушения закона сохранения энергии. Мощная преобразующая роль антропогенного фактора вовлекает все новые и новые внешние источники энергии. На определенном этапе развития обществу для дальнейшего роста уже недостаточно простой мускульной энергии, и оно начинает привлекать дополнительные источники. Человеком, как и этносами, движет их внутренняя энергия, внешняя же, получаемая посредством технологий, может лишь служить дополнительным источником благосостояния народов.

Важно также отметить, что пассионарную энергию этносов нельзя отождествлять с энергией созидающей. Пассионарии с не меньшим успехом могут использовать свою повышенную активность на разрушение. Отец-пассионарий создал мощную экономическую империю, а его сын с не меньшей энергией, достойной лучшего применения, промотал отцовское состояние. Такой пассионарий гораздо опасней любого субпассионария. Поэтому повышенной пассионарности недостаточно для толчка этногенеза, для этого необходимы соответствующие условия для направления этой пассионарности в нужное русло.

По всей видимости, не случайно основные идеи его концепции пришли к Гумилеву в конце 30-х гг. Ему не понаслышке пришлось узнать, как государственная машина может избавляться от своих лучших сынов, обедняя генофонд. Значит, если в определенные периоды истории этнический генофонд обедняется, то и должны быть периоды резкого подъема качества генофонда. И хоть в его работах

нет никаких упоминаний о сталинских репрессиях по вполне понятным причинам, по-видимому, именно они навели его на эту мысль. Может быть, в определенные периоды истории «естественный отбор» продолжает действовать? Здесь все значительно сложнее. Во-первых, талант – это не только гены, это еще и определенная благотворная среда для полного раскрытия потенций талантливости, это еще и удача. Выдающиеся представители человечества – это только малая часть потенциально (генетически) талантливых, и репрессии могли сказаться на генофонде только этой малой части. Думается, что даже среди заслуженно выдающихся людей встречаются и такие, кто, не имея никаких особых генетических предрасположенностей, добился многого одним старанием и упорством. Во-вторых, человек реализует свою талантливость и приобретает известность уже в сравнительно зрелом возрасте, а к тому времени он обычно успевает оставить свои гены в детях. В-третьих, талантливые люди, как правило, более интересны своей незаурядностью, поэтому если они и в большей степени попадают под пресс «естественного отбора», то тогда «половой отбор» должен это компенсировать. У них меньше шансов выжить, но больше оставить потомство. Впрочем, скорее оба этих фактора слишком стохастичны для человека, чтобы их можно было считать детерминантами эволюционного процесса.

Но если генофонд талантливых людей обедняется репрессиями, тогда каким образом пассионарные толчки могут способствовать талантливости. Если и можно себе представить мутаген, вызывающий мутацию, способствующую возрастанию энергетической активности человека, то в отношении талантливости такое даже представить невозможно. Гумилев пишет: «Если же наше мнение не найдет подтверждения, то, значит, прав Тойнби, полагающий, что талантливость и энергия возникают сами, как только в них появляется нужда»[35]. Талантливые люди есть всегда и во все эпохи, но только те пассионарии, которым посчастливилось родиться в нужное время и в нужном месте, являются миру во всем своем великолепии. Кто знает, сколько Кромвелей, Эйнштейнов и Робеспьеров умерло своей смертью, так и не узнав о своей гениальности? Трагедия угасающих культур не в отсутствии талантов, а в их невостребованности.

Пассионарная концепция этногенеза Гумилева является попыт-

кой раскрытия причин формирования основных суперэтнических групп и небольшой части этносов. Он считает, что таких пассионарных толчков в исторический период человечество испытало девять, первый в XVIII в. до н.э., а девятый в XIII в. н. э. В результате последнего пассионарного толчка образовались такие молодые этносы, как эфиопы, турки-османы, литовцы и великороссы [36]. Конечно же, нельзя объяснить все этническое многообразие человечества столь редкими энергетическими выбросами в биосферу. Поэтому Гумилев, наряду с данной концепцией, признает право на существование и традиционных концепций этногенеза в результате дифференциации этносов от консорций к конвиксиям и далее от субэтнических образований к новым этносам. Гумилев убедительно и последовательно описывает механизм формирования различных этнических групп (консорции, конвиксии, субэтнос и этнос), как естественные результаты системной дифференциации [37], но при переходе к анализу формирования таких макросистем, как суперэтнос, он считает уже, что «характер их возникновения иной». Если консорции при определенных условиях могут развиться до конвиксий, конвиксии до субэтнических групп и последние, в свою очередь, могут перерасти в самостоятельный этнос, почему же тогда суперэтносы нельзя представить как результат интеграции сосуществующих этносов? Все нижестоящие этнические подразделения не нуждаются для своего формирования в пассионарных толчках, а суперэтнические макросистемы просто не могут без них обойтись.

По Гумилеву, формирование субэтносов является естественным следствием стремления этносов к самосохранению, поскольку «некоторая сложность структуры повышает сопротивляемость этноса»[38]. Здесь кроется весьма распространенная телеологическая ошибка. С одной стороны, действительно, дивергентная эволюция, когда система, распространяясь, дробится, дифференцируясь на все более мелкие и все более различающиеся между собой подсистемы, имеет всеобщий характер в сложных эволюционирующих системах, но с другой – системная дифференциация имеет не целевую, а причинную природу. Можно, в частности, утверждать, что формирование новых видов живых организмов связано не со стремлением биосферы ко все большей устойчивости (биосфера это не ноосфера, у нее нет разумного начала и она ни к чему не может стремиться), а просто в каждом конкретном случае дифференциация есть следст-

вие адаптации к частному. Механизм дивергентной эволюции в живой природе заключается в адаптивной радиации. Адаптивная радиация – следствие, во-первых, адаптаций к различным условиям среды, и, во-вторых, что еще важнее, следствие внутривидовой конкуренции, поскольку конкуренция особенно сильна между представителями одного вида, постольку видовая дивергенция непременно ведет к ослаблению конкуренции.

Каков же механизм дивергентной эволюции этносоциальных групп? По Гумилеву, он заключается в изоляции отдельных консорций и конвиксий, в результате которой они перерастают в субэтнос, а тот соответственно в этнос. Все же изоляция консорций и конвиксий – это не механизм образования субэтносов, а условие, причем необходимое, но не достаточное. Иначе как объяснить, что в одних случаях изоляция приводит к образованию нового субэтноса, а иногда и этноса, в других нет. Заметим, что Гумилев здесь не ссылается на пассионарные толчки, поскольку этим он объясняет образование главным образом только лишь макроэтнических систем – суперэтносов. Дальнейшая дифференциация суперэтноса на этносы, субэтносы и т.д. идет по собственным законам. Таким образом, им предлагается только лишь макроэволюционная модель этногенеза. Существование микроэволюционной модели лишь постулируется, и ей предоставляется вторичная роль. Заметим, что макроэволюционная модель биологической эволюции базируется на модели микроэволюционной, а не наоборот. Если предположить аналогию эволюции биологической с эволюцией этнической, в чем Гумилев не сомневается, часто даже несколько преувеличивая их общность, тогда и здесь должна быть та же закономерность. Следовательно, этногенез должен сводиться, в конечном счете, к микроэволюционной адаптивной радиации этносов в субэтносы, консорции и конвиксии, которые постепенно, при соблюдении ряда условий, включая, разумеется, и изоляцию, должны перерасти в самостоятельные этносы. Нам следует сконцентрироваться на поиске этих условий, и тогда такой механизм в общем виде будет ясен.

В целом такая микроэволюционная модель этногенеза, предложенная Гумилевым, достаточно очевидна, но могут ли консорции и конвиксии служить основой для формирования самостоятельных субэтнических групп? Ведь в них, по сути, выделяется особый тип прослойки общества, основанный на материальном благосостоянии, профессии или каком-либо специфическом образе жизни. Данные

группы частично изолированы от остальной части собственного этноса, но достаточна ли такая изоляция для возможности формирования самостоятельных субэтнических образований? Ведь изолирующие барьеры между различными социальными группами внутри этносов весьма условны. Купец мог обеднеть и влиться в многочисленное племя простых горожан, или наоборот, купить дворянство и соединиться с высшим светским сословием. Точно так же изолирующие барьеры, например охотников-старателей или поморов-мореплавателей, весьма подвижны и условны. Уровень их внутреннего самосознания явно недостаточен для развития до ранга субэтноса, и тем более самостоятельного этноса. Все известные этносы были образованы в результате территориально-политической изоляции, когда часть территории, занимаемой этносом, отторгалась другим государством, или значительно реже в результате изоляции географической. И неизвестно, в общем-то, ни одного случая, когда представители какой-либо профессии или сословия образовывали самостоятельный этнос. Ведь любая профессия предполагает специализацию, а любая специализация труда порождает зависимость от представителей других профессий. Значит, изоляция, столь необходимая для развития внутреннего самосознания здесь, по сути, невозможна. Господа зависят от своих рабов, рабы стремятся стать господами, где уж тут развиться уникальному самосознанию. Разве хотя бы одна консорция пуритан, квакеров, баптистов, роялистов и т.д., иммигрировавших в Америку, образовала самостоятельный этнос? Нет. Все они явились основой для формирования единой американской нации [*]. И если в некоторых североамериканских этнических группах прошлые этнические корни еще довольно сильны, то в этом есть заслуга стойкости их этнического самосознания и сохранения связи диаспор с прародиной, а вовсе не далекое эхо тех консорций первопроходцев, которые хоть и чтятся потомками, но не

[*] Все же американскую нацию нельзя считать целостным этносом, это хоть и довольно сплоченная нация, но все еще представляющая союз частично автономных эндогамных этнических групп. Например, все афроамериканцы, независимо от собственных этнических корней, по-видимому, уже представляют единый этнос, сохраняющий благодаря частичной внутренней генетической и культурной эндогамии относительную этническую самостоятельность.

несут самостоятельной этнической ценности. Впрочем, конфессиональные консорции иногда могут порождать самостоятельные этносы, но только в тех случаях, когда ограничения экзогамии в таких группах достаточно жестки и устойчивы в исторической перспективе, что бывает сравнительно редко. Поэтому часто поликонфессиональные этносы могут веками сосуществовать, не распадаясь на отдельные самостоятельные народы.

Гумилев признает активную роль этноса только в плане недопущения возможности уйти со сцены мировой истории раньше положенного срока. Провиденциализм его концепции заключается в том, что фазы развития этносов определены довольно жестко, весь путь этнос проходит за 1200–1500 лет. Изменить ничего нельзя. Согласно воззрениям Гумилева, есть только одна возможность продлить срок существования этноса, если этнос перерастает в реликтовую культуру (мемориальная фаза этногенеза), при условии, если ему удается достичь гармоничного равновесия с образующим ландшафтом. Впрочем, это в чем-то равносильно гибели этноса, поскольку реликтовая культура малочисленна, пассивна и статична. В действительности этнические фазы развития варьируют значительно сильнее, от нескольких сотен лет до нескольких тысячелетий. Все зависит от размеров этноса (в малых этносах этническое развитие, значительно интенсивнее, а значит, и старение наступает раньше), а также от темпов развития. Замедлив темпы роста потребностей, человек может замедлить старение этноса. К сожалению, сейчас чаще наблюдается обратная тенденция, как правило, под влиянием более «цивилизованных» соседей, молодые культуры, быстро усваивая все хорошее и равно плохое, что присуще культурам зрелым, сами тем самым ускоряют свое старение. Даже человек в силах существенно повлиять на срок собственной жизни, культуры же значительно более изменчивы и пластичны. Главным образом все зависит от того, какой путь развития выберет этнос: интенсивный либо экстенсивный. Как писал Тойнби: «Догматически твердить вслед за Шпенглером, что каждому обществу предопределен срок существования столь же глупо, как и требовать, чтобы каждая пьеса состояла из одинакового числа актов»[39].

Достоинства концепции Гумилева

1. Главной и наиболее содержательной частью концепции Гумилева можно считать идею пассионарности.

2. Благодаря необычайной эрудиции и трудоспособности Гумилеву удалось создать действительно интересную и масштабную концепцию, по глубине охвата сопоставимую даже с тойнбианской.

3. Органический подход к этногенетическим процессам. Этносы, как и все живое, рождаются, развиваются и умирают.

4. Гуманизм его концепции. Нет этносов низших и высших, есть только этносы на пике развития либо уже прошедшие его.

5. Неординарность и независимость концептуальных построений. С его идеями можно и хочется спорить, можно с ними не соглашаться, но трудно оставаться равнодушным к ним.

Недостатки

1. Механизм пассионарных толчков необоснован. В частности, непонятен источник энергетических импульсов, способ аккумуляции их человеком и механизм генетического всплеска пассионарности.

2. Географический детерминизм. Образующий ландшафт, в его концепции, имеет определяющее значение не только для формирования этносов, но и для их существования. Тем самым ставится под сомнение одно из важнейших достижений человечества, отсутствие прямой зависимости от окружающей среды.

3. Излишняя биологизация этноэволюции и генетический детерминизм. Важное место в его концепции занимает механизм биологической самоорганизации – «естественный отбор». К тому же он настаивает на исключительно генетической, наследственной природе пассионарности. Генетические факторы в действительности являются определяющими в процессах биогенеза, в эволюции же человеческого общества генетические изменения не имеют направленного характера.

4. Провиденциализм. Гумилев приводит весьма жесткие сроки существования этносов: 1200–1500 лет. Допускается все же возможность неограниченного существования этноса в том случае, если ему удается достичь состояния равновесия с образующим ландшафтом – гомеостаза.

Таким образом генетическая пассионарная концепция Гумилева, возможно, верна только при условии принятия ряда допущений:

1. *Имеют место до сих пор не открытые пассионарные толчки космической природы.*

2. *Каким-то образом эти толчки обеспечивают приток этнической энергии посредством образовавшегося при этом гена пассио-*

нарности.

3. *Генетическая эволюция сохраняет свою детерминирующую роль и в обществе.*

4. *Строго определенный мутаген должен оказывать строго определенное воздействие и приводить к образованию строго определенного гена.*

5. *Пассионарная мутация должна быть доминантной.*

6. *Этнос обязательно должен быть неразрывно связан с образующим ландшафтом.*

Каждое их этих допущений весьма маловероятно, вероятность же того, что все они одновременно имеют место, практически равна нулю. Теоретически такая модель все же возможна. Однако стоит ли ее принимать, если имеются модели, объясняющие этнические процессы и без привлечения неведомых сил и ряда маловероятных допущений. Наука не стоит на месте, могут появиться и новые факты, противоречащие этой модели этногенеза. Конечно же этнология не точная наука, поэтому и для новых противоречий можно будет найти объяснение. Но стоит ли? Если в окно влетает камень, мы же не ищем в небе летающей тарелки в поисках виновника, хотя теоретически и такое возможно, гораздо естественнее искать причину на Земле. Зачем множить сущности, зачем, решая одну проблему, добавлять еще больше нерешенных проблем? Может, логичнее, следуя принципу Бритвы Оккама, принять более простое решение?

Механизм этногенеза

По-видимому, механизм формирования этносов имеет бифуркационный характер. Под бифуркацией в синергетике подразумевают внезапное, скачкообразное и непредсказуемое изменение характера протекающих в системе процессов [40]. Сущность бифуркаций заключается в том, что сразу, после того, как накопление изменений в системе достигает какого-либо определенного критического порога, происходит резкий качественный скачок в ее содержании. При этом после прохождения критической точки, называемой *точкой бифуркации,* точно предсказать направление дальнейшего хода изменений в системе считается невозможным.

Например, в случае разделения водоема на две части неизбежно ограничение генетического обмена между разделенными популя-

циями гидробионтов (только той части флоры и фауны водоемов, которая живет и размножается исключительно в водной среде). В этом случае накопление различий, в результате мутаций, идет, как правило, быстрее, чем сглаживающая роль ограниченного обмена генами между ними (аллопатрическое видообразование). Такое ветвление ничего общего с бифуркацией не имеет. Нарастание различий, в принципе, предсказуемо, плавно и обратимо. Достаточно упомянуть, что если эти части водоема вновь объединятся, тогда все накопленные различия безболезненно и быстро сойдут на нет. Когда же к экологической изоляции популяций указанных частей водоема добавится генетическая изоляция, после того как нарастание подвидовых различий достигнет уровня видовых, дальнейшее нарастание различий значительно ускорится. И действительно, сглаживающее влияние, заключающееся в межпопуляционном генном обмене, в последнем случае окончательно прекратится в результате того, что здесь к географической или биотопической изоляции добавится *репродуктивная изоляция*. Разные виды, как правило, не скрещиваются. Одной из главных причин нескрещиваемости можно назвать невозможность конъюгации гибридных хромосом при мейозе, вследствие их несовместимости. Значит, накопление генетических различий достигнет точки бифуркации тогда, когда эти различия станут уже слишком значительными для возможности хромосомной конъюгации. Нелинейное, экспоненциальное развитие вновь образуемых видов приведет, в последнем случае, к столь резкому изменению устоявшегося экологического равновесия в цепях питания, что это может привести к самым непредсказуемым последствиям. Кстати, в данном случае «репродуктивная изоляция может быть не только результатом, но и в известной мере причиной дальнейшей дивергенции»[41].

Но какое отношение все это имеет к этноэволюции? Человека нельзя полностью антиредукционистски отрывать от его биологической природы. И хотя природа самоорганизационных процессов в социальных системах качественно другая, общие закономерности сохраняются. Проще понять процессы этногенеза, сопоставив его с видообразованием. Этносы, конечно, не виды, но механизм этноэволюции в чем-то аналогичен видообразованию. Для иллюстрации такой общности проанализируем аналогичную ситуацию с изоляцией некоей группы людей от основного этноса. Накопление генети-

ческих различий в данном случае будет иметь второстепенное значение, значительно большую роль здесь приобретают язык, нравы, обычаи, традиции и т.п., т.е. самобытная культура этноса. Эволюционирует язык, трансформируются обычаи, нравы, видоизменяются этические принципы, и иногда может видоизменяться даже такая консервативная этническая ось, как религия. Стремление к созданию собственной автокефальной церкви связано, прежде всего, с желанием укрепить обособленность и независимость от праобразующего этноса. Если все эти изменения будут протекать в различных независимых частях одного этноса, неизбежно постепенное, эволюционное накопление различий. Но до тех пор, пока эти изолированные субэтнические общности не осознают себя в качестве отдельного и независимого этноса, указанные различия будут носить обратимый характер за счет генокультурной ассимиляции с образующим этносом.

По этой же причине накопление различий будет протекать чрезвычайно медленно за счет сглаживающего влияния смешанных браков, а также языковых и культурных заимствований. Но все в корне меняется после прохождения бифуркационного порога, который социально-этническая система проходит после осознания конкретной социальной группой себя в качестве самостоятельной этнической единицы (самосознание этноса). В последнем случае ассимилирующее влияние праэтноса в результате совместных браков, иммиграции и эмиграции резко сокращается. Важно при этом учесть, что основную изолирующую роль, предохраняющую формирующийся этнос от ассимиляции, играет не столько снижение числа смешанных браков, сколько это проявляется в стремлении к сохранению своей культурной самобытности и чистоты национального языка. Снижение заимствований в эпосе и фольклоре, сохранение традиций и обычаев и т.д. Биологические факторы переходят на второй план, уступая место социальным факторам. При этом после формирования этнического самосознания сразу включается целый комплекс защитных механизмов, сохраняющих достигнутую самобытность. И в общем-то вполне объяснимо, почему эти барьеры особенно жестки в молодых, малочисленных этносах и потому более подверженных ассимиляции. Запрет браков без родительского благословения, религиозная и этническая нетерпимость, целая система этических и даже законодательно закрепленных запретов – это

далеко не полный перечень защитных механизмов. Все это – на языке синергетики – есть способы поддержания диссипативной системой, которой, безусловно, является этнос, квазиустойчивого равновесия или, что, впрочем, то же, устойчивого неравновесия. Если изолирующие барьеры исчезают до того, как была пройдена точка бифуркации, после которой накопленные различия принимают необратимый характер, тогда это может привести к самопроизвольной ассимиляции кандидата в новый этнос.

Приведем пример с казачеством, являющимся своеобразной субэтнической подгруппой русского этноса. Здесь изолирующим фактором, способствующим этногенезу, являлось расположение исключительно на рубежах Российской империи или, во всяком случае, в ее наиболее опасных участках. Не менее существенным фактором изоляции являлись экономические льготы. С одной стороны, эмиграция ограничивалась чрезвычайно суровыми условиями в занимаемой казаками территории, с другой – иммиграция ограничивалась изнутри. Казаки ревностно охраняли свои привилегии. Что же помешало казакам выделиться в самостоятельный этнос? Ведь они не только не отпочковались от праэтноса, а, напротив, являются его этнонациональным ядром, наиболее ревностно охраняющим интересы русского этноса. По всей видимости, после формирования регулярной армии в России изолирующие барьеры снизились, поскольку в некоторых случаях слишком независимые казаки были помехой авторитарности Российской империи. Окончательный удар по формирующемуся этносу нанесла большевистская революция. Казаки, как известно, входили в число наиболее ревностных противников советской власти и получили такой удар по своей самобытности, который сказывается до сих пор. Все это произошло до прохождения критического (бифуркационного) порога развития, и казачество так и не успело выделиться в полностью самостоятельный этнос. А вот воссоединение Украины с Россией произошло, напротив, уже после указанного критического бифуркационного порога. То же можно сказать и о чехах, и словаках, славянских народах Югославии, немцах и австрийцах. Южная Осетия и Абхазия, казалось бы, уже практически гармонично в общекультурное пространство Грузии, однако последующие события показали, что самосознание народа гораздо сильнее кажущейся внешней культурной общности. Во всех случаях чем более жестка и интегрирована структура

доминирующего этноса, тем сложнее преодолевается бифуркационный барьер, препятствующий выделению субэтноса в самостоятельный этнос.

Практически невозможно уловить ту грань, когда происходит бифуркационный скачок к новой этнической реальности, поскольку главный и определяющий критерий – этническое самосознание – весьма субъективен и относителен. Самосознание редко бывает одноуровневым, по одну сторону этнического самосознания лежит самосознание субэтническое, самосознание племенное или родовое, по другую – с этническим самосознанием соседствует макроэтническое самосознание либо даже государственное или суперэтническое и конфессиональное («мы купеческие», «мы поморы», «мы русские», «мы славяне», «мы россияне», «мы православные»). И далеко не всегда этническое самосознание бывает сильнее прочих. К тому же в критические периоды истории всегда возрастает самосознание того уровня, которое испытывает наиболее сильное давление извне либо изнутри. Поэтому сложно уловить тот момент, когда самосознание субэтническое вырастет до уровня этнического. Косвенно эту грань обозначает появление нового этнонима, самоназвания этноса. Но и этот критерий нельзя считать полностью достоверным, поскольку субэтносы также иногда имеют собственный уникальный этноним, точнее его можно назвать субэтнонимом.

Итак, главным внутренним источником этногенеза является формирование нового этнического самосознания, главным же внешним источником можно назвать изоляцию. Какие же основные изолирующие барьеры могут быть источником этнических процессов? Основным внутренним источником такой изоляции является опять-таки этническое самосознание, поскольку именно оно заставляет отдавать предпочтение эндогамным браками и отдавать предпочтение собственным деятелям культуры, испытывать гордость за своих героев. Именно оно наполняет нас любовью к собственной культуре и языку. Самосознание не только следствие, но и источник этногенеза. Такое образование замкнутой причинно-следственной петли является характерным признаком нелинейных диссипативных систем. Очевидно, что высокий социальный статус этноса создает повышенный уровень привлекательности не только для членов данной общности, но и для потенциальных новых ее членов. Поэтому чем активнее развивается этнос, тем активнее идет привлечение но-

вых членов и меньше потери собственных. Значит, нелинейный характер будет иметь как развитие этноса, так и его угасание.

Гумилев пишет: «В становлении первичного коллектива, зародыша этноса, главную роль играет неосознанная тяга людей определенного склада друг к другу. Такая тяга есть всегда, но когда она усиливается, то для возникновения этнической традиции создается необходимая предпосылка. А вслед за тем возникают социальные институты»[42]. И это, в общем, верно, но взаимная тяга людей не первична, она возникает как результат некоей общности, а общность эта возникает после того, как эта группа продолжительное время находилась в изоляции и в результате накопила общие черты и различия с прочими субэтническими группами. Именно осознание того, что они похожи друг на друга больше, чем на других, и создало эту взаимную тягу. Значит, первична не взаимная тяга, неизвестно отчего вдруг возникающая, а изоляция и осознание общности, а это и есть этническое самосознание.

В биологии существует понятие – *симпатрическая изоляция*, это когда два близких подвида или две популяции, занимая одну территорию, тем не менее не смешиваются друг с другом. Часто это бывает следствием этологических (поведенческих) барьеров. Точно так же и самосознание этноса служит источником такой симпатрической изоляции при совместном проживании различных этносов на одной территории. И все же симпатрическая изоляция сама собой не может возникнуть, до формирования собственного этнического самосознания. Для образования внутренних этнических барьеров изначально необходимы барьеры внешние, основанные на внешней изоляции. В животном мире видообразование, как правило, связано с географической или с биотопической (как в описанном случае с разделением водоема) изоляцией. В этногенезе географические барьеры, как правило, играют значительно меньшую роль, поскольку для человека на Земле не существует непреодолимых препятствий. Но в некоторых случаях этнические процессы могут быть обусловлены географической изоляцией (острова, горный рельеф с непреодолимыми ущельями, изолированный материк).

И все же это не объясняет того, почему в наиболее благоприятных уголках Земли, где самым серьезным изолирующим барьером служит река, мы также обнаруживаем весьма пестрый этнический

состав. Это объясняется наличием гораздо более серьезных изолирующих барьеров социальной природы, и это, прежде всего, барьеры государственные. Можно привести множество случаев, когда именно государственные или же административно-территориальные барьеры способствовали формированию новых этносов.

В малых этносах, в которых этнические процессы протекают по понятным причинам значительно быстрее, для этнической дифференциации требуется значительно меньше времени и достаточно частичной изоляции, связанной с весьма условными административно-территориальными границами.

Таким образом, этноэволюцию можно разделить на макроэтноэволюцию и микроэтноэволюцию. Макроэтноэволюция – это эволюция крупных этносов, суперэтносов и макроэтносов, к каковым можно отнести и нации крупных полиэтнических государств. Основными факторами макроэтнических процессов эволюции можно назвать государственно-политическую изоляцию и симпатрическую изоляцию на конфессиональной основе. Географическая изоляция играет значимую роль в макроэтногенезе только на уровне континентов. Впрочем, в Новое время ни один континент нельзя считать достаточно изолированным для этого. Для образования любой из названых макроэтнических групп требуются века. В процессах микроэтногенеза играют значимую роль уже значительно меньшие промежутки времени, в пределах нескольких десятилетий. Субъектами микроэтногенеза являются малые этносы и субэтносы. Здесь достаточными могут быть практически любые ландшафтные изолирующие барьеры, так или иначе затрудняющие свободное перемещение, такие как горные ущелья, реки и т.д. Ярким примером микроэтноэволюции, как результата именно географической изоляции, может служить Дагестан, где на сравнительно небольшой территории проживает несколько десятков коренных народностей, что связано с изрезанностью значительной части территории Дагестана горными ущельями. Если говорить об изолирующих барьерах социального порядка, то здесь даже весьма условные границы автономно-территориального округа или штата могут оказаться достаточными.

Можно проиллюстрировать процессы микроэтногенеза на примере постепенного обособления двух осетинских субэтносов в самостоятельные этносы. Речь идет об иронцах и дигорцах. И хоть эти субэтнические общности не имеют общего этнонима на родном языке, а лишь

на русском (осетины), говорить о том, что это самостоятельные этносы, еще рано. Однако различная конфессиональная принадлежность этих субэтнических групп постепенно способствует все более глубокому их разобщению. Во времена Советского Союза религиозные различия были еще не существенны, но в Новое время они начинают играть уже все более значимую роль. И вот уже впервые, во Всероссийской переписи населения 2002 г., отмечены случаи этнического самоназвания «иронец» и «дигорец» в графе «национальная принадлежность». И хоть эти случаи еще редки, можно предположить, что эти субэтнические группы начали приближаться к необратимому порогу бифуркационного разделения. И это несмотря на то, что осетины, впрочем, как и адыгские народы, никогда не отличались склонностью к радикальной религиозности. Иногда упоминают еще одну субэтническую общность осетин – «кударцы», или так называемые «южные осетины» (жители Южной Осетии). Кударский субэтнос – это не более чем миф, в действительности так себя называют лишь жители нескольких сел, при этом никак себя не обособляя от прочих иронцев как Южной, так и Северной Осетии [43]. Тем не менее частичная изоляция «южных осетин» со временем могла привести к их обособлению. Однако в настоящее время их вполне понятная тяга к России, как никогда ранее, способствует их интеграции с осетинами РСО–Алании.

В описанном случае, когда от великоросского этноса дивергировали украинский и белорусский этносы, по всем признакам можно констатировать, что это был макроэтногенез. Однако численность этих народов тогда не превышала численности современных малых этносов. Это противоречие только кажущееся. Указанные закономерности не являются застывшими и неизменными. Эволюционный подход необходим, в том числе и к самой эволюции. Биологическая эволюция все время ускоряется, точно так же и темпы этноэволюции постоянно возрастают. Ускорению этноэволюции ныне способствует большая скученность населения и высокая жизненная динамика. В наше время жизненные процессы протекают настолько интенсивно, что для достижения критического порога необратимости межэтнических различий требуется значительно меньшее время, и поэтому весьма условные барьеры могут оказаться достаточными.

Макроэтноэволюция прошлых времен имела еще одну важную особенность. Тогда единым этносом не могли ощущать себя достаточно большие группы людей, поскольку средства межличностных ком-

муникаций не были достаточно развитыми. А для того чтобы ощущать собственную сопричастность, нужна довольно тесная информационная связь, которая, конечно же, тогда была только на микроуровне. Тогда еще микроэтноэволюция была фактически неотделима от макроэтноэволюции. Поэтому понятие «римлянин» означало не больше чем гражданин Рима, а «франк» – не больше чем христианин-католик. Крупные этносы и полиэтнические образования реально осознали себя единой нацией на государственном уровне лишь в XVI–XVII вв. в Европе.

Кстати, в отношении биологического уровня развития материи еще отцы-основатели синтетической теории эволюции Симпсон и Майер подчеркивали, что видообразование протекает особенно интенсивно в малых изолированных популяциях. И здесь можно найти аналогию этногенеза с видообразованием. Конрад Лоренц в своем знаменитом труде «Агрессия» находил общность развития культур с видообразованием: «Развившиеся в культуре социальные нормы и ритуалы так же характерны для малых и больших человеческих групп, как врожденные признаки, приобретенные в процессе филогенеза, характерны для подвидов, видов, родов и более крупных таксономических единиц. Историю их развития можно реконструировать методами сравнительного анализа. Их взаимные различия, возникшие в ходе исторического развития, создают границы между разными культурными сообществами, подобно тому, как дивергенция признаков создает границы между видами. Поэтому Эрик Эриксон имел все основания назвать этот процесс «псевдовидообразованием»[44].

И так же, как для процессов видообразования играет решающую роль изоляция популяций, изоляция отдельных групп людей может способствовать выделению их в самостоятельный этнос. Частично такая изоляция связана с пограничными барьерами, ограничивающими эмиграцию и этнокультурную ассимиляцию. Но главное, такой изоляции способствует формирование особой формы самосознания нового уровня, самосознания государственного, которое сопоставимо и в некоторых случаях даже выше этнического. И если государственное самосознание настолько развивается, что вытесняет самосознание этническое на второй план, тогда формируется единый государственный полиэтнический макроэтнос, как, например, американская нация.

Государство является важнейшим этнообразующим фактором, поскольку государственный патриотизм, в ответственные для своей страны периоды, бывает часто выше этнического. Государства разделяют этносы, и в этих оторванных островках диаспор развиваются собственные этнические образования. Государства ассимилируют этносы в единую нацию. Государства сплачивают различные народы под общим флагом, заставляя забывать об этнических разногласиях. Государства имеют собственную душу, интегрирующую духовные начала различных народов и сплачивая их в единый кулак. Но когда этническое равновесие нарушается и уровень этнического самосознания начинает перехлестывать через край этнического равновесия, межэтнические распри могут взорвать государство изнутри. Поэтому стабильность в многонациональных государствах даже важнее внутриэтнических амбиций и нужно уметь усмирять национальный гнев, ставя государственные интересы выше этнических.

Конструктивистские перегибы в этнологических и этнографических исследованиях

В настоящее время довольно часто мы встречаем случаи проявления гипертрофированного этнического самосознания в научной среде, что недопустимо, поскольку ученый должен всегда выступать sine ira et studio (без гнева и пристрастия). Впрочем, это в какой-то мере можно понять и объяснить, трудно бывает абстрагироваться от своих корней и стараться все интерпретировать трезво и независимо. Ведь ученый – это не только исследователь, но и носитель определенной культуры, сакральных ценностей, которые не только мешают объективному осмыслению, но и в той же мере позволяют творить ярко и плодотворно. И потому не стоит пренебрегать такой духовной заинтересованностью исследователя. Вместе с тем, часто такая духовная заинтересованность приводит к некоторой пристрастности, когда ученый, сам того не сознавая, отсеивает многие неудобные факты, другие же факты, которые наполняют его сердце гордостью за свой народ, часто принимаются с готовностью без каких-либо доказательств. Среди таких фактов в этнических исследованиях наиболее часто встречаются следующие:

1. **Этноархаизация**. Искусственное удревление собственного народа.

2. **Этногероизация**. В конструктивистском подходе встречаются довольно часто такие случаи, когда вымышленные и даже мифические герои вдруг объявляются реальными представителями великих предков или когда великие деятели других и не всегда даже родственных народов объявляются собственными героями. Либо практикуется явное преувеличение заслуг великого предка.

3. **Редукция менее значимых предковых линий**. Отождествление собственного народа с самым великим из предковых народов. Довольно частое конструктивистское искажение собственной этнической истории. Как писал Л. Н. Гумилев: «Как нет человека, у которого были бы только отец или только мать, так нет и этноса, который бы не произошел от разных предков. Так, из смеси славян, угров, аланов и тюрок развилась великоросская народность»[45]. То есть предков у любого народа всегда множество, но среди всех предков, как правило, выбирается тот, который оставил наиболее значимый след в истории и часто не просто объявляется единственным предком, но и фактически отождествляется с собственным народом. Как, например, многие народы Северного Кавказа часто фактически отождествляют себя с аланами или в некоторых публикациях часто можно встретить отождествление русских со скифами. Таких примеров можно найти множество.

4. **Автоэтнизация межкультурных универсалий**. Борьба за этническое авторство традиционных элементов различных культур. За примерами далеко идти не надо, достаточно вспомнить ожесточенные споры за авторство Нартского эпоса или знаменитой саги «Витязь в тигровой шкуре».

5. **Субъективное расширение этнического ареала**. Территория, населяемая тем или иным народом, динамична, но часто нам хочется принять за единственно справедливый тот наибольший ареал, какой когда-либо принадлежал собственному народу в период расцвета, причем каждый народ предпочитает публиковать и распространять различные карты различных эпох, поэтому неудивительно, что появляется значительная доля спорных территорий. К тому же, территориям расселения этноса часто необоснованно присваивают государственный статус (например, довольно часто можно встретить в публикациях карту Черкесии, которая существовала только лишь как комплекс родственных адыгских племен, политически никак не связанных между собой). Встречаются искажения в трактовании ареала для номадных племен. Кочевые народы мигрировали

на довольно значительные расстояния, но из этого не следует, что вся эта громадная территория была их ареалом.

6. **Автохтонизация**. Довольно часто бывает и так, что исследователи объявляют свой народ коренным, одновременно доказывая, что все прочие, проживающие на данной территории, являются пришлыми. Рассмотрим последний феномен более подробно.

Правда и вымысел о так называемых коренных народах

Для начала следует разделить понятия «автохтонный народ» и «коренной народ». Даже в специальной литературе довольно часто эти понятия отождествляются. Вместе с тем, коренным народом следует считать любой народ, проживающий на данной территории настолько продолжительно (как правило, не менее нескольких веков), что за этот период он успел органично вплестись в данный природный и культурный ландшафт настолько, что гармонизировался с окружающей средой. Иными словами, коренной народ вполне может быть и «пришлым», тогда как автохтонный народ – это всегда народ, который сформировался на данной, занимаемой в настоящий момент территории. Казалось бы, все ясно и здесь не может быть оснований для каких-либо спекуляций, но не тут-то было. И причин тому множество. Перечислим наиболее часто встречающиеся:

1. Само понятие «коренной народ» субъективно. Сложно определить, какой срок проживания достаточен, чтобы народ можно было бы считать уже коренным, и насколько он должен быть органичен с природным и культурным ландшафтом. Кроме того, всегда могут быть претенденты на право быть «более коренными», а поскольку удревление народа и отождествление собственного народа с самыми древними и великими предками также практически всегда имеет место, то и в данном вопросе никогда не бывает однозначной точки зрения. Кроме того, следует учитывать и асинхронность этнического взаимодействия с природным и культурным ландшафтом. Некоторые народы проживают изолированно на данной территории относительно непродолжительное время, активно адаптируясь, другие же, при продолжительном существовании, могут сохранить гораздо меньше связей с данной территорией проживания.

2. Еще больше путаницы возникает при определении автохтон-

ности народа. Здесь разночтения связаны с тремя основными причинами.

– *Первая причина* связана с уровнем идентификации этноса (родовой, племенной, субэтнический, этнический, макроэтнический). Например, кабардинцы являются автохтонным народом в своей республике на субэтническом уровне, тогда как на уровне этническом (адыги) они пришлые с Западного Кавказа, а на макроэтническом уровне их предки уже попадают за пределы Кавказа в Анатолию.

– *Вторая причина* связана с уровнем регионального охвата. Те же адыги являются автохтонами для Кавказа в целом, но если брать Центральный Кавказ, то нет, тогда как осетины или балкарцы сформировались на Центральном Кавказе как этнос и потому являются автохтонами, но их ближайшие предки, номадные племена алан и кипчаков, являются пришлыми.

– *Третья причина* связана со сложным полиэтническим происхождением практически любого этноса. Фактически все коренные народы Кавказа генетически и культурно связаны как с пришлыми с Предкавказья номадными племенами или с цивилизациями Анатолии и Ближнего Востока, так и с местными автохтонами. Те же осетины, карачаевцы или балкарцы совмещают в себе гены как пришлых кочевников, так и древних кавказских автохтонов кобанской культуры. Какую генетическую долю этих автохтонов следует считать достаточной, чтобы считать себя коренным? И опять же все вышеперечисленные вопросы в той же мере относятся и к указанным автохтонам, поскольку однозначно бесспорно автохтонным можно считать лишь кроманьонский субстрат. Но ведь и кроманьонцы пришли с Африки. Так что мы имеем фактически неограниченный материал для возможных спекуляций.

Итак, какой же народ можно считать автохтонным и коренным? Думаю, что в столь неоднозначном и спорном вопросе стоит принимать наиболее толерантную точку зрения, согласно которой любой народ, который связан своим происхождением хотя бы на племенном уровне с данной территорией, можно считать автохтонным, и любой народ, который впитал в себя традиционные элементы региона и органично с ним связан, можно считать коренным. Например, таковыми можно считать и терских казаков, поскольку они подпадают под это широкое определение автохтонности.

Принцип компенсации энтропийного возмущения и его роль в этноэволюции

Энтропия – это, в сущности, стремление частиц к максимально равномерному распределению в пространстве. Связано это со статистическими законами, согласно которым наиболее вероятными состояниями являются состояния хаотические. Например, если трясти стакан, в котором два слоя песка разного цвета, очевидно, что с каждым очередным потряхиванием песчинки разного цвета будут распределяться все более равномерно. И вовсе не потому, что какая-то неведомая сила направляет их именно к такому распределению, а попросту потому, что такое состояние наиболее вероятно. Однако почему тогда в мире существуют структуры из сравнительно чистых веществ? Почему они попросту не перемешиваются с течением времени? Все дело в том, что второе начало термодинамики полностью действительно только для идеального газа. Реальные же природные структуры, под действием межмолекулярных и других взаимодействий, приходят в равновесное состояние при образовании структур, весьма далеких от хаотических. Как, например, при кристаллизации. И это проявляется на всех уровнях организации материи. Почему гены с течением времени не распределяются равномерно между всеми особями одного вида? Почему этносы не ассимилируются с течением времени? Может, и здесь действуют определенные силы, направленные на поддержание локальных очагов негэнтропийности (отрицательной энтропии)?

Все структуры в природе обладают в той или иной степени устойчивостью к разрушительному воздействию хаоса. Физические линейные системы обладают определенным порогом упругости. Если воздействие извне не превышает указанный порог, тогда система, обладающая упругостью, неизбежно возвращается в исходное состояние, действуя согласно третьему закону Ньютона: «действие равно противодействию»; в противном случае происходит необратимое разрушение. Теплоемкость физических тел служит буфером против разрушения в результате внешнего термического воздействия. Для термодинамических систем принцип компенсации энтропийного возмущения отражается *принципом Ле Шателье-Брауна*. Согласно данному принципу, устанавливается, что внешнее воздействие, выводящее систему из состояния термодинамического равновесия, вызывает в системе

процесс, стремящийся ослабить эффект этого воздействия. Так, при нагревании равновесной системы в ней происходят изменения (например, химические реакции), идущие с поглощением теплоты, а при охлаждении – изменения, приводящие к выделению теплоты. Буферные химические растворы, являясь линейными системами, также обладают способностью сохранять определенные характеристики внутреннего химизма (например PH) при изменении градиентов концентраций, не превышающих определенный допустимый порог.

Таких примеров можно привести множество, они общеизвестны и самоочевидны. Но все усложняется при рассмотрении систем диссипативной природы, далеких от равновесия. Даже в неживой природе диссипативные структуры образуют настолько сложные паттерны, что для их сохранения таких элементарных свойств, как упругость и буферность, уже недостаточно. Диссипативные структуры приобретают собственные уникальные свойства, направленные на сохранение своей структуры, действующие на основе принципа отрицательной обратной связи, т.е. компенсации энтропийных возмущений. В каждом конкретном случае они уникальны, но все сводится к ассимиляции порядка извне и его последующей диссимиляции, с целью поддержания собственной структурной, негэнтропийной асимметрии с внешней средой.

Однако диссипативные системы неживой природы, так же как и линейные системы, консервативны в своих свойствах. Как бы условия ни менялись, они не идут дальше имеющихся адаптивных свойств. Иными словами, их механизм компенсации энтропийного возмущения жестко адаптирован к конкретной ситуации. Живые организмы в этом отношении пошли дальше по пути сохранения собственной неравновесности. Их механизмы сохранения и упрочения негэнтропийной асимметрии динамичны и могут меняться в соответствии с новыми реалиями. Самый простой и первичный механизм сохранения и поддержания структурной асимметрии живой материи – это поглощение органики гетеротрофами с последующим выделением продуктов жизнедеятельности. Затем появляются организмы, способные самостоятельно синтезировать органику (автотрофы). Организм задействует все новые и новые механизмы, обеспечивающие устойчивость к агрессивному воздействию хаоса. Например, закалка человеческого организма также эксплуатирует принцип противодействия энтропийному возмущению, стимулируя внут-

ренние защитные резервы. Известно, что в некоторых случаях регулярный прием сверхмалых доз яда с постепенным увеличением дозы может привести к полной резистентности организма к нему. Этим же можно объяснить и тот факт, что опытные пчеловоды и змееловы часто бывают устойчивы к действию пчелиного и змеиного ядов соответственно. Внешние вызовы среды, конечно же, несут в себе вполне реальную угрозу, если они зашкаливают за пределы возможных резервов организма, но умеренные вызовы среды могут сделать организм более жизнестойким. Впрочем, имеется и определенная группа факторов, которые ни в коей мере не влияют на рост устойчивости, например, наличие в продуктах питания солей тяжелых металлов.

Все указанные защитные механизмы основаны на общих свойствах физиологии живых систем к поддержанию состояния квазиустойчивого равновесия. Но жизнь чрезвычайно динамична, адаптивная эволюция не стоит на месте, лавинообразно растет спектр адаптаций, жизнь расширяется и уже для ее дальнейшего роста необходимы новые эволюционные решения, и природа их находит.

Одним из следующих по хронологии адаптивных свойств живых организмов, основанных на принципе компенсации энтропийного возмущения, можно назвать эффект *защиты от популяционных мутаций*. Действие этого эффекта проявляется в отторжении из сообщества умеренно похожих, поскольку они несут реальную угрозу чистоте популяции. Смоделируем ситуацию, отражающую антиэнтропийный характер его действия. Допустим, в лисьей популяции появилась группа лис, приобретшая более темную окраску меха в результате генетической мутации. Но может ли такой признак в обычных условиях стать основным в популяции, даже если он более адаптивен? В обычных условиях, конечно, нет. Этот признак будет попросту ассимилирован. Для его распространения нужны специальные условия, способствующие сохранению чистоты данной генетической линии. Одним из таких условий может быть и эффект защиты от популяционных мутаций, под действием которого чернобурки будут изгоняться из популяции. В результате образуются две чистые линии окраса («принцип основателя»). Если на острове темный окрас более адаптивен, тогда он должен постепенно вытеснить рыжий окрас, поскольку выживаемость особей первой группы будет выше. Однако если не будет повышенной агрессивности между

этими двумя цветовыми морфами, при отсутствии географической изоляции данные различия будут быстро ассимилированы, и тогда пока еще доминирующий рыжий окрас все равно победит. И селективное преимущество носителей генов темного окраса тут не поможет, поскольку в гетерозиготном состоянии он все равно не будет фенотипически проявляться. Поэтому данные условия должны способствовать росту частоты гена повышенной агрессивности к умеренно непохожим до тех пор, пока сохраняется опасность «рыжей экспансии». Таким образом, эффект защиты от популяционных мутаций выступает как этологическая форма симпатрической изоляции и может способствовать развитию новых, адаптивно более полезных признаков. Но вот уже чернобурки захватили черный остров, ген повышенной агрессивности к рыжим лисам в этом случае потеряет свою адаптивную значимость. Значит, пользы от него уже не будет, а вред очевиден, поскольку повышенная агрессия всегда связана с дополнительными энергозатратами и рисками. Можно, конечно, возразить, что вреда от такой агрессии не будет, поскольку рыжих лис на острове не останется, но агрессия никогда не бывает жестко направлена. Агрессивные к чужакам агрессивны, хоть и в меньшей степени, и ко всем вообще. Поэтому естественный отбор в таких условиях будет действовать уже в направлении снижения частоты гена повышенной агрессивности.

Очевидно, что механизмы регуляции уровня необходимой агрессивности гораздо более многогранны и не ограничиваются лишь популяционно-генетическими. В частности, саморегуляция агрессии может проходить посредством регуляции гормональной активности гипофиза. Агрессивность может снижаться либо возрастать также и рефлекторно, посредством снижения либо возрастания порога возбудимости в ответ на раздражитель, вызывающий агрессивное поведение. Таким образом, эффект защиты от популяционных мутаций, как частный случай более общего принципа компенсации энтропийного возмущения, также регулирует свою эффективность в зависимости от степени внешнего воздействия.

Можно предположить, что эффект защиты от популяционных мутаций играл значимую роль по крайней мере на заре формирования человеческого общества, пока человек еще не вырвался окончательно из оков биологического эволюционного детерминизма.

Изначально человек был, безусловно, не только безрасовым, но и

неэтническим существом. По всей видимости, именно эффекту защиты от популяционных мутаций мы обязаны первичному формированию племенной и расовой структуры общества. Можно предложить следующую модель первичного этногенеза. Древние люди, как известно, жили небольшими родовыми общинами. Эти группы были слишком малы, чтобы можно было не опасаться импринтинга (вырождения вследствие гомозиготации генома) в случае продолжительной эндогамии. Поэтому мужчины часто искали пару за пределами общины. Поскольку тогда еще не было сформированных этнических сообществ, предпочтение мужчины отдавали девушкам, соответствующим определенному антропологическому типу. Иными словами, половой отбор в человеческих сообществах изначально ориентировался на исключительно биологических критериях. Постепенно, в результате полового отбора, внутри этих межобщинных групп формировался собственный уникальный антропологический тип внешности. Это еще были не этносы. Фактически, исходя из того, что эти группы отличались практически исключительно признаками биологического характера, эти группы являлись еще только биологическими популяциями, поскольку характеризовались определенным уникальным генофондом, устойчивым во времени. Устойчивых социокультурных критериев идентичности они еще не имели. Однако, по всей видимости, морфологическая дифференциация шла значительно эффективнее, чем в биологических сообществах, поскольку половой отбор в значительной мере был осознанным, а значит, более целенаправленным. Например, в жарком климате половой отбор шел в направлении предпочтения более смуглого цвета кожи. Отсюда и такая биологическая полиморфность человека. Например, высочайшая полиморфность пород домашних животных и сортов культурных растений также связана с целенаправленным отбором. Ассимиляции, генетическому растворению этих групп препятствовал эффект защиты от популяционных мутаций, поскольку он стимулировал враждебность к чуждой внешности. Постепенно длительная эндогамия в этих межобщинных группах приводила к формированию также и собственного уникального социально-культурного портрета. Развивались уникальные диалекты, способы хозяйствования и нормы общежития. Характерный тип внешности, если он был недостаточно ярко выражен, усиливался специфической раскраской, характерным одеянием и украшениями. Это делалось неосознанно, а иногда даже и осознанно

именно с целью защиты от ассимиляции чуждыми межобщинными группами.

Поскольку социальные факторы постепенно вытесняли факторы биологические на второй план, все чаще браки заключались на основе социально-культурной общности. Общность антропологическая все еще играла значимую, но уже вторичную роль. И только после формирования такой культурной, относительно изолированной эндогамной группы общин можно считать, что родился новый этнос. Вероятно, именно эти первичные протоэтнические группы и дали начало новым расам, которых изначально могло быть значительно больше, выжили только «лучшие». Феномен этничности не имел места у более древних представителей рода Homo, поскольку у них факторы социального характера не могли играть столь значимую роль, чтобы способствовать эндогамии именно по чертам культурного свойства.

Все эти архаические очаги этничности являлись структурами чрезвычайно неустойчивыми во времени, поскольку были еще слишком малочисленны, да и уровень этнического самосознания в них еще не мог быть достаточно высок. Дело в том, что социокультурный портрет этих этнических общностей был еще недостаточно сформирован, этнический патриотизм могли питать только лишь отдельные локальные победы в межплеменных войнах. Все в корне изменилось после формирования древнейших цивилизаций. Цивилизация, возвысившись колоссом над варварским миром, питала своих граждан нектаром тщеславия, патриотическим зарядом пассионарной энергии. Этническое самосознание в цивилизационном обществе неотделимо от патриотизма. Самосознание, в свою очередь, это не только сила самосозидающая, но и разрушительная для врагов. Вероятно, крупнейшим очагом этничности нового типа, затопившим, в конечном счете, избыточной пассионарной энергией практически всю Евразию, была Месопотамия (VI–II тыс. до н.э.). Этот этногенетический пучок сформировался в районе так называемого «плодородного полумесяца», раскинувшегося от Израиля до Персидского залива и включающего реки Тигр и Евфрат. И действительно, у большинства европеоидных этносов корни происхождения так или иначе связаны в том числе и с этим центром происхождения древнейших цивилизаций. В действительности, конечно же, европеоидная раса имела еще тысячи прочих очагов этничности, но они были

слишком нестойки и потому были фактически затоплены палеоевразийским шквалом пассионарности. Однако пассионарный импульс, чем он более силен, тем быстрее угасает. На смену ушедшему колоссу приходят новые. Рождение новых цивилизаций стимулировало еще более мощный виток этногенетической дифференциации. Исходя из принципа компенсации энтропийного возмущения, жесточайшая конкуренция между первыми цивилизациями за место под солнцем принуждала их распространять экспансию на максимально возможное число народов. Рост этнической активности принял нелинейный и необратимый характер.

После окончательного формирования человека современного типа, в результате снижения роли естественного отбора, снизилась и роль эффекта защиты от популяционных мутаций, как фактора биологического прогрессивного детерминизма и генетической устойчивости. Однако его значимость в процессах социальной дифференциации не только не снизилась, а даже возросла. Только здесь большую роль играют мутации не популяционно-генетические, а совсем другого рода. Конечно же, нельзя недооценивать роль факторов биологической наследственности, но без детерминирующей роли естественного отбора наследственные изменения, в исторической перспективе, носят стихийный характер. Таким образом, следующим шагом в развитии принципа компенсации энтропийного возмущения является сугубо идеологический механизм защиты от крамолы, социально опасных идей. Это только потом эти идеи могут стать прогрессивными, и то далеко не всегда, но изначально они несут с собой хаос, угрозу устойчивости социальной структуры общества.

В настоящее время, в связи с общемировыми интеграционными процессами и гуманизацией общества, данный фактор меняет свои векторы с отторжения чуждой внешности на отторжение чуждой идеологии. Вероятно, рождение идеологии расовой непримиримости является результатом остаточного действия его биологического предшественника, однако в наше время ненависть к умеренно непохожим уже не имеет никакого эволюционного смысла, поскольку человек биологически находится в состоянии эволюционного стазиса. Если мы отторгаем чуждую внешность – это атавизм, если чуждую идеологию – это закономерное следствие социальной дифференциации. В результате социальная общность начинает превалировать над антропологической. Этнические евреи интегрируются с

весьма антропологически далекими этносами под флагом иудаизма, а не с наиболее генеалогически близкими к ним арабами. Американцы англосаксонского происхождения обнаруживают гораздо большую идейную общность с афро-американцами, нежели, например, с афганцами. Значит, даже расовая общность может быть ниже социальной.

Но какие тогда закономерности определяют следующий шаг в развитии механизма компенсации энтропийного возмущения? Если представить этническое самосознание как частное проявление принципов компенсации энтропийного возмущения и защиты от популяционных мутаций, тогда данные тенденции можно будет связать с различными степенями внешнего воздействия, и в первую очередь воздействия, направленного на ассимиляцию этноса. Данный механизм весьма инертен и продолжает действовать какое-то время уже после того, как фактор, спровоцировавший его действие, потеряет свое значение. Поэтому этносы, настраиваясь должным образом на противодействие внешней ассимиляции, после того как внешнее воздействие вдруг ослабнет, теряют приобретенную пассионарную активность далеко не сразу. А за отсутствием внешних сдерживающих факторов повышенная пассионарная энергия, не находя должного противодействия, способствует экспоненциальному росту этноса.

Подобным же образом биологи объясняют резкие скачки численности некоторых популяций животных (перелетная саранча, лемминги и др.). Ведь живые организмы производят потомство столько, сколько необходимо для компенсации естественной смертности, т.е. значительно больше, чем необходимо для естественного воспроизводства популяции. Если же в результате благоприятных изменений внешних условий смертность сокращается, тогда в популяции начинается экспоненциальный рост численности, поскольку жизнь при отсутствии сдерживающих факторов всегда распространяется в геометрической прогрессии. В экологии такой резкий экспоненциальный всплеск численности именуется популяционным взрывом. Ч. Дарвин подсчитал, что если дать возможность всего одной паре слонов и их потомкам размножаться без ограничений, тогда уже через 740–750 лет они займут всю землю. Но это лишь в идеале. В реальных условиях рост популяций сдерживается внутренними механизмами саморегуляции и внешними факторами. В первую очередь

это проявляется в том, что возрастание плотности популяции сопровождается адекватным ростом внутривидовой конкуренции и нехваткой ресурсов жизнедеятельности. К тому же возрастание численности жертвы приводит к адекватному возрастанию численности хищника в связи с ростом пищевых ресурсов для него. По этой же причине возрастает сдерживающая роль паразитарных инфекций. И это лишь краткий перечень сдерживающих факторов роста популяций. В случае же спада численности, напротив, дальнейший ее рост стимулируется ослаблением роли внутривидовой конкуренции и других сдерживающий факторов, а также ростом ресурсов.

В этом и проявляются популяционные механизмы компенсации энтропийного возмущения. Популяционные механизмы саморегуляции в «человеческой популяции» должны быть схожи с биологическими, поскольку человек, при всей своей социальной природе, частично сохраняет биологические механизмы самоорганизации. Конечно, нельзя сводить весь комплекс адаптивных свойств этносов к биологическим механизмам саморегуляции. Как правило, здесь механизмы качественно другие, но аналогия сохраняется. Возрастание агрессивности внешних условий среды всегда способствует росту плодовитости организмов с целью компенсации потерь. Точно так же и внешние вызовы стимулируют возрастание пассионарной активности этносов. Как личности, так и этносы имеют избыточную адаптивность. И если этнос попадает в условия крайне неблагоприятные, тогда этнос мобилизует весь комплекс избыточной адаптивности, и он уже перестает быть избыточным. Если же и этих резервов не хватает, тогда этносу грозит вымирание, в результате межэтнической ассимиляции. Если условия, напротив, улучшаются, тогда эта мобилизованная избыточная адаптивность устремляется всей своей агрессивной мощью на соседей. Именно поэтому чрезвычайно опасны этнические конфликты.

Однако почему тогда различные этносы весьма различны по проявлениям, направленным на сохранение собственной самобытности? Одни стремятся столь энергично сохранить свою этническую самобытность, что всеми силами распространяют ее на другие народы. Другие находятся в состоянии стазиса, культуру не экспансируют, но сохраняют ее ревностно. И наконец, реликтовые этносы уже настолько пассивны, что способны сохраниться только в изолированных областях. Можно предположить, что этносы различаются

не только по уровню пассионарной активности, но и по выраженности различных аспектов самосознания. Например, осетин-дигорец может осознавать себя одновременно дигорцем, осетином, кавказским горцем, россиянином, европейцем, представителем европеоидной расы и всего человечества. Есть еще и другие уровни самосознания, основанные на материальном достатке, социальном положении, профессии и т.д., но в данном случае важен именно этнический аспект. Иногда у человека этническое самосознание бывает ниже макроэтнического, т.е. национального (государственного) самосознания. В тех этносах, в которых число таких людей велико, особенно высока вероятность генетической ассимиляции и, что еще опасней, ассимиляции культурной. В некоторых же этносах уровень этнического самосознания настолько высок, что этого с избытком хватает не только для поддержания этнической целостности, но и на внешнюю экспансию, и расширение собственного этноса. Таким образом, в действительности именно в этом и проявляется пассионарная энергия этноса.

Уровень этнического самосознания может снижаться на границах компактного проживания различных этнических образований, за счет частичной ассимиляции, в результате экзогамии (смешанных браков) и, что особенно важно, за счет этнокультурных заимствований у соседей. Но в тех случаях, когда уровень этнического самосознания высок, как и высок уровень пассионарной активности, этническое самосознание на межэтнических границах может, напротив, еще больше возрасти, как результат противодействия такой ассимиляции. Как, например это происходит с русской диаспорой в странах Балтии или с казаками на Кавказе и в Забайкалье. Поэтому неудивительно, что казалась бы одна и та же ситуация, приводящая к возрастанию миграционной активности различных этнических групп, может приводить как к возрастанию толерантности этносов, так и к возрастанию этнических конфликтов. Таким образом, если низкий уровень этнического самосознания под действием ассимиляционных процессов приводит к еще большему его снижению, а высокий, напротив, к его повышению, можно заключить, что и здесь проявляется нелинейная зависимость, основанная на отрицательной либо положительной обратной связи.

На чем основана регуляция механизма сохранения этнической самобытности? Может, здесь надо искать аналогию с сугубо биологическим механизмом защиты от популяционных мутаций? По-

видимому, да, поскольку, вероятно, непосредственным развитием механизма защиты от популяционных мутаций и его филетическим преемником является механизм сохранения этнической самобытности. Данный механизм, направленный, прежде всего, против внешней генетической ассимиляции этноса, посредством экзогамии и культурной экспансии соседей, является не только средством сохранения существующих этносов, но и формирования новых. По всей видимости, такое этническое свойство, как пассионарность, описанная Гумилевым, и является следствием действия данного механизма, способствующего сохранению этнической асимметрии.

Что позволяет некоторым этносам развиваться быстрее других? Может быть, большая адаптированность? Если биологическая адаптированность, то она не играет определяющей роли, социально-биологические факторы вытесняют на второй план факторы антропологические. Поэтому неудивительно, например, что чернокожим в «туманном Альбионе» живется гораздо лучше, чем африканским. Тогда, может быть, определенные преимущества получают некоторые этносы благодаря определенным социо-культурным свойствам адаптации к социальной среде? Частично это верно, но дело в том, что социальная среда чрезвычайно динамична, а этнокультурные свойства консервативны. Поэтому часто нравы, обычаи и конфессиональное право идут вразрез с новыми реалиями. В таких случаях социальная адаптация этносов и их прагматические свойства уходят на второй план. Стремление к сохранению культурной самобытности превращается в самоцель, ибо в этом прежде всего и состоит «душа» этноса.

Следовательно, для этноса гораздо важнее способность к сохранению и даже расширению своего этнокультурного облика, даже если это чревато утратой определенных прагматических преимуществ. Поэтому побеждают прежде всего этносы, обладающие большим потенциалом пассионарной активности, направленной на сохранение и внешнюю экспансию собственного этнокультурного уклада, даже если их собственная культура менее адекватна современным реалиям. Если же этнос обладает недостаточным потенциалом пассионарности, тогда он гибнет либо перерастает в реликтовый этнос (последнее, впрочем, возможно только в случае практически полного отсутствия ассимилирующего воздействия извне).

Если даже у вновь образуемого этноса потенциал пассионарно-

сти окажется достаточно высоким, то и тогда успех его становления будет зависеть от того, насколько этот потенциал сможет проявиться. Гумилев считает, что пассионарность является наследственно обусловленным признаком [46], и это, вероятно, верно, но лишь отчасти. Основная часть этнодифференцирующих признаков имеет ненаследственный, социальный характер, такие признаки формируются и развиваются непосредственно в этнической среде. Но имеются и некоторые генетически обусловленные признаки, которые могут развиться с большей вероятностью в родной этнической среде, нежели в любой другой. Таким образом, можно говорить не о конкретных наследственных, генетически обусловленных признаках, а лишь о наследственных предрасположенностях. И чем этнически гомогеннее область, в которой развивается личность, и чем выше в нем уровень этнического самосознания, тем ярче проявляются эти предрасположенности. Данный вывод основан на одном из важнейших принципов биологии, на статистическом характере наследования и его зависимости от окружающей среды. В социальных системах эта зависимость еще выше, поскольку генетические предрасположенности могут практически потеряться под мощным прессом социальных факторов, одним из которых и является механизм самосохранения этнической самобытности.

Если предположить, что пассионарность как раз и является тем свойством, на котором основана регуляция механизма сохранения этнической самобытности, тогда рост пассионарной активности можно считать ответом на внешние и внутренние вызовы, так или иначе несущие угрозу для этноса. Если внешний вызов будет слишком сильным, этносу грозит гибель, либо резкое его сокращение; если слишком слабым, тогда не будет стимула для роста пассионарности и этнического самосознания. И только достаточно сильные вызовы, но не превышающие предельно допустимый порог, способны стимулировать этнический рост. Причем вызовы максимально допустимой силы особенно позитивны именно на начальных фазах этноэволюции, поскольку стимулируют развитие этнического самосознания и пассионарной активности, направленной на сохранение этноса. Затем, если внешнее давление не ослабнет, этнос может погибнуть, поскольку ни один этнос не способен сдерживать длительные мощные внешние вызовы. Если же условия становятся более благоприятными, возросшая пассионарная активность, обладающая

определенной инерционностью, все равно сразу не снизится. И тут эта избыточная этническая активность, не находя достойного сопротивления, начинает заливать подобно цунами все соседние этносы, распространяясь до тех пор, пока избыточная адаптивность не уравновесится агрессивностью среды и не перестанет быть избыточной (внешние причины надлома), или когда пассионарность, потеряв внешние стимулы, не начнет резко снижаться (внутренние причины надлома). Этнос ведет себя в таких случаях подобно глубоководной рыбе, поднятой на поверхность, которая начинает раздуваться, благодаря тому, что ее внутреннее давление (аналог пассионарности) значительно превышает давление внешней среды (аналог вызовов со стороны враждебных этносов).

По уровню этнического самосознания этнос никогда не бывает полностью гомогенен как во времени, так и в пространстве. В критические для этноса периоды истории самосознание резко возрастает, в спокойные эпохи, напротив, снижается. Но во все времена уровень этнического самосознания варьирует от полного неприятия представителей других народов (радикальный этноцентризм), до полного безразличия к своей этнической принадлежности (космополитизм). Наиболее этнически активная и патриотичная часть этноса формирует «этническое ядро» или, как мы его называем, «этноцентр», в котором наиболее слаба интеграционная (с другими культурами) составляющая и наиболее сильна структуросохраняющая роль. Оно служит целям сохранения и укрепления этнической целостности. Самая же космополитичная, по своим убеждениям, часть этноса формирует так называемый «космополитный пояс», который служит делу интеграции этноса с остальным миром. В критические периоды истории «этноцентр» предохраняет этнос от полной ассимиляции, во времена же стабильности «этноцентр», сдерживая интеграционные процессы, оказывает скорее отрицательную роль. В целом благодаря тонкому балансу между «космополитным поясом» и «этноцентром» сохраняется диалектическое равновесие между полной этноизоляцией и полной этноассимиляцией. Длительное отсутствие внешних «вызовов» приводит к редукции этнического ядра, что чревато потерей этнической устойчивости, в случае же резкого обострения межэтнических конфликтов, напротив, редуцируется «космополитный пояс», что чревато самоизоляцией этноса. В этом случае активизируется этноцентр, и на его почве вы-

растают грозные ростки радикального национализма и ксенофобии.

Конечно же, национализм в крайних, радикальных своих формах является скорее побочным продуктом процессов самосохранения, когда нечистые на руку политические лидеры, играя на национальных чувствах людей, преследуют собственные политические цели. Почему-то объявлять себя лучше других считается для человека верхом нескромности, а объявлять свой народ лучшим часто отождествляется с патриотизмом. Это в корне неправильно, в конечном счете, этноцентризм для этноса является полным аналогом эгоцентризма для отдельного человека.

Данные выводы частично базируются на теории пассионарности Гумилева и частично на концепции «вызова–ответа» А. Дж. Тойнби. Тойнби, в частности, писал: «Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию. Традиционное мнение, согласно которому благоприятные климатические условия, безусловно, способствуют общественному развитию, оказывается неверным. Наоборот, исторические примеры показывают, что слишком хорошие условия, как правило, поощряют возврат к природе, прекращение роста»[47]. В подтверждение концепции Тойнби можно проиллюстрировать одну весьма любопытную закономерность. Цивилизации первоначально возникали в относительно благоприятных климатических условиях, когда их зависимость от природы была еще настолько высока, что даже и в таких условиях природные вызовы были достаточны для стимулирования развития. Затем, по мере развития цивилизаций, цивилизационные центры все время смещались на север, таким образом снижение зависимости от природы компенсировалось все более суровыми ее условиями. После XIX в. человечество уже настолько оторвалось от природной зависимости, что вообще природные факторы потеряли свою былую организующую, равно как и дезорганизующую роль, и цивилизации начали развиваться в самых разнообразных климатических условиях.

Вместе с тем Гумилев не принял концепцию «вызова–ответа», приписывая Тойнби географический детерминизм. Возражения Гумилева сводятся к тому, что одни и те же «вызовы» могут как стимулировать развитие этносов, так и привести к их упадку, причем это относится как к «вызовам» природы, так и к «вызовам» других этносов [48]. Возражения Гумилева в чем-то верны, а с чем-то можно не согласиться. Во-первых, нельзя понимать тезис о развитии культур как «ответ» на «вызовы»

слишком буквально. Только «вызовы» умеренной силы способны стимулировать «ответ», слишком сильные «вызовы» разрушительны по сути, слабые же недостаточны для стимуляции развития. Об этом писал Тойнби: «Наиболее стимулирующее воздействие оказывает вызов средней силы»[49]. Во-вторых, Тойнби указывает, что маскирующее действие на развитие в ответ на «вызовы» может оказывать «закон компенсаций»: «Суровость вызова физической среды компенсируется несколькими путями. Прежде всего, местность с суровыми природными условиями малопривлекательна для человека и зачастую плохо доступна, что само по себе гарантирует отсутствие соперников»[50]. И точно так же отсутствие стимулов роста в благоприятной местности компенсируется более частыми «вызовами» соперников. В-третьих, что касается географического детерминизма Тойнби, Гумилев частично прав. Не всякий этнос способен найти достойный «ответ» на внешние и даже внутренние «вызовы». Для этого требуется достаточная военно-политическая мощь государства, сравнимая с таковой агрессора, и, конечно же, воля, т.е. пассионарный настрой. Но, с другой стороны, разве это географический детерминизм, когда наряду с «вызовами» окружающей географической среды большую роль (иногда даже бóльшую) играют социальные «вызовы», т.е. «вызовы» агрессоров или внутренние «вызовы» (народные смуты и государственные перевороты). Гумилев почему-то эти факторы также причисляет в разряд географических, что вряд ли верно.

Исходя из концепции Тойнби, следствием отсталости культур может быть как слишком благоприятный климат, так и слишком суровый. И действительно, большое число культур, которые мы считаем «отсталыми»*, находится как на территориях наиболее благоприятной тропической зоны, так и в суровых условиях Крайнего Севера. То же отмечает и Ортега-и-Гассет: «Можно сформулировать закон, подтвержденный палеонтологией и биогеографией: человече-

* Деление как культур, так и этносов на отсталые и развитые в настоящее время оспаривается большинством этнографов и культурологов. Дело в том, что в различных культурах критерии развитости могут сильно разниться, а технократическая культура вообще по многим параметрам может быть причислена к отсталой (бесхозяйственное отношение к природе, неконтролируемый культ потребительства, часто даже сочетающийся с бездуховностью). Поэтому понятие «отсталый» принимается в данной работе не в общепринятом уничижительном смысле, а только как неспособность культуры или этноса на адекватные «ответы» на внешние «вызовы».

ская жизнь расцветала лишь тогда, когда ее растущие возможности уравновешивались теми трудностями, что она испытывала. Это справедливо и для духовного, и для физического существования. Касательно последнего напомню, что человек развивался в тех областях Земли, где жаркое время года уравновешивалось нестерпимо холодным. В тропиках первобытная жизнь вырождается, и, наоборот, ее низшие формы, как, например, пигмеи, вытеснены в тропики племенами, возникшими позже и на более высокой эволюционной ступени»[51]. Средиземноморская тропическая зона явно выпадает из данной закономерности, но здесь свою организующую роль сыграли постоянные социальные «вызовы», в этом весьма густонаселенном регионе.

Конечно же, очень многое зависит от потенциала этноса, поэтому одни и те же вызовы могут как уничтожить один этнос, так и стимулировать к развитию другой. Если этнос сталкивается с неожиданно усиливающейся волной социальных «вызовов», после длительного периода затишья, тогда он может и не успеть мобилизовать защитный потенциал, т.е. восстановить требуемую пассионарную активность. Если же этнос реликтовый, тогда ни при каких условиях он не сможет ответить на серьезные социальные «вызовы», сохранив основу собственной этнической культуры, т.е. сохранившись, как народ.

С. Лурье в одной из своих работ приводит интересный пример с самоидентификацией армянской диаспоры в Ленинграде во время Карабахского конфликта [52]. До этого, трагического для армянского народа, впрочем, как и для азербайджанского, периода члены армянской общины в Петербурге в целом считали себя фактически русскими и не отделяли себя от русской культуры. После конфликта их национальное самосознание резко возросло. Большинство из них после окончания конфликта вновь ушло «в русские», и более того, даже многие из тех армян, которые недавно мигрировали в Россию, так же охотно принимают русскую идентичность. Как считает Лурье, в последние годы вопрос идентификации был насильственно навязан внешним окружением, поскольку армяне были отнесены к «лицам кавказской национальности» со всеми вытекающими последствиями. От себя лишь добавим, что армянский этнос весьма антропологически и социально полиморфен. Русскую идентичность с легкостью принимают только те армяне, которые имеют более

глубокие экзистенциальные и ментальные черты с русскими, а именно такой антропологический тип армян, главным образом, и живет в Санкт-Петербурге. Лурье задается вопросом: «Как они так молниеносно выбрали наиболее адекватную линию поведения, связанную с сегодняшними общеэтническими интересами? И наконец, почему, когда их роль была сыграна, не стали дальше «эксплуатировать» свою этничность, а просто перестали интересоваться жизнью общины?» Нетрудно убедиться, что, взяв за основу исследования динамики уровня этнического самосознания и межэтнических конфликтов «принцип компенсации энтропийного возмущения», найти ответы на все эти вопросы будет несложно. Не в этом ли сокрыты истинные причины такой, казалось бы, иррациональной межэтнической враждебности? Н. Я. Данилевский писал, что враждебность эта «лежит в неизведанных глубинах тех племенных симпатий и антипатий, которые составляют как бы исторический инстинкт народов, ведущий их (помимо, хотя и не против их воли и сознания) к неведомой для них цели»[53].

Таким образом, этносы, как и биологические виды, развиваются, совершенствуя внутренние механизмы поддержания неравновесности, с целью компенсации разрушительного влияния хаоса. Если тщательно проанализировать роль хаоса в прогрессивном развитии общества, тогда, вероятно, этим можно объяснить причину цикличности развития цивилизаций, этносов или же финансовых либо аристократических династий. Цивилизация, отвечая на «вызов», невольно ускоряет свое развитие, если вызов не настолько силен, чтобы разрушить ее. Формируя достойный «ответ», она фактически нейтрализует влияние хаоса, стимул пропадает, и она деградирует. Деградация приводит к распаду, в результате роль хаоса вторично возрастает, и на руинах старого колосса вырастает новый. Как это случилось с Римской империей, которую погубило собственное могущество, породившей две могущественные империи – Франкскую и Византийскую.

В чем же причина наметившейся в последние время опасной тенденции обострения межэтнических конфликтов? Казалось бы развитие процессов глобализации (развитие массовых коммуникаций, создающих эффект одновременности и сопричастности событий, участившиеся миграции людей, развитие транснациональных экономических и политических институтов, развитие единой массовой культуры) должно, вроде, напротив, способствовать межэтниче-

ской интеграции. Однако именно поэтому имеет место, наряду с интегративными процессами, также и прямо противоположная тенденция. Включаются естественные механизмы отрицательной обратной связи, механизмы сохранения постоянства и устойчивости. Ведь, по сути, национальные и конфессиональные движения есть следствия действия механизма, являющегося естественным продолжением эффекта защиты от популяционных мутаций. Чем выше опасность ассимиляции, тем сильнее его действие. Поэтому здесь следует особенно тщательно следить за сохранением тонкого баланса между процессами интеграции и дифференциации. Насильственная, не обусловленная естественно-историческими предпосылками интеграция способна вызвать бурю центробежных сил.

Псевдорелигиозность также является в некоторых случаях своеобразным защитным механизмом от разрушительного, ассимилирующего воздействия на этнос извне. Истинная религиозность отражает сугубо внутреннее состояние человеческой души и, являясь олицетворением морального закона внутри нас согласно известному кантовскому определению, весьма слабо зависит от внешних причин. Но есть и другая форма проявления религиозности, религиозности напыщенной, показной, часто даже агрессивной к другим конфессиям. Вот эта псевдорелигиозность, являясь олицетворением не трансцендентального, а самого что ни на есть материального мира, является также своеобразной формой компенсации энтропийного возмущения извне. Недостаток внутреннего морального закона часто компенсируется скрупулезнейшим, иногда даже сверх необходимых требований церкви, исполнением обрядов. Такие люди со своей напускной, выставляемой напоказ религиозностью являются весьма благоприятной средой для религиозного фундаментализма. Фундаментализм, в свою очередь, также является своеобразной компенсацией энтропийного возмущения. В случае внешней агрессии со стороны другого этноса, являющегося к тому же представителем иной конфессии, резко возрастает этническая и религиозная непримиримость как защитная реакция этноса, и создаются все условия для расцвета религиозного фундаментализма.

Этнос в некотором смысле – самостоятельное целостное мыслящее существо, и это объективная реальность, а не образная метафора. Ему также свойственно чувство самосохранения. И подобно тому, как человеческие клетки-фагоциты борются с пришельцами, причем не всегда

нежеланными, подобным же образом и отдельные люди, восставая против инородцев, являются простыми пешками в защитных комбинациях собственного этноса, сами того не осознавая. Такое отторжение чуждой культуры когда-то было жизненно необходимо для сохранения собственной целостности. А ныне, в связи с интеграцией народов, когда требуется все большая межэтническая толерантность, такие формы отчуждения являются не столько защитной, сколько «аллергической» реакцией этноса. Нация всегда собирательна, полиэтнична, это комплекс отшлифованных веками межэтнических связей, национализм же ведет к разрушению этих устоявшихся связей. «Национализм – это шараханье в сторону, противоположную национальному началу. Оно собирательно, а национализм исключителен и лишь отторгает. Однако в пору упрочения нации он в почете и играет положительную роль»[54]. Поэтому этническая агрессивность может быть полезна только молодым этносам с патриархальной культурой, в которой нет еще внутренних устоявшихся связей. Совсем иная картина в нациях зрелых, здесь опасность кроется не только в потере устоявшихся связей, велика также опасность захлебнуться в собственных геронтологических соках. Ведь стареющему этносу просто необходим приток свежих сил, как стволовые клетки больному раком. Стареющий этнос малопластичен и слишком однороден, а для эффективного функционирования разнородность просто жизненно необходима.

Постепенно этносы интегрируются между собой на государственном и межгосударственном уровнях. Экономические и культурные связи, а также межэтническая и межгосударственная специализация производства делают их все более взаимозависимыми. Иными словами, снижается этническая пластичность. В таких условиях слишком резкая динамика межэтнических конфликтов может нарушить шаткое равновесие между уровнем пассионарной активности этносов и глубиной внешних вызовов. Такое нерациональное стимулирование роста этнического самосознания и пассионарной активности может привести к тому, что они начнут перехлестывать через край. И образовавшаяся волна пассионарной активности способна разрушить веками установившиеся интеграционные межэтнические связи. Поэтому в наше время радикальные национальные движения несут в себе реальную угрозу, а резкие всплески национального и конфессионального радикализма способны вызвать прежде всего необдуманные военные акции. За примерами далеко идти не надо.

Уровни этнической идентификации

Сразу следует оговориться, что все описываемые ниже системы имеют статистический характер. Наиболее статистически достоверен этнический уровень, если же мы спускаемся ниже, до субэтносов и племен, или поднимаемся выше, вплоть до уровня суперэтноса, то границы становятся все более размытыми и неопределенными. Все дело в том, что субэтносы и другие микроэтнические элементы этносистем – это, образно говоря, кандидаты в будущий этнос. Если не будет соблюден целый ряд необходимых условий, кандидатура может не быть «утверждена», как это произошло, например, с казачеством, так и оставшимся членом великой семьи русского этноса. Практически то же можно сказать и о суперэтносах. Здесь суперэтнос выступает как кандидатура в макроэтнос. Дело в том, что уровень внутренней интеграции в макроэтносах значительно выше, чем в суперэтносах. Макроэтносом можно считать тот же этнос, имеющий полифилетическое происхождение, но еще не прошедший порог необратимой ассимиляции входящих в него этнических образований. Например, германский народ когда-то был макроэтническим объединением самостоятельных этносов, затем в результате интеграции образовался полифилетический этнос. То же можно сказать и о русском этносе, и об арабском, да, впрочем, практически любой значительный по численности и занимаемой территории этнос имеет полифилетическое происхождение. Венгры и румыны тоже, кстати сказать, была кандидатами в интеграцию с германским этносом, история распорядилась по-другому. Теперь даже австрийцы уже представляют самостоятельный этнос. Исходя из вышесказанного, любая классификация этносов условна и будет уточняться не только оппонентами, но и исторической судьбой.

Понятие «этнос» перекликается с понятием «нация». Иногда эти понятия трактуются как тождественные. Все же более корректно понимать под нацией *этническую либо макроэтническую общность людей, объединенную единой государственностью и внутренне осознающих это единство, т.е. обладающих сложившимся государственным самосознанием*. Часто повторяют ошибку социалистического периода этнологических исследований, отождествляя нацию с этнической структурой на уровне административно-территориального образования. Это неверно, поскольку деление эт-

носов на нации и народности является, по выражению В. А. Тишкова, доктриниальным этнонационализмом. Для того чтобы перерасти в нацию, этнос либо группа этносов должны коэволюционно врасти в собственную государственность, причем настолько, когда этносы становятся неотделимы от собственного государства. Поэтому либо все этносы, находящиеся на территории государства, если их осознание общности становится сравнимым с этническим, являются единой нацией, либо все они относительно самостоятельные этносы.

Если говорить о суперэтносах, как о самых крупных этнических структурах, то здесь можно выделить только один объективно существующий суперэтнос – это европейский. Возможно, чернокожее население Земли можно также считать своеобразным суперэтносом, который невольно сплотил вызов расизма. Миграционная динамика настолько сложна и бессистемна, а межэтнические взаимосвязи настолько призрачны, что сложно выделять какие-либо надэтнические системы, стоящие над уровнем государственных. Дело в том, что для того, чтобы можно было выделить какую-либо межгосударственную надэтническую общность, необходимо доказать, что уровень генного, а главное – культурного обмена между ними ощутимо выше, чем между другими макроэтническими системами. А для этого требуется подлинное чувство суперэтнического самосознания. Возможно, оно есть у чернокожего населения, возможно, есть у европейцев (впрочем, понятие «западный человек» объединяет еще и американцев, канадцев и даже австралийцев), но большинство других выделяемых многими авторами суперэтнических общностей едва ли характеризуются устойчивым уникальным суперэтническим самосознанием. Например, в настоящее время выделение христианского и исламского суперэтносов неправомочно.

Приведем следующие доводы:

1. Все известные крупные полифилетические и полиэтнические макроэтносы (российский, американский, западно-европейский и т.д.) включают в себя представителей как исламской и христианской, так и некоторых других религиозных конфессий.

2. Во всех крупных международных конфликтах по обе стороны баррикад всегда были представители обеих конфессий.

3. Если в раннее Средневековье религия имела на этническом уровне важную интегрирующую роль (например, образование Арабского

халифата и Франкской империи) и во времена крестовых походов действительно фактически существовали две суперцивилизации – исламская и христианская, то ныне их роль значительно ослабла и нельзя назвать ни один макроэтнос, образованный по религиозному принципу.

4. Многие этносы при делении по конфессиональному принципу будут разделены. Кавказ, в частности, превратится в пеструю помесь двух цивилизаций (исламской и христианской) с примесью буддизма, иудаизма и язычества, где добрая половина народов поликонфессиональна.

5. Конфессиональное самосознание в настоящее время уступает этническому и макроэтническому, и хоть межконфессиональные браки случаются не реже межэтнических браков, смена вероисповедания происходит значительно чаще, чем смена этнической самоидентификации. Мусульманин может стать христианином, но араб едва ли станет итальянцем. Очень часто именно этническое самосознание служит проводником самосознания конфессионального, например, русский осознает свою принадлежность к русской православной церкви именно потому, что он русский. Значительно реже конфессиональность определяет этнический облик.

6. Если говорить об идейной общности, то и тогда мы вряд ли найдем в исламском и христианском мирах столько внутреннего единства, сколько было бы достаточно для их цивилизационного противопоставления. Было бы гораздо логичнее делить население не по вероисповеданию, а на истинно верующих и номинально верующих, и тогда уж наверняка между истинно верующими всех конфессий будет гораздо больше общего.

Движущие факторы этногенеза

Самоорганизационные процессы в этногенезе имеют всеобщие закономерности, свойственные всем сильно неравновесным системам. В качестве важного самоорганизационного фактора здесь выступает объединяющая идея (вера в великих предков, военные успехи, культурные памятники). Причем объединяющая роль культурных памятников этноса стимулирует их дальнейшее производство, т.е. происходит самоорганизация по аналогии с автокатализом (положительная обратная связь).

В процессах этноэволюции, если народ не предпринимает никаких шагов для сохранения и приумножения уникальных черт само-

бытной культуры, если не противится бесконтрольному заимствованию иноэтничных элементов, неизбежно происходит выравнивание социокультурных черт данного народа в зонах межэтнических контактов. Необходимо сохранять шаткое равновесие между полной этноизоляцией и этноассимиляцией.

К **этноассимиляционным процессам** можно отнести: аккультурацию, межэтническую интеграцию, заимствования, экзогамию, снижение этнического самосознания. Среди множества сегрегационных или **этноконсолидационных** процессов можно выделить несколько направлений, так или иначе способствующих дивергенции нового этноса, т.е. его генокультурному обособлению.

Аллопатрическая сегрегация (территориальная изоляция). Если часть ареала распространения этноса будет изолирована, закономерно социально и генетически данная субэтническая общность будет все более отдаляться от своего образующего этноса. Если изолирующие барьеры исчезают до того, как была пройдена точка бифуркации, после которой накопленные различия принимают необратимый характер, тогда это может привести к самопроизвольной ассимиляции кандидата в новый этнос. В противном случае, после формирования уникального этнического самосознания все накопленные изменения становятся необратимыми и тогда включаются все прочие механизмы, еще более укрепляющие новую этническую общность.

Симпатрическая сегрегация. *Мифотворчество*. Политическая и культурная элита новой этнической структуры сознательно либо неосознанно формируют собственную историю. Однако данную конструктивистскую сторону этногенеза не следует абсолютизировать. Мифотворческие конструкты не первопричина все большей дивергенции нового этноса, а следствие, но следствие, которое усиливает и саму причину, что способствует нелинейному ускорению дальнейшей дивергенции. Сегрегации также способствует *самотворение уникального этнокультурного облика*, часто это происходит стихийно и неосознанно, попросту люди с особым энтузиазмом принимают всякое новшество в традициях. *Этноцентризм*. Особенно сильны этноцентристские настроения в тех этносах, в которых велика вероятность ассимиляции. Впрочем, этноцентризм может быть связан также с несовместимостью ментальности или с конфликтом интересов. *Борьба за административно-территориальную обособленность*. То, что образующий этнос име-

нует не иначе как сепаратизм, кандидат в новую этническую общность оценивает как национально-освободительное движение. Собственная, относительно независимая, а значит, относительно изолированная территория способствует сохранению и укреплению достигнутого уровня этнической обособленности. *Эндогамность*. Этнос создает искусственные барьеры межэтническим бракам. Запрет браков без родительского благословления, этические, церковные, иногда даже законодательно закрепленные запреты. *Конфессиональность*. Иногда объединяющая вера является первопричиной этногенеза, но чаще стремление к созданию собственной автокефальной церкви является лишь следствием такого обособления.

Г л а в а II

Этнология народов Кавказа

Кавказские доцивилизационные культуры

Кавказ является, пожалуй, одним из самых интересных регионов в этнокультурном плане. Значительная часть культур Европы, Азии и даже Северной Америки обнаруживает свои корни именно на Кавказе. Вместе с тем, изучение взаимосвязей современных культур с древнейшими культурами Кавказа имеет целый ряд сложностей. В частности, чрезвычайно сложно выявить, какие именно протоэтнические группы были их носителями, в первую очередь по той простой причине, что данные культуры были бесписьменными. В последнее время в их исследовании обнаружился настоящий прорыв. При активном использовании современных методов антропологии, дерматоглифики, генетические исследования частот встречаемости гаплогрупп и даже секвенирования геномов, радиоуглеродного анализа и многих других новейших методов были получены новые весьма любопытные факты. Вместе с тем, проблема раннего культурогенеза Кавказа еще далека до разрешения. Проблема заключается в том, что нет согласованности между специалистами в различных областях знания. Поэтому наряду с исследованиями узких специалистов, важную роль имеют и комплексные междисциплинарные исследования.

Человеческая история на Кавказе начинается по меньшей мере 1,8 миллиона лет до н.э. Во всяком случае международная исследовательская группа во главе с доктором Давидом Лордкипанидзе из Грузинского национального музея раскопала в окрестностях грузинского городка Дманиси останки четырех особей вымершего вида человека [55] – Homo ergaster [*]. Это, пожалуй, наиболее древние на-

[*] Данный представитель Homo ergaster поистине уникален. По некоторым признакам это прогрессивная форма, а по некоторым приближается даже к известному «промежуточному звену» Л. Лики Homo habilis. До этого открытия считалось,

ходки человека за пределами африканского континента, принадлежащие к ашельской культуре нижнего палеолита, которая по некоторым параметрам настолько архаична, что приближается к олдувайской культуре, древней культуре на земле.

Обнаружены также и находки мустьерской культуры неандертальцев и архаичных H. sapiens, принадлежащих к эпохе среднего палеолита. И уже в нижнем палеолите обнаруживаются более 50 культурных памятников на Северном Кавказе и Предкавказье.

Однако подлинное формирование современного этнокультурного ландшафта началось на Кавказе со времен неолита, когда многие кавказские автохтоны начали переходить к оседлому образу жизни. И это был уже не только кроманьонский субстрат, а сложившиеся древнейшие племена. Вместе с тем, они были настолько равномерны по своему антропологическому и культурному составу, что, в принципе, их невозможно соотнести с какой-нибудь этнокультурной общностью современности [56]. Наибольший интерес представляет чатал-гуюкская культура [**], которая хоть и обнаружена в Малой Азии, но распространила свое влияние далеко за ее пределы. Есть версия, что эта культура была протохатто-хурритской, т.е. фактически предшественницей кавказоязычных культур. В пользу этой гипотезы свидетельствует один любопытный факт: конец существования чатал-гуюкского поселения совпал со временем распада северокавказской надсемьи на алародийскую и ашуйскую ветви (середина VI – начало V тыс. до н.э.). Во всяком случае, по расчетам С. А. Старостина, эти датировки совпадают [57].
В любом случае по многим артефактам прослеживается ее преемственная связь, в том числе и с такими древними кавказскими культурами, как кура-араксинская, майкопская и дольменая. Да и формирование сино-кавказской макросемьи языков произошло приблизительно в ту же эпоху (6–9 тыс. лет до н.э.) и примерно на той же территории. К тому же, известно, что именно в этот период (около VI тыс. лет до н.э.) обнаружены уже факты одомашнивания первых животных в Каменномостовской пещере (Адыгея). Задокументированы также древ-

---

что человек стал распространяться за пределы Африканского континента значительно позднее.

[**] Есть сведения, что Чатал-Гуюк был первым известным в истории городским поселением.

нейшие поселения, как, например, Улугбековское поселение в Дагестане. Данные северокавказские культуры поддерживали в том числе и торговые отношения с народами Закавказья, Малой Азии и степными номадами северного Причерноморья. В частности, экспорт обсидиана шел с Армянского нагорья не только на Юг, но и на Северный Кавказ и далее на Север.

Для энеолита широко известна так называемая древнейшая группа погребений Нальчикского могильника. Уже в данную эпоху Кавказ признается в качестве ближней периферии активно формирующихся цивилизаций Древнего Востока. Безусловно, что тогда южные территории опережали по основным параметрам северные, в частности, там, как и в Малой Азии, преобладали медные изделия. Вместе с тем, взаимосвязь с кочевыми племенами Предкавказья также оставалась весьма значимой. Об этом свидетельствуют обнаруженные на Кубани элементы древнеямной культуры [58]. Данная эпоха, как и все предыдущие, имеет весьма опосредованное отношение ко всем современным народам, населяющим ныне Кавказ, поскольку в лучшем случае можно представителей этих культур отождествлять с одними из автохтонных предков, которые, смешавшись либо с пришедшими племенами с Севера, либо с Юга, образовали в итоге тот современный этнокультурный массив. Многочисленные попытки отождествить эти культуры с конкретным современным народом Кавказа объясняются конструктивистскими мотивами, с целью как удревления народа, так и обоснования его большей автохтонности. Пока можно только предполагать, что творцы кавказских энеолитических культур принадлежали к средиземноморской и балкано-кавказской малым расам, некоторые также принадлежали к праиндоевропейцам.

Таким образом, можно заключить, что данный период был только подготовительным для формирования кавказских этнокультурных массивов. Кроманьонский субстрат данной эпохи не имел не только сложившихся этнических свойств, но даже племенных, да и расовый состав кроманьонца был достаточно ровным. И лишь к концу данной эпохи начали формироваться субрасовые общности, давшие начало, в том числе, и кавказским антропологическим типам, но только в результате смешения с пришлыми народами, преимущественно, Малой Азии, а также степняков Алтая, Южного Урала, Предкавказья и некоторых других племен.

В бронзовую эпоху обнаруживаются первые элементы вероятной

культурной преемственности древних культур данного периода с некоторыми современными этническими группами. И именно поэтому мы считаем данный период представляющим наибольший интерес, поскольку первичное формирование различных протоэтнических общностей, кавказских антропологических типов и языковых групп происходило, по всей видимости, именно в данную эпоху. И не случайно вопрос о культурной преемственности различных археологических культур бронзы со многими современными автохтонными народами является все еще предметом ожесточенных споров.

Кура-аракская культура (IV–III тыс. до н.э.) занимала не только кура-араксинскую низменность, как следует из названия, но и частично территории нынешней Северной Осетии, а также горные области Чечни и Ингушетии, причем зародилась в Малой Азии. Население имело преимущественно долихокефальную форму черепа, но на Северном Кавказе, в результате ассимиляции автохтонными брахикефальными кроманьонцами (возможно, это были доплеменные протокобанские культуры), постепенно переродились в мезокефалов, суббрахикефалов и даже в типичных брахикефалов, впрочем, не исключено, что это было связано попросту с естественными процессами брахикефализации. Большинство исследователей считают, что данная культура была хуррито-урартийской (алародийской), т.е. фактически являлась предковой для нахско-дагестанских народов и частично для армян и даже для азербайджанцев. Согласно другой версии, напротив, она была уничтожена хурритами. По нашему мнению, данная культура является результатом смешения алародийцев с местными автохтонами. В любом случае, однозначно можно утверждать, что данная культура оказала огромное влияние, прежде всего, на народы запада Северного Кавказа. Сама же развивалась в тесном взаимодействии с народами Передней Азии и несколько более молодой майкопской культурой, с последней даже образовывала смешанные поселения (с. Луговое в Чечне). Ближайшей преемницей данной культуры считается каякентско-хорочоевская культура. Для потомков этой культуры характерной является гаплогруппа J (гаплотипы J1 и J2).

Есть сведения, что этой культуре предшествовала месопотамская убейдско-урукская культура (начало IV тыс. до н.э.), как в некоторой мере и майкопской культуре. Лишь в некоторой мере, поскольку майкопская культура имела очень сложный генезис. Убейдо-урукская культура в Закавказье наложилась на еще более древнюю

поздне-неолитическую шулавери-шомутелинскую культуру, в которой доминировало еще только обсидиановое оружие, которая дала начало восточно-грузинской культуре Сиони и кура-аракской культуре [59].

Майкопская культура (III тыс. до н.э.) названа по наиболее известному памятнику данной культуры – кургана, обнаруженного близ Майкопа. Занимала преимущественно предгорную зону центральной и западной части Северного Кавказа, вплоть до Прикубанья. Есть две основные версии происхождения майкопцев: анатолийская (Восточная Анатолия, современный западный Иран) и протоиндоевропейская. В первом случае наиболее очевидными потомками выступают предковые племена протоабхазо-адыгов (ашуйцев). Свидетельство тому – множество хато-хеттских памятников, точнее, памятников, во многом аналогичных анатолийским.

Во втором случае майкопцы считаются праиндоевропейцами, доказательством служит так называемая «курганизация» данной культуры, которая, как известно, была присуща кочующим степнякам праиндоевропейских племен курганной и ямной культур [60]. По многим данным майкопская культура была очень близка к нижнемихайловской культуре – археологическая культура позднего энеолита, с ареалом в низовьях Днепра (около 3600–3000 гг. до н. э.), а последняя в свою очередь считается преемственной ямной культуре. Кроме того, способы захоронения в майкопской и ямной культуре были очень близки. И в кавказских культурах, предшествующих майкопской, и в ямной культуре хоронили людей лежа на спине с поднятыми коленями, в направлении северо-восток-юго-запад. Кроме того, их объединяют многочисленные схожие артефакты из керамики, бронзы, золота. В майкопской культуре, как известно, хоронили лежа на боку.

Близка к майкопской и так называемая хвалынская культура, корни которой, вероятно, проистекают с Кавказа (известен и нальчикский могильник этой культуры). Эта культура предшествовала ямной (носители преимущественно гаплотипа R1a) и также содержит множество общих черт с майкопской культурой. Достаточно отметить, что хвалынцы принадлежали к понтийскому антропологическому типу, характерному именно для причерноморцев. Именно на этом культурном пространстве (хвалынская-майкопская-ямная-нижнемихайловская-срубная культуры), вероятно, и произошло сме-

шение гаплотипов R1a и R1b, что фактически и происходило при формировании индоевропейцев.

Эта версия неплохо вписывается в рамках так называемой «курганной гипотезы» происхождения индоевропейцев [61]. Несмотря на то что «курганная гипотеза» представляется более обоснованной, нежели «анатолийская» или «балканская», все же очевидно, что, хоть ямники и играли несомненно важную роль в среде майкопчан, гораздо больше общих артефактов здесь находят родственных хаттским. Независимо от того, какой субстрат лежал в основе этой культуры, очевидно, что она испытывала сильнейшее влияние как со стороны Передней Азии, так и с севера, со стороны курганных культур, и впоследствии ее представители участвовали в этногенезе как индоевропейских (в том числе и иранских) народов Кавказа, так и северокавказоязычных.

Не так давно, начиная с 1988 г. сирийской экспедицией института археологии РАН, во главе с Рауфом Мунчаевым был открыт культовый город Телль Хазна l (Северо-Восточная Сирия) [62]. Артефакты и архитектура поразительно напоминают многие элементы как Майкопской культуры, так и Кура-Аракской, но ее относят к Урукской культуре. Все это косвенно свидетельствует в пользу того факта, что ашуйцы еще сохраняли множество общих черт с алародиями и имеют преемственную связь не только с хаттами, но и с шумерами. С кура-аракской культурой майкопскую сближает, в частности, круговая керамика, впрочем, эта общность вполне могла быть приобретена вторично, поскольку майкопцы контактировали с кура-араксинцами на стыке ареалов распространения этих культур приблизительно в районе современной Чечни, свидетельством тому служит самое восточное поселение майкопской культуры – Луговое, в котором обнаружено также множество и элементов кура-аракской культуры. Тот же Мунчаев напрямую связывает Майкопскую культуру с Урукской. Имеются также данные схожести майкопской культуры с Лейлатепинской (Азербайджан), которую некоторые (как, например, Мунчаев) считают основанной протомайкопцами.

Нам представляется более вероятным считать доминирующим субстратом Майкопской культуры пришедших на Северный Кавказ анатолийцев, которые, разумеется, испытывали сильное влияние шумеров и кура-арасинцев. Впоследствии, наверняка, эта культура была в значительной степени ассимилирована индоевропейцами.

Кроме того, майкопская культура испытывала сильное ассимиляционное и аккультурационное влияние со стороны древнейших кавказионных автохтонных племен. Основная часть источников «майкопцев» относит к понтийской расе, а преемников данной культуры – северокавказскую и кобанскую культуры – к кавкасионной расе. Данный факт легко объяснить в свете предложенной нами ассимиляционной гипотезы [63]. Суть данной гипотезы заключается в том, что на ашуйско-праиндоевропейский субстрат майкопцев наложился кобанский автохтонный субстрат.

Северокавказская культура (II тыс. до н.э.), как уже отмечалось, по всей вероятности, возникла в результате генетической ассимиляции и частичной аккультурации майкопцев народами курганных культур и местными кавкасионными автохтонами. Некоторые исследователи соотносят данную культуру с кура-аракской, что вряд ли верно. Вероятно, она оказала значительное влияние на ее формирование, но не стоит преувеличивать это влияние. По многочисленным данным ашуйская и алародийская ветви развивались после разделения, которое произошло около 4 тыс. лет до н.э. в Малой Азии, независимо.

Северокавказская культура была распространена по обе стороны Большого Кавказского хребта, от Приазовья до реки Сулак в Дагестане. Кем были северокавказцы? Ответить непросто, уже хотя бы потому, что многие архаичные и слабоизученные бесписьменные народы не имели собственного этнонима, да и этносами в строгом понимании этого термина они не являлись. Можно предположить, поскольку данная культура была прародительницей кобанской культуры, которая относились к кавкасионному типу, что это были предки современных горских этнических групп (осетины, карачаево-балкарцы, чеченцы, ингуши, сваны, аварацезские народы). То, что генетическая преемственность имела место, практически определенно можно утверждать, поскольку кавкасионный антропотип эти народы могли унаследовать только от северокавказской и кобанской культур. Однако по этнокультурным связям здесь можно найти множество фактов, свидетельствующих о том, что она все же была связана с ашуйцами (кашками), а также праиндоевропейцами (ямная культура) и протоиранцами (катакомбная и срубная культуры). По-видимому, все перечисленные народы имели определенное отношение к северокавказской культуре либо, во всяком случае, были частично ассимилированы их потомками.

Дольменная культура (середина III–II тыс. до н.э.) была распространена на большей части северного побережья Черного моря от Таманского полуострова до города Очамчира в Абхазии. Получила свое название благодаря дольменам. Дольмен (от бретонского tol – стол и men – камень) – это погребальное мегалитическое сооружение. Он чаще всего имеет четырехугольную форму, в виде четырех стеновых плит, покрытых одной плитой сверху, вытесанных из камня или высеченных в скале.

Создатели кавказских дольменов принадлежали к понтийскому типу. Можно предположить с достаточно высокой долей уверенности, что данная культура имеет непосредственное отношение к ашуйцам (прото-абхазо-адыгам). Ее связь с майкопской культурой подтверждается археологически. Как отмечает Р. Ж. Бетрозов: «Майкопские памятники повсеместно содержат также инвентарь, характерный для дольменов. Дольменная культура, по мнению В. И. Марковина, была генетически связана с майкопской. Происходит процесс слияния дольменного населения с майкопским. Именно в эту пору появляются дольменные сооружения под насыпями курганов майкопской культуры (выявлены они и на Центральном Кавказе) и подкурганные дольмены с майкопским инвентарем, обнаруженные на территории Абхазии»[64].

Аналогичные северокавказским дольменам постройки найдены по всей Европе, в Северной Африке, в Китае, Японии, Корее, а также в странах Юго-Восточной Азии. Сложно утверждать что-то о закономерной связи, но, может быть, это можно как-то связать с расселением сино-кавказцев, тем более что ареал распространения дольменов в общем совпадает с ареалом распространения сино-кавказцев. Такому предположению несколько противоречит тот факт, что некоторые дольменные мегалиты за пределами Кавказа обнаруживают большую архаичность. Кроме того, западно-европейские культуры, носители наиболее архаичных дольменов имеют более вероятные связи по своему происхождению с афразийскими племенами [65]. Так что приходится признать, что большая часть некавказских дольменов никак не связана с кавказской дольменной культурой.

Казалось бы, это могло быть свидетельством того, что в основании кавказских дольменных культур были выходцы из Западной Европы, которые лишь потом интегрировались с майкопцами (ашуйцами и праиндоевропейцами ямной культуры). Но это не подтверждается связью кавказской дольменной культуры с майкопской и

новосвободненской культурами, которая однозначно имела место и в которых уже угадываются зачатки дольменов в основаниях курганов, различием в антропологии носителей этих культур и их различной спецификой. Впрочем, какой-то импульс некоторые выходцы из этих культур могли дать, что косвенно подтверждается некоторой общностью символов, вырезанных на камне из Сицилии и на гравированных плитах из Новосвободной. И все же пока рано еще полностью закрывать вопрос о связи западно-европейских дольменов с кавказскими, вероятно, уже скоро мы получим данные о генетических маркерах носителей этих культур, и как знать, возможно, это будут носители R1b.

Каякентско-хорочоевская культура (середина II тыс. до н.э.) получила свое название от могильника у села Каякент в Дагестане и могильника у села Хорочой в Чечне. С большой долей вероятности можно утверждать, что данная культура является преемницей Кура-аракской и принадлежит нахско-дагестанским народам. При этом, как уже отмечалось, нельзя недооценивать и степень влияния на данную культуру культуры северокавказской. Поэтому обнаруживается множество общих элементов, в том числе и в плане антропологии, особенно на стыках их ареалов.

Колхидская культура (XVI–VII вв. до н.э.). Археологическая культура на территории Западной Грузии, относящаяся к позднебронзовому и раннежелезному векам. Имеет много общих черт с кобанской культурой, следовательно, здесь также можно предположить преемственную связь, в том числе и с северокавказской культурой. Есть и другая точка зрения: якобы и колхидская, и кобанская культуры имеют прямое отношение к племенам колхов (древнегрузинские племена западной Грузии). В частности, М. М. Иващенко писал, что «главным носителем так называемой кобанской бронзовой культуры были колхи»[66]. Отсюда и отождествление многими специалистами кобанской и колхидской культур. Разумеется, это неверно. Колхи никогда не жили на Северном Кавказе, а близость данных культур может быть связана с влиянием ашуйцев на обе культуры и соседством их ареалов, а значит, схожие бронзолитейные артефакты вполне могли быть результатом заимствования. Данная культура содержит множество анатолийских элементов, что говорит как о связях с ашуйцами (кашками), так и с западногрузинскими племенами. Впрочем, племена западной Грузии, такие как мегрелы и ла-

зы, формировались под сильным влиянием ашуйских племен. Кроме того, не стоит забывать, что представители колхидской, так же как и дольменой культуры, были долихокефалами, тогда как кобанцы были характерными брахикефалами.

Кобанская культура (XII–IV вв. до н.э.). Археологическая культура конца бронзового начала железного века. Занимала преимущественно горные области Северного Кавказа и частично предгорную зону. Данная культура имеет общие черты не только с северокавказской и колхидской культурами, но и с каякентско-хорочоевской, что объясняется, видимо, не общностью генезиса этих культур, а результатом их вторичного взаимодействия. На родство с кобанцами претендуют очень многие автохтоны Северного Кавказа и даже Закавказья и до сих пор здесь еще рано ставить точку. Ее очевидная связь с колхидской и северокавказской культурами свидетельствует о родстве с протоабхазо-адыгами, есть определенная (пусть и, по-видимому, вторичная) общность и с каякентско-хорочоевской культурой. К тому же антропологически кобанцы были кавкасионами, впрочем, в позднекобанских находках отмечены и долихокефальные черепа, но здесь как раз важен первичный субстрат данной культуры. Кстати, само название данного антропологического типа обязано именно тем, что грузины называли кобанцев кавкасионами, т.е. кавказцами, от топонима «Кавказ», поскольку они считались характерными кавказскими автохтонами. Впрочем, полностью отождествлять кобанцев с предками осетин, ингушей, сванов, балкарцев и других кавкасионских народов тоже неверно. Иранские предки осетин были долихокефалами, так же как и алародийские предки нахско-дагестанских народов. Видимо, кобанцы изначально были брахикефалами и частичный долихокефальный элемент получили от смешения сначала с киммерийцами, потом со скифами и сарматами, это подтверждает как раз тот факт, что именно в позднекобанских находках начали отмечаться долихокефальные черепа. Что совпадает по хронологии с периодом связей кобанцев со скифами, с которыми они даже участвовали в знаменитых «скифских походах» в Переднюю Азию. Однако брахикефальный субстрат кобанцев оказался более сильным в генетическом плане и в итоге «победил» и уже вторично передался значительной части населения Северного Кавказа. Некоторые отождествляют кобанскую культуру с хеттами. Это тоже неверно, поскольку они не оставили заметного следа на Северном Кавказе. Вероятно, основу кобанской культуры составил первичный авто-

хтонный элемент, ведущий свою генеалогию еще от кроманьонских кавказских предков, который в значительной степени был ассимилирован (и ассимилировал других) и адыгами, и нахскими народами, и сванами, и местными иранскими племенами, и местными тюрками. А связь кобанцев с северокавказской и каякентско-хорочоевской культурами вторична. Точно та кже и вторична связь с номадными народами (индо-иранцы), достаточно вспомнить, что курганы в кобанских захоронениях практиковались редко и только в поздние эпохи, только после VII в. до н.э., когда в кобанских могильниках начали обнаруживаться и многие скифские предметы материальной культуры.

Кобанская культура, вероятно, едва ли не уникальный случай в доцивилизационный период на Северном Кавказе, когда одна локальная культура оказала значительное влияние на большую часть ее автохтонного населения. Протоадыги частично ассимилировались потомками кобанцев, в результате понтийский тип центральнокавказских адыгов приобрел кавкасионные элементы, аланы ассимилировались кобанцами, в результате мы имеем осетин (кстати, одно из кобанских племен имело осетинский этноним, а именно дигор), кипчаки ассимилировались аланами и кобанцами и в результате мы имеем балкарцев и карачаевцев, ингуши также являются результатом смешения каякентско-хорочоевского племени с кобанцами, сваны, вероятно, потомки албанского племени суанов, также ассимилировались местным кобанским субстратом и только потом ассимилировались картвелами. Аваро-андо-цезские народы Дагестана, кистины, многие горные народы Картли и это далеко не полный перечень народов, которые несут на себе отпечаток кобанской антропологии и, вероятно, частично и культуры.

В заключение можно охарактеризовать формирование Северо-Кавказской общности в доцивилизационную эпоху как умеренно интеграционную. Субстрат был чрезвычайно разнообразным как в культурном плане, так и в плане антропологии. К тому же, центростремительные силы не уступали, а в иные эпохи даже преобладали над центробежными. В результате, уже в эпоху первых кавказских цивилизаций на Северном Кавказе сформировался мозаичный субстрат. Некоторая общность все же была и один из ярких примеров – это распространение кобанского субстрата практически по всему Северному Кавказу, во всяком случае, он затронул практически полностью горные области. Не исключено, что та общность внешнего облика северокавказских

жителей, которая частично присутствует у большинства автохтонов, связана во многом именно с наличием общего кобанского субстрата.

Антропологический анализ генезиса народов Северного Кавказа

Любая этническая группа представляет собой прежде всего комплекс уникальных культурных этнодифференцирующих элементов. Не следует сильно переоценивать роль генетической (антропологической) общности. Вместе с тем антропологическая общность, как правило, свидетельствует также и об общности культуры. Поэтому в условиях, когда значительная часть культурных элементов дописьменных культур уже утрачена, антропологический анализ может способствовать реконструкции генезиса современных народов и их преемственной связи с древнейшими традиционными культурами. Особенно это актуально для народов Северного Кавказа, поскольку значительная его часть приобрела письменность относительно недавно.

По-видимому, Кавказ был в числе основных промежуточных очагов расселения не только европеоидов, но и монголоидов и даже американдов [67]. Впрочем, американды формировались в северо-восточной Азии и Северной Америке на основе смешения монголоидного и европеоидного субстратов, но анализ матрицы генетических расстояний автохтонного населения бассейна реки Арагви и талышей показал, что несомненная генетическая общность этих народов с монголоидами и европеоидами Европы, Азии и Америки (американды) имеется [68]. Фактически этот регион был, по крайней мере, одним из центров распространения этих рас. Впрочем, среди индейцев Северной Америки не только американды, но и на-дене (апачи, атапаски, навахо, тлинкиты) имеют доказанную связь с Кавказом, причем гораздо большую, поскольку они входят в сино-кавказскую макросемью языков. Джозеф Гириберг, обосновывая идею, созвучную мнению С. А. Старостина, утверждал, что все основные группы американских племен родственны друг другу примерно в одной и той же степени (американды), кроме племен группы на-дене и эскимосо-алеутов, явно отличающейся от всех прочих [69]. Это созвучно идеям Старостина, который выделял именно эти народы в сино-кавказскую общность.

Исходя из того, что Кавказ был одним из центров расогенеза, а

также учитывая высокую степень изоляции горным рельефом, можно понять причины такого большого разнообразия антропологических типов для такой относительно небольшой территории.

На Кавказе среди автохтонного населения встречаются и народы, сохранившие монголоидные черты, это ногайцы и трухмены, с отдельными монголоидными элементами (наличие эпикантуса, широколицесть, низкое переносье, слабо выраженный третичный волосяной покров, невысокий рост и др.). К ним можно добавить и калмыков (если причислять юго-запад Калмыкии к Северному Кавказу). Однако основное население – это характерные европеоиды, встречаются отдельные народы с примесью монголоидных черт, особенно это часто отмечается у некоторых тюркских народов.

Вместе с тем, при всем многообразии у большей части европеоидного автохтонного населения Северного Кавказа обнаруживается и ряд общих черт. Это темный цвет волос, чаще темный или карий цвет глаз, выступающий нос, часто с горбинкой, развитый третичный волосяной покров. Есть основания предполагать, что многие указанные признаки, включая также и брахикефальную форму черепа, в значительной степени генетически заимствованы от народов кобанской культуры, кроме носовой горбинки, данный признак имеет анатолийское происхождение. Впрочем, ни один из этих признаков не является абсолютно доминирующим на Северном Кавказе, и потому о наличии четко идентифицируемого антропологического типа говорить не приходится. Все это лишний раз свидетельствует о весьма различном генезисе народов Северного Кавказа, а если к тому же учесть неизбежную при совместном проживании генетическую ассимиляцию, то настаивать на даже отдаленном единстве генезиса будет еще сложнее. При сравнении многочисленных находок черепов Закавказья и Северного Кавказа позднего бронзового и раннего железного веков, обнаруживается их чрезвычайная неоднородность. Это свидетельствует о том, что культуры Кавказа формировались племенами весьма различными по генезису. К тому же и древнейший автохтонный кроманьонский субстрат также вряд ли был однороден, несмотря на то, что не имел ярко выраженных расовых и этнических различий.

Можно упомянуть еще об одной важной общей антропологической черте – это брахикефальная форма черепа, которая присуща большинству народов не только Северного Кавказа, но и всего Кавказа в целом. Однако до последнего времени считалось несомненным фактом, что

древнее автохтонное население Кавказа было долихокефальным. Отсюда многие исследователи сделали вывод, что исконным населением Северного Кавказа следует считать именно те народы, которые сохранили долихокефальные пропорции черепа с черепным показателем не более 80. Данный вопрос весьма сложный и не имеет однозначного решения. Невозможно выяснить, чей народ пришел раньше на Кавказ, поскольку все автохтоны имеют примесь пришлых народов и генетически так или иначе пересекались с древнейшими автохтонами и друг с другом, да и не имеет смысла вообще поднимать эту деликатную тему. Кроме того, по последним данным генетического анализа можно сделать вывод, «что распределение гаплогрупп как мтДНК, так и Y-хромосомы, а также анализ линий в популяциях Кавказа свидетельствует о том, что генетическую основу большинства популяций Кавказа составляет местный автохтонный субстрат. Данный субстрат представляет собой компонент, проникший на Кавказ в верхнем палеолите с территории Передней Азии» [Кутуев И. А. Генетическая структура и молекулярная филогения народов Кавказа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора биологических наук. – Уфа, 2010. С. 38].

Существует довольно распространенное мнение, что именно долихокефальный череп является наиболее архаичным для автохтонного населения, при этом необходимо сделать поправку, что такие автохтоны поздней бронзы, как кобанцы, имели выраженную брахикефальность. Но наличие архаичной долихокефальности не может быть свидетельством большей автохтоности, уже, по крайней мере, по той простой причине, что во всем мире (и Северный Кавказ не исключение) отмечается глобальная тенденция к брахикефализации черепа человека, т.е. тенденция к увеличению черепного показателя, в буквальном смысле, укорочение черепной коробки и все большая ее сферизация. Например, у осетин головной показатель за последние 200–300 лет увеличился на 5–6 единиц. Основной причиной антропологи считают повышение эффективности мозговой деятельности при сохранении объема мозга. Кроме того, отмечено, что в более жарком климате отмечаются чаще более долихокефальные формы, поскольку удлиненная форма черепа в большей степени способствует теплоотдаче. Фактически достаточно похолодания климата или перемещения в более высокогорные области, чтобы включился процесс брахицефализации. Кроме того, здесь большое влияние оказал фактор, весьма далекий от ан-

тропологии, это так называемая переднеазиатская люлька, в которой ребенка привязывали животиком кверху, в результате череп несколько уплощался и лицо немного расширялось. Это способствовало увеличению черепного показателя.

Теперь проблема якобы приоритетной роли долихокефалов в формировании автохтонных народов Кавказа уже не столь актуальна, поскольку на Северном Кавказе обнаружено множество палеолитических находок брахикефалов. В действительности оба субстрата имели прямое отношение к древнейшим автохтонным жителям Северного Кавказа. Нам представляется наиболее приемлемой позиция, согласно которой в древнейших погребениях Самтаврского и Мингечаурского могильников находят резко выраженные длинноголовые узколицые европеоидные черепа, по типу сходные больше всего с представителями современных длинноголовых вариантов каспийского типа, тогда как в степных районах Северного Дагестана и в прилегающих районах Чечни и Ингушетии были обнаружены также европеоидные, но гораздо более широколицые черепа, ближайшие аналоги которым встречаются в сарматских погребениях Нижнего Поволжья и Казахстана. Оба отмеченных типа можно считать древними формами каспийского и кавкасионного типов.

В качестве рабочей гипотезы можно выдвинуть предположение, что каспийский и понтийский типы сформировались в процессе заселения Кавказа с юго-востока, а кавкасионный антропотип испытал на себе влияние преимущественно северных брахикефальных элементов, распространявшихся в южном направлении до центральных областей Большого Кавказского хребта, а на западе до Малой Азии включительно. Позднее, главным образом, после монгольского завоевания, на территорию Кавказа проникли монголоидные элементы, в настоящее время отчетливо прослеживаемые в составе ногайцев и в виде незначительной примеси у некоторых групп азербайджанцев. Наконец, переселение русских сопровождалось распространением североевропейских светлоглазых и русоволосых элементов [70]. Можно предположить, что, вероятно, кавкасиоый брахикефальный субстрат на протяжении многих веков, вплоть до эпохи великих переселений народов, являлся в значительной степени изолятом горных территорий Центрального Кавказа и потому долгое время не играл значимой роли в формировании антропологической картины прочих народов.

Представляется достаточно плодотворным подход А. Г. Козинцева к данной проблеме. Он приводит наиболее известные гипотезы формирования основных северокавказских рас.

1-й вариант (З. В. Бунак): понтийский и каспийский тип проникли сюда с юга из Передней Азии в эпоху неолита, а кавкасионский принесен с севера из евразийских степей.

2-й вариант (М. Г. Абдушелишвили): все эти типы – аборигенные кавказские, причем долихокефальный тип более древний; расширение черепа и лица обязано эпохальным изменением антропологических признаков, которые в центральной части Кавказа и Закавказья шли быстрее из-за горных условий жизни. Это объясняет также некоторую широколицесть и широкоголовость современного населения Грузии.

3-й вариант (В. П. Алексеев): «понтийцы» и «каспийцы» являются пришельцами, а «кавкасионцы» являются автохтонами, и их тип сохранился в результате консервации в горных условиях древних кроманьонских признаков.

Согласно Козинцеву, со времен неолита (IV тыс. до н.э.) наблюдается проникновение на Кавказ переднеазиатской культуры, особенно бурным оно было в эпоху ранней бронзы (III тыс. до н.э.) с распространением куро-араксской культуры. На территории Кавказа в это время наблюдается наложение двух культур – одной местной более примитивной, истоки которой прослеживаются с V тыс. до н.э., другой – более развитой, с переднеазиатскими корнями. Причем в III тыс. до н.э. преобладание получила более развитая культура, но затем ко II тыс. до н.э. произошел процесс вытеснения пришлых традиций и возврат к более примитивным местным формам.

Сопоставив антропологические и археологические данные, А. Г. Козинцев приходит к следующим выводам:

1. Есть достаточные основания относить формирование современных антропологических типов Северного Кавказа к III тыс. до н.э. На территории современного Дагестана расовые изменения могли произойти и раньше – в IV тыс. до н.э.

2. По-видимому, носители переднеазиатских культурных традиций принесли в районы запада и востока Северного Кавказа также и долихокефальный антропологический тип. На его основе и сложились нынешние понтийский и каспийский расовые типы Северного Кавказа, столь похожие друг на друга.

3. Данные археологии подтверждают гипотезу В. П. Алексеева об

аборигенности кавкасионного типа – его представители в эпоху до III тыс. до н.э. населяли, по-видимому, весь Северный Кавказ. Пришельцы из Закавказья заняли восточную и западную часть их ареала и оттеснили кавкасионцев в горные районы, мало доступные для пришельцев.

4. В дальнейшем расовые типы перемешивались и перемещались, усложняя картину распространения антропологических типов и культур.

Далее Козинцев ставит некоторые вопросы, ответы на которые в настоящее время можно дать с большей определенностью. Первый из таких вопросов – почему физический тип пришельцев сохранился, в то время как их культура была со временем полностью поглощена местными традициями? Козинцев приводит несколько гипотетических ответов. Можно предположить следующий вариант, который предполагает, что пришедшие с Анатолии долихокефальные представители кура-араксинской культуры вытеснили или ассимилировали брахикефальный кавкасионский тип, но, удаленные от своей переднеазиатской культурной базы, перешли на местные традиции [71].

Наш подход к пониманию причин сохранения брахикефальных кавкасионных признаков, несколько отличный, будет изложен ниже.

На Северном Кавказе отмечены три основных антропологических типа:

– кавкасионский (иногда кавкасионный);

– понтийский;

– каспийский.

Характерен также и переднеазиатский, или арменоидный, тип (кстати, наиболее близкий к долихокефальному типу), однако представители этого типа населяют преимущественно Закавказье.

Кавкасионский тип (от грузинского названия Кавказа – Кавкасиони) многие антропологи считают наиболее характерным для автохтонного северокавказского населения, несмотря на то, что ему наиболее свойственна брахикефальность. К данному типу относятся представители преимущественно авар, андо-цезских народов Дагестана, карачаевцы и балкарцы, осетины, нахи, сваны и частично таты. Есть две версии происхождения данного типа – миграционная, высказанная Г. Ф. Дебецом, и автохтонная версия М. Г. Абдушелишвили и В. П. Алексеева [72]. Алексеев обосновывает автохтонную версию на основе анализа антропологических находок в регионе, подчерки-

вая важную роль изоляции в условиях высокогорья, однако и роль иммигрантов здесь также несомненна. По его мнению, данный тип сформировался в III тыс. до н.э. на основе смешения автохтонного населения Северного Кавказа с пришедшими сюда хурритоурартами, по всей видимости, свою роль в формировании данной антропологической общности (вероятно, не меньшую) сыграл ашуйский (понтийский субстрат), а также, вероятно, арийский (иранский). Весьма антропологически близок к нему динарский антропотип (сербы, болгары), что послужило основанием для некоторых антропологов к объединению указанных типов в одну балканокавказскую группу. Фактически это свидетельствует о том, что даже этот самый характерный для кавказского региона антропотип не является полностью кавказским.

Мы поддерживаем автохтонную версию, но интерпретируем ее несколько иначе. Если в Закавказье среди автохтонного, возможно еще кроманьонского, населения преобладал долихокефальный субстрат, то древнейшие автохтоны Северного Кавказа, по-видимому, были брахикефалами. Во всяком случае, отдельные палеолитические находки это подтверждают. В частности, прямыми потомками этих брахикефальных автохтонов мы считаем кобанцев (представителей кобанской культуры). Данный субстрат постепенно разбавлялся долихокефальными эмигрантами, но по каким-то причинам он полностью не растворился, либо долихокефалов было меньше, либо брахикефалия являлась более сильным доминантным признаком. Более вероятно, что поскольку в холодном климате брахикефалия более адаптивна, постольку естественным отбором поддерживался постоянный рост генетических частот носителей брахикефальных элементов. А в доисторические времена роль естественного отбора оставалась еще весьма значительной. Кроме того, антропологами обнаружена одна закономерность: в южных регионах преобладает долихокефалия, в северных соответственно брахикефалия. Объясняется все «правилом Алена», согласно которому более компактная конфигурация тела свойственна в большей степени северным видам теплокровных, поскольку это уменьшает потери тепла. А климат на Северном Кавказе значительно жестче, скорее, не потому, что он севернее, а потому, что Большой Кавказский хребет перекрывает путь теплым ветрам с юга. Кстати, именно в горных областях, где особенно холодный климат, брахикефалия широко представлена.

Характерными признаками, помимо брахикефалии, является высокий рост, умерено грацильный скелет, глаза карие и серые, обнаруживается тенденция к депигментации, развитое надбровье и третичный волосяной покров, преимущественно II группа крови.

Понтийский тип характерен прежде всего для народов абхазо-адыгской группы, также он присущ народностям Западной Грузии, кроме сванов (мегрелы, аджарцы, лазы, имеретинцы, гурийцы). Данный антропотип имеет Малоазиатские корни (восточная Анатолия), привнесен, судя по всему, долихокефальным хаттским племенем кашков, который был ассимилирован автохтонным и также долихокефальным населением Западного Кавказа и Средиземноморья. Нельзя не упомянуть и колхов, которые также внесли свою лепту в формирование понтийского типа на Кавказе. Впоследствии, в результате частичной ассимиляции брахикефальными культурами (например кобанцы), понтийские культуры приобрели и частично кавкасионные элементы. Кроме удлиненной (долихокефальной) формы черепа для понтийцев характерна так называемая анатолийская горбинка на носовой переносице.

Данный тип на Кавказе был представлен такими культурами, как колхидская и дольменная. В Центральном Кавказе носители понтийского типа, в результате смешения, как правило, имеют, наряду с характерными понтийскими чертами, также и кавкасионские (кабардинцы, черкесы и абазины), адыгейцы Лазоревского района Краснодарского края по наличию таких признаков, как более темная пигментация и относительно малый рост, приближаются к каспийскому типу. Основными чертами в сравнении с кавкасионами является мезокефальный или суббрахикефальный тип черепа, менее густые усы и борода, более узкая форма носа, часто нос и лоб образуют одну линию (так называемый греческий профиль). Явно малоазиатского происхождения часто встречающаяся горбинка носа. Преобладает II группа крови. Данный тип, в отличие от кавкасионского, достаточно широко представлен за пределами Кавказа, в Причерноморье и, особенно, в Средиземноморье, в том числе и среди славян, особенно болгар.

Каспийский тип. Образовался в результате смешения местных каспийских автохтонов с пришедшими сюда алародиями. Алародии, в свою очередь, сформировались в результате смешения хетто-лувийской общности средиземноморского типа с хуррито-урартийцами

переднеазиатского типа и незначительной примесью кавкасионских, хорасанских и частично монголоидных элементов. Впрочем, на Кавказе в большей степени проявился алародийский субстрат, долихокефальный субстрат автохтонной кура-араксинской культуры и брахикефальный кавкасионский субстрат. Каспийцы были типичными долихокефалами, данный краниологический тип они унаследовали, в первую очередь, от переднеазиатских предков и кура-араксинцев. Однако не все кавказские представители являются характерными долихокефалами, чаще встречаются мезокефалы и даже суббрахикефалы, что является результатом смешения с соседними кавкасионскими племенами. Помимо таких характерных автохтонов Кавказа, как азербайджанцы, кумыки, таты-мусульмане, ингилойцы, включают и целый ряд народов Ирана и арабского Востока (персы, восточные иракские арабы, кувейтские арабы, народы западного Ирана, кроме курдов, луров и бахтиаров).

Данный тип характеризуется чрезвычайным разнообразием, но несколько характерных признаков выделить можно. Это низкий или средний рост, массивный скелет, преимущественно черные волосы и глаза, короткий и широкий, но выступающий нос, нормальное развитие волосяного покрова.

Переднеазиатский, или **арменоидный, тип** (армяне, турки, турки-месхетинцы, израильские евреи, сирийские и палестинские арабы, курды-мусульмане, луры, бахтиары, талыши, джавахи, месхи, кахетинцы, картлийцы, ферейданцы). Характерные признаки: низкий либо средний рост, массивный скелет, черный цвет волос, глаза чаще черные либо карие, характерные брахикефалы (черепной указатель 86–88), нос длинный, выступающий, широкий, развитый волосяной покров, плоский затылок.

Данный тип практически не имеет отношения к Северному Кавказу. Вместе с тем, однозначно оказал значительное влияние на антропологическую картину нынешних представителей северокавказских народов. Арменоидный тип можно считать наиболее архаичным дляностратической макросемьи. Более того, есть основания считать, что древние носстраты (предки всех основных ветвей ностратической макросемьи языков) были носителями данного антропологического типа. Следовательно, они так или иначе оказали влияние как на индоевропейцев, так и на тюрков, индо-иранцев и других представителей данной ветви. Кроме того, данный антропотип имели многие алародии (хуррито-урартийцы), наряду с

каспийскими элементами. Вообще, как видно, представители данного типа явились этногенетическим субстратом не только для многих народов Кавказа, но и всего евразийского континента.

Интересные данные по анализу антропологической общности народов Северного Кавказа, на основании данных дерматоглифических исследований, приводит Г. Л. Хить. На основании данной методики народы Кавказа были распределены по следующим типологическим общностям (материалы анализа мужских выборок):

– аварцы, балкарцы и карачаевцы, осетины, рутульцы, чеченцы, удины;

– азербайджанцы, кумыки, лезгины, талыши;

– карталинцы и кахетинцы;

– пшавы и цахувы.

А вот ассирийцы, горские евреи, гурийцы, курды, мегрелы, мохевцы, мтиулы, сваны, хевсуры не имеют аналогий. Как видно из вышеприведенного перечня, генетическая общность по многим признакам не всегда может совпадать с общностью культурной. Далее она, отмечая дерматоглифическую общность с наиболее древними европейцами, указывает, что ключевая роль Кавказа как региона, связанного с формированием наиболее древней (южной) ветви европеоидов, таким образом, находит выразительное воплощение в данных дерматоглифики [73].

Можно заключить на основании антропологического анализа, что народы Северного Кавказа не только не имели единого корня происхождения, но являются чрезвычайно разнообразной мультикультурной общностью. Помимо северных брахикефальных и южных долихокефальных элементов, тут большую роль оказали и средиземноморские элементы и славяне, и в том числе монголоидный субстрат.

К вопросу о древнейших истоках евразийских народов

В последние годы появились многочисленные данные, противоречащие общепринятой до последнего времени моноцентристской теории происхождения языков. Лингвисты верили, что был некий единый праязык (моноцентризм). Однако в последнее время, под давлением многочисленных фактов, ученые все больше склоняются к полицентристским

теориям, предполагается, что таких центров было не менее 5. С точки зрения антпопосоциогенеза такое невозможно, поскольку антропологи давно уже знают о едином локальном центре происхождения человека в южной и Юго-Восточной Африке, а речь должна была возникнуть вместе с человеком, как непременный атрибут сознания. Об этом, в частности, свидетельствует наличие таких важных признаков развития речевых функций, как ямки на внутренней поверхности мозгового отдела черепа в местах локализации центра Брокка и области Вернике уже у эргастеров, эректусов и даже самых древних людей хабилисов. А именно эти центры отвечают за речь, к тому же у них же обнаружено увеличение канала подъязычного нерва на затылочной кости, инервирующего мышцы языка.

Однако не все так однозначно. Речь и язык не совсем одно и то же. Членораздельная речь, разумеется, возникла моноцентристски в среде если не хабилисов (Homo habilis) или рудольфенсисов, то по крайней мере эректусов (Homo erectus), но вот язык, как строгая знаковая система общения, возник значительно позже. Могу предположить, что возникновение настоящего строгого языка, который предполагал четкие правила и, самое главное, который давал возможность общаться не только в племенной среде, но и в межплеменной, такой язык мог возникнуть на заре неолита, по крайней мере, не ранее верхнего палеолита и только лишь в среде сапиенсов, поскольку даже неандертальцы не имели достаточно больших групп и тем более достаточного уровня межгрупповых коммуникаций, для того чтобы возникновение настоящего строгого языка было необходимостью.

Дело в том, что архаическая речь формировалась стихийно и поскольку не имела строгих лексических правил, такой праязык формировался стихийно и быстро, динамично видоизменялся, что сильно ограничивало возможность межгрупповых коммуникаций. После того как появилась необходимость в интеграции людей на более высоком уровне, соответственно появилась необходимость в более строгом языке, но поскольку человечество к тому времени распространилось довольно широко, постольку и рождение такого строгого языка происходило независимо в разных центрах.

Эти предполагаемые центры независимого происхождения языковых ветвей (предположительно не менее пяти), соответственно предполагали и появление совершенно независимых мифологических циклов и проторелигиозных культов. Одним из таких относи-

тельно автономных культурных центров была некая гипотетическая языковая макрогруппа, которая дала начало евразийской (борейской по Старостину) общности (20 000–15 000 тыс. лет до н.э.) [74], давшей начало ностратическим, сино-кавказским и афразийским (семито-хамитским) языковым макросемьям. Кроме того, из этой гиперсемьи, по всей видимости, выделились мертвые месопотамские языки, включая и шумерский (впрочем, некоторые лингвисты шумерский включают в сино-кавказскую макрообщность). Разумеется, здесь пока мы можем говорить лишь о предположениях, однако целый ряд косвенных фактов свидетельствует о культурной общности этих групп, в частности общность мифологических циклов и лексических универсалий.

Поскольку данная работа делает акцент на этногенезе народов Кавказа, остановимся более подробно на ностратической и сино-кавказской макрогруппах, имеющих непосредственное отношение к автохтонам Кавказа. Предметом рассмотрения в данной работе являются, прежде всего, народы Северного Кавказа, поэтому народы Закавказья здесь рассматриваются лишь кратко, дабы иметь общую картину.

К проблеме языковой общности народов Кавказа

Генеалогия языков – один из наиболее проблематичных вопросов языкознания, несмотря на кажущуюся простоту методики: выявление достаточного числа совпадающих по фонетическому и семантическому признакам морфем и регулярность этих совпадений. После открытия Морисом Сводешом глоттохронологической закономерности многие уже устоявшиеся в научной концепции версии родственности языков приходится пересматривать.

Основные постулаты глоттохронологии (лексикостатистики) сводятся к следующему:

1. В словаре каждого языка можно выделить специальный фрагмент, который называется основной или стабильной частью.

2. Можно указать список значений, которые в любом языке неизменно выражаются лексемами из основной части.

3. В основной части лексики присутствует доля слов, которые сохраняются на протяжении определенного интервала времени, и эта доля постоянна. Она зависит только от величины выбранного временного промежутка.

4. Все слова из основной части имеют одинаковые шансы сохраниться на протяжении выбранного времени.

5. Вероятность сохраниться для лексемы из основного состава праязыка в основном составе языка-потомка не зависит от его вероятности сохраниться в списке другого языка-потомка.

6. Языки эволюционируют и изменяются примерно с одинаковой скоростью и изоляции двух общностей одного народа по крайней мере на 1600 лет достаточно, чтобы их потомки совершенно перестали понимать друг друга.

Глубина дивергенции соответствует реально засвидетельствованному времени раздельного существования раздельных языков. Лингвистические данные дают возможность определить время распада языковой семьи, так как изменения происходят с постоянной скоростью.

Кавказ с древнейших времен был своеобразным географическим перекрестком, где всегда шли и продолжаются интенсивные процессы этногенеза и межкультурной коммуникации, и это должно быть исходной точкой в исследовании сложнейшей языковой картины этого ареала.

Население Северо-Кавказского региона представлено двумя языковыми макросемьями: ностратическая, с номинативной конструкцией языков (ирано-персидская ветвь, картвелы и тюрки) и сино-кавказская, с эргативным построением предложений (на Кавказе представлена северо-кавказской надсемьей). Если ностратическая макросемья на Кавказе является лишь одним островком огромной языковой общности, разбросанной по всему миру, то сино-кавказская является фактически колыбелью этой макроветви. Точнее, изначально зародившись в Передней Азии, эти народы распространились на Кавказе и отсюда в другие регионы. Наиболее крупные культуры, ощутившие языковое влияние данной макросемьи, это сино-тибетские народы и на-дене (языки индейцев, проживающих на территориях США и Канады), а также баски, енисейская языковая семья и некоторые другие. Из древних культур не исключена принадлежность к данной макросемье этрусков и шумеров. Уже вышеназванных фактов достаточно для того, чтобы понять, что исторические корни автохтонных народов Кавказа имеют прямое генетическое отношение ко многим народам, проживающим далеко за пределами данного региона.

До недавнего времени для языковедов являлось общепринятым

мнение, что большая часть народов Северного Кавказа и частично Закавказья разговаривает на так называемых кавказо-иберийских языках. Но вот что представляют собой эти языки, до сих пор единого мнения не достигнуто. По данной классификации данную языковую семью составляют три основные языковые группы:

– иберийская группа картвельских языков (грузинский, лазский, мегрельский и сванский);

– нахско-дагестанская группа (нахская ветвь: чеченский, включая кистинский и аккинский диалекты, ингушский и бацбийский языки, дагестанские языки, кроме кумыкского, татского и азербайджанского);

– абхазо-адыгская группа (адыгская ветвь: адыгейский, кабардино-черкесский и абхазская ветвь). Промежуточное место между этими двумя ветвями занимал ныне мертвый убыхский язык, являясь ветвью адыгского ствола.

Однако в настоящее время большинство специалистов разделяют иберийские и северокавказские языки на две самостоятельные семьи [75]. Более того, каждая группа выделяется в отдельную макросемью, а северокавказским языкам ныне присваивается ранг надсемьи. Очевидно, что близость между указанными группами имеется, но достаточна ли она для объединения в единую языковую семью? Многие лингвисты указывают на то, что отмеченная близость имеет не генетический характер, а топологический, т.е. не столько связана с общностью происхождения, сколько является результатом конвергенции, обусловленной межэтнической интеграцией, языковыми заимствованиями и генетической экзогамией.

При всем единстве отдельных языковых элементов структура указанных ветвей слишком различается, особенно выделяются языки картвельской группы, которые, как выясняется, имеют гораздо больше совпадений с индоевропейскими языками, чем предполагалось ранее. Не случайно многие языковеды включают их в индоевропейскую семью и предлагают объединить нахско-дагестанские и абхазо-адыгские языки в единую северокавказскую семью [76].

В результате исследований Старостина и Дьяконова выяснилось, что северокавказские языки обнаруживают типологическую и генетическую общность с языками весьма отдаленных народов, причем даже большую, чем с языками картвельской группы. Была выдвинута гипотеза так называемой сино-кавказской макросемьи языков. В

нее были включены языки: баскский, бурушаский (Пакистан), енисейские, северокавказские, хуррито-урартийские (данную группу Старостин выделил из нахско-дагестанской в ранге самостоятельной), сино-тибетские (китайский, тибетский, бирманский), на-дене (апачи, навахо, атапаски и др.), а также ряд древних мертвых языков (этрусский, хаттский, тиренский, возможно шумерский). Впрочем, данную идею выдвигал еще известный русский лингвист Н. С. Трубецкой. Однако тогда эту точку зрения не могли принять ввиду слабой изученности объекта, и только после выхода в научный оборот результатов исследования Старостина и Дьяконова эта теория получила признание. По последним данным, картвельские языки классифицируются как изолированные, не только выводясь из кавказской семьи, но даже из индоевропейской семьи языков. С последней картвельские языки объединяет принадлежность к ностратической макросемье, куда, по данным Старостина, включены также индоевропейский, дравидийские, уральские, эскимосо-алеутские и алтайские.

В отношении этнокультурной общности кавказоязычных народов можно сказать, что она хотя и очевидна, но может быть основана как на генетическом родстве, так и являться результатом межкультурных заимствований, т.е. быть вторичной. В обоих случаях это может свидетельствовать о наличии приобретенной общности уже порядка не менее 3–6 тысяч лет.

Значительно сложнее оценивать общность с картвельской ветвью, которая, по последним лингвистическим данным, уже фактически не признается кавказской большинством специалистов [77]. Если принимать за критерий языковую общность, то единственное, что можно утверждать с относительной уверенностью, это то, что данная общность имеет чрезвычайно сложное полифилетическое происхождение. Наличие же общих предков на уровне языка здесь проще подтвердить с индоевропейскими народами, нежели с кавказоязычными. При этом значительное взаимовлияние автохтонных народов и картвельских не подлежит сомнению. В частности, восточные картвелы, несомненно, имели в значительной степени общие элементы с урартийцами; западные картвелы (мефелы и сваны), вернее их предки, имели длительную общую историю с колхидскими народами, в частности предками абхазо-адыгов [78].

Г л а в а III

Этногенез народов Кавказа

1. Ностратическая макросемья

К данной гипотетической языковой макрообщности многие лингвисты относят, прежде всего, алтайские, картвельские, дравидийские, индоевропейские и уральские языки [79]. Иногда в эту общность включают также афразийские и эскимосско-алеутские языки, однако, скорее всего, некоторая языковая общность здесь имеет вторичное происхождение от частичных языковых аккультураций, либо некоторая общность связана с родством на уровне борейской гиперсемьи. Предполагаемый возраст выделения этой языковой макросемьи около 11–10 тыс. лет до н.э. К наиболее архаичным языкам данной общности Старостин относит дравидийские языки.

Генетическое происхождение ностратической общности тесно связано с гаплогруппой R, которая возникла в связи со специфической мутацией в маркере M207 на Y-хромосоме. А ее происхождение связано с гаплогруппой P, которую в свою очередь можно привязать к палеоевразийской (борейской общности). Наиболее широко распространенной модификацией гаплогруппы R является R1, отмеченная мутацией M173. В настоящее время встречаются практически только два субклада этой гаплогруппы, это R1a и R1b. R1a, вероятно, связана по происхождению с Южной Сибирью и праиндоевропейскими культурами Причерноморско-Каспийских степей (катакомбная, срубная, ямная), что хорошо согласуется с «курганной гипотезой» Марии Гимбутас, которую автор полностью разделяет. На Кавказе гаплогруппа R1a встречается значительно реже, чем в Европе, кроме, почему-то, весьма отдаленных популяций даргинцев (22 %) и черкесов (13 %), что можно объяснить генетическим дрейфом [80]. Другой субклад этой гаплогруппы, а именно R1b имеет, по всей вероятности, анатолийское происхождение. От смешения этих двух субклад, вероятно, и произошли практически все индоевропейские народы.

1.1. Картвельская языковая семья

Данная общность тесно связана с Грузией, не так давно ее относили к кавказской языковой семье (иберо-кавказская общность) [81], однако более глубокий анализ выявил, что по наиболее консервативным критериям эта общность имеет гораздо больше общего с индоевропейскими языками, но по ряду причин выделяется в отдельную семью. С северокавказской языковой надсемьей картвельскую общность объединяет также немало признаков, но они в большей мере связаны тесными контактами с представителями этой языковой семьи. Делится на южно-картвельскую (грузины и колхидская общность: лазы и мегрелы) и северокартвельскую ветвь (сваны). По многочисленным фактам (в частности на основании антропологических данных) эта общность имеет полицентрическое происхождение от никак не связанных между собою происхождением этнических групп (саспиры, хетты, алародии – урарты и хурриты, албаны, колхи и т.д.).

В этногенезе грузин важную роль занимали саспиры, протогрузинские племена, известные с V в. до н.э. Происхождение их неизвестно, некоторые считают, что это было скифское племя, некоторые считают, что они предшествовали народу Кавказской Албании, возможно, это алародийское племя, однако скорее всего все эти предположения в той или иной мере верны, похоже, что это был осколок кура-аракской культуры, впитавший в себя и кровь скифов. Тесно были связаны с урартами, жили между колхами и Мидией. На территорию нынешней Грузии, вероятно, пришли потомки субареев (носители халафской археологической культуры), которые к тому времени уже были ассимилированы хурритами и хеттами. Вероятно, именно эти народы, а также урарты и легли в основу этногенеза западных грузин (иберов), которые уже позже интегрировались с западными картвелами (колхами) и сванами.

Народы Колхиды тесно связаны не только с колхами, но и с ашуйцами и киммерийцами. Сваны, по мнению Л. И. Лаврова, могли прийти с другой стороны Кавказского хребта из Приэльбрусья [82]. Скорее всего так и было, только из Приэльбрусья пришли не сваны, а одни из их (как и всех кавкасионов) предков-кобанцев, которые уже потом, в результате частичной аккультурации и ассимиляции иберами и колхами сформировали сванскую общность. Важную роль в этно-

генезе грузин играли также семитские племена и иранские (киммерийцы, скифы, аланы).

Антропологически это наиболее разнообразная межэтническая общность. Кахетинцы, картлийцы, ферейданцы и некоторые другие грузинские этногруппы относятся преимущественно к иберийско-кавказскому кластеру – переходному между переднеазиатским и кавкасионским. Встречаются также носители кавкасионского антропотипа – сваны и некоторые другие грузины-горцы. Представители колхидского варианта – переходного между переднеазиатским и понтийским: мегрелы, лечхумцы, лазы, гурийцы, имеретинцы, имерхевцы. Среди представителей каспийского типа – ингилойцы.

По наличию гаплогруппы G2 у грузин отмечается встречаемость около 40 %, особенно у сванов 90 %, что даже выше, чем у шапсугов и осетин, что говорит не только об аланском следе, но и о том, что значительная эндогамность сванов позволила сохранить в большей мере генетический сармато-аланский след. Также высока встречаемость кластера J2 – 27 %, происхождение этого кластера чаще всего связывают с Ближним Востоком и по наличию этого гаплотипа обнаруживается наличие общей предковой ветви с нахскими народами.

Что касается западных грузин, то у них отмечается сравнительно высокая частота встречаемости гаплотипов L1b, южно-понтийский кластер, что лишний раз свидетельствует об их относительной автономности от прочих картвел и близости к другим понтийцам.

1.2. Индоевропейская языковая семья

По распространенности в мире эта семья не имеет аналогов, представители этих народов широко представлены по всему миру, а ее численность превышает 2,5 миллиарда человек. Корни ее происхождения не известны, можно лишь предполагать, что ее предки были номадными племенами, по всей видимости, ямной культуры и обитали где-то в евразийских степях (курганная гипотеза нам представляется наиболее обоснованной). Наиболее древними из известных ветвей этой семьи являются хетто-лувии и индо-арии. Происхождение около 3 тыс. лет до н.э.

Происхождение (прародина) этой семьи точно не установлена, но наиболее признаны три гипотезы – анатолийская, балканская и курганная. Согласно первой (Колин Рефрю), древнейшие предки индоевро-

пейцев вышли из Анатолии (Малая Азия), а точнее из древнейшего городского поселения Чатал-Гуюк в VII–VI тыс. до н.э. [83]. Вторая, балканская гипотеза, связывает происхождение праиндоевропейцев с балканской культурой линейно-ленточной керамики, древнейшей неолитической культурой Европы, которую основали люди средиземноморского антропотипа [84]. Согласно третьей гипотезе Марии Гимбутас, ядром их формирования были курганные культуры Предкавказья, Причерноморья и юго-восточной Европы (катакомбная, срубная, ямная).

В любом случае индоевропейцы вряд ли избежали смешения с ашуйскими (хатты, кашки, абешлы) и алародийскими народами (агванцы, хурриты, урарты, гутийцы) на Кавказе и в Предкавказье. Можно предположить, что предки хеттов (анатолийцев) сформировались после подъема Черного моря, известного в мифологии как «Всемирный потоп», впоследствии столкнувшись и смешавшись с курганной культурой, пришедшей на Кавказ («Курганное вторжение» [85]). Это, кстати, подтверждается и данными антропологии. В этом случае частично можно объединить сразу все три гипотезы, поскольку хетты пришли с Балкан, тесно связаны с Анатолией и могли выдвинуться на Кавказ, где имели все шансы соприкоснуться с ямной культурой.

Данная семья представлена на Кавказе такими языками, как армянский, греческий, иранские языки (талышский, осетинский, татский, курдский). Несмотря на их общность на уровне языковой семьи, общность их генезиса в кавказском регионе в достаточной степени условна. Армянский язык обнаруживает общность с иранскими языками, но в то же время проявляет такое же сходство с балтийскими и славянскими языками. Сходство же многих слов и словосочетаний с греческим языком, по-видимому, не связано с общностью происхождения, а имеет уже вторичный характер. У армян, так же как у картвел, имеется очевидный урартийский субстрат. Но вместе с тем, между армянским и грузинским языками мало общего, и это при том, что этногенетические и культурные контакты между этими народами были весьма тесными. Достаточно упомянуть, что грузинская церковь первоначально была под протекцией армянской апостольской церкви, а возникновению письменности Грузия обязана армянскому просветителю Месропу Маштоцу. Это лишний раз свидетельствует в пользу значительной роли ментальной совмести-

мости народов в процессе формирования цивилизационных универсалий.

1.2.1. Иранская группа

Представители этой языковой общности тесно связаны своим происхождением с ариями (индоиранская общность, с XIII по XVIII в. до н. э.). Предполагается, что арийские предки – это выходцы из Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, который располагался на территории, граничащей с Туркменистаном, Афганистаном, Пакистаном и южным Узбекистаном [86].

Вопреки довольно распространенному заблуждению, берущему начало с известного труда Жозефа Артюра де` Гобино [87], арии имели мало общего с тем образом статного, белокожего «истинного арийца», да и с германцами они связаны лишь через индоевропейскую языковую общность.

Даная общность разделилась на индоарийскую и иранскую ветви в конце III – начале II тыс. до н.э. Ираноязычные народы Кавказа делятся на три группы. В северо-восточную группу кроме вымерших хорезмского, скифского, сарматского и аланского включается также и осетинский язык, в северо-западной группе объединяются курдский и талышский языки, в юго-западную включаются татский, персидский и некоторые другие.

Происхождение ираноязычных народов на Кавказе имеет разную природу. Это и пришедшие с севера потомки древних кочевых ираноязычных племен (киммерийцы, скифы, сарматы, аланы), и более поздняя арийско-персидская волна (преимущественно при Сасанидах), мигрировавшая из Ирана и Анатолии. Есть еще одна особая группа – это древний осколок ираноязычных мидийцев, смешавшихся с хурритами-кадусиями – талыши. По другим данным, талышский язык является осколком древнего азербайджанского языка иранской группы, каковым он был до тюркизации народа Азербайджана сельджуками, это уникальный, хотя и родственный азербайджанцам народ. Из потомков северной волны сохранились только осетины. Это, по-видимому, единственный на Кавказе ираноязычный народ, который не имеет южных ирано-мидийских корней.

Языки курдов и талышей, хоть и являются иранскими, унасле-

дованными, по-видимому, от мидян, имеют ярко выраженный хуррито-урартийский субстрат, как и нахско-дагестанские языки. Пока еще не ясно, связано ли это с общим генезисом, или это – результат вторичных заимствований.

Тесно с иранцами связаны также и азербайджанцы, которые, имея преимущественно мидийское происхождение, были ираноязычными и лишь в XI в. началась их тюркизация турками-сельджуками (огузы) и некоторыми другими тюркскими племенами.

1.2.1.1. Таты и горские евреи

Вопреки распространенному заблуждению, таты и горские евреи – это хоть и весьма близкие, но разные народы. Таты – это преимущественно мусульмане, реже зороастрийцы, которые являются потомками персов-переселенцев во времена династии Сасанидов (III–VII вв. н. э.). От персов они отличаются лишь тем, что в результате ассимиляции и аккультураций приобрели много черт, сближающих их с кавказскими народами каспийского антропотипа и имеющих происхождение от кура-араксинской культуры. Таты проживают преимущественно в Азербайджане и на юге Дагестана.

Горские евреи – это потомки персидских евреев, которые мигрировали из Персии в V в. н.э., впоследствии горские евреи пополнялись новыми мигрантами, в том числе и из Византии и Ирака. В значительной степени они сформировали иудейское население Хазарии. Наиболее многочисленные диаспоры до последнего времени проживали в Азербайджане, Дагестане и в Нальчике. В настоящее время большая часть иммигрировала в Израиль. Язык очень близок к татскому (что и привело к упомянутому выше заблуждению), но является фактически результатом смешения идиша и парси, общие черты с татским языком связаны с тем, что первые мигранты селились в Восточном Закавказье в районы, населенные преимущественно татами. Основу горских евреев составили переселенные Сасанидами из Ирана в Кавказскую Албанию иранские евреи, а также более поздние иранские переселенцы – арамеязычные курдистанские евреи. Они оказали значительное влияние на народы Северного Кавказа, в частности повлияли на принятие иудаизма значительной части населения Хазарского каганата. Разговаривают на частично арамеизированном иранском языке, близком к татскому, или считают родным либо русский, либо азербайджанский языки, либо иврит[88].

Горские евреи-иудеи причисляют себя к утерянным израильским коленам, плененным еще Навуходоносором. Отдельные элементы арамейского и еврейского языков имеют и так называемые грузинские евреи (киврули или эбраэли), говорящие на грузинском языке. По-видимому, они произошли от евреев, мигрировавших из Османской империи и в значительной степени ассимилированных грузинским этносом. На Северном Кавказе живут также носители ново-

арамейских языков, это курдистанские евреи (лахлухи) и ассирийцы (семитская языковая семья).

Вместе с тем, поскольку определяющим критерием этнической идентичности следует считать самосознание, сложилось так, что все таты ныне осознают себя либо горскими евреями (таты-иудеи), либо собственно татами (таты мусульмане). Армянские таты-христиане обычно идентифицируют себя армянами.

Горские евреи, как и таты-мусульмане, относятся к каспийскому антропотипу, поскольку генетически тесно связаны с народами Кура-Араксинской низменности, евреи-ашкенази, а в формирование этой общности определенный генетический вклад вложили хазарские евреи (~12,5 %), относятся к арменоидному типу – центральный переднеазиатский кластер. Многие таты относятся к кавкасионскому антропотипу, что свидетельствует о генетическом смешении преимущественно с аваро-цезскими народами Дагестана и лезгинами.

1.2.1.2. Киммерийцы, скифы, сарматы

Киммерийцы очень древний и загадочный народ, достоверно не известна даже их языковая принадлежность, их относят либо к фракийцам, либо к иранцам, либо к переходной фракийско-иранской общности. Однако наиболее обоснованной является точка зрения И. М. Дьяконова, который на основании лингвистических параллелей с персами дает основания склоняться к ираноязычности киммерийцев [89], которые, по всей видимости, были близки к скифам, включая и материальную культуру. Иногда утверждается, что к киммерийцам относили все доскифские племена Северного Причерноморья, то есть фактически это собирательное название. Точно о происхождении киммерийцев ничего не известно, видимо, их происхождение связано со срубной культурой (XVIII–XII вв. до н.э.), которая локализовалась в степных ландшафтах между Днепром и Уралом. Вполне возможно, что это были еще даже не протоиранские племена, а еще только индоарийские, и потому не исключено, что из этой культуры выделились и протоиндоевропейцы ямной культуры, и древнейшие иранцы. Однако если существование индоарийских корней срубной культуры остается предметом дискуссий, то факт ее иранской при-

надлежности и то, что именно она дала начало скифо-киммерийским племенам, уже подтверждается многим исследователями [90]. Впрочем, если связь скифов со срубной культурой вызывает не так много разногласий в российской научной среде, то с киммерийцами несколько сложнее, некоторые их связывают с гораздо более древней катакомбной культурой (XXV–XX вв. до н.э.) [91], а ее связь с ямной культурой гораздо более вероятна.

Скифы – носители скифо-сарматской языковой общности, входящей в восточно-иранскую подгруппу иранских языков. Достоверные исторические сведения берут начало с VII в. до н.э. По всей видимости, это иранское номадное племя, пришедшее с Поволжья. Был еще один загадочный народ – меланхлены, названные так за черные плащи (от греческого melanos – черный). Неизвестно не только их происхождение, но даже этническая принадлежность, они были близки как к киммерийцам, так и к скифам. Другим, по всей видимости, не менее близким к скифам народом были массагеты [92], которых связывают по происхождению с хорезмийцами.

Сарматы – это более молодое, по сравнению со скифами племя, некоторые исследователи их причисляют к потомкам скифов, чаще сарматов считают одним из более поздних скифских племен. В свою очередь к сарматам относят часто савроматов (иногда отождествляя эти этнонимы), а также аорсов, саков, языгов, сираков, алан, сайи и роксолан. Потомками сарматов, кроме осетин, являются также и ясы (ираноязычная по своему происхождению народность Венгрии).

Антропологически сарматы относились к брахикефалам, за исключением долихокефальных алан. Возможно, долихокефалия алан связана с генетическими смешениями с боспорскими греками, западными адыгами и другими носителями долихокефального понтийского антропотипа.

1.2.1.3. Осетины

Язык осетин относится к северо-восточной подгруппе иранской языковой группы. Осетинский язык считается последним сохранившимся реликтом скифо-сарматской языковой общности. Осетины делятся на две субэтнические общности: иронцы и дигорцы. Парадоксальным фактом можно считать, что, несмотря на безуслов-

ную этническую общность этих групп, они не имеют общего эндоэтнонима. Самоназвание иронцев – *ирон* (арий, благородный), самоназвание дигорцев – *дигорон*. Вероятно, самоназвание происходит от названия предкового племени кобанской культуры *дигор* и самоназвания адыгов *адыгэ*, поскольку, по всей видимости, именно от смешения алан с преимущественно племенем дигор и адыгами и произошли дигорцы.

К иронцам относятся также кударцы и туальцы. Происхождение туальцев пока точно неизвестно, можно лишь предположить, что они есть результат аккультурации какого-то нахско-дагестанского народа аланами и впоследствии осетинами-иронцами в области, именуемой «Двалетия» (область Южной Осетии). Кударцы происходят от иронского племени, проживающего преимущественно в Кударском ущелье Южной Осетии, откуда и получили собственный субэтноним [93]. Кударский говор хоть и относится к иронскому диалекту, но имеет некоторые особенности и относится преимущественно к кударо-джавскому наречию, который некоторые этнографы выделяют в особый диалект [94].

Этногенез осетин является результатом смешения алан с местными автохтонами кобанской культуры. Аланы в свою очередь имеют скифо-сарматское происхождение. Данная точка зрения подтверждается антропологически. Современные осетины относятся преимущественно к центральному кластеру кавкасионского антропотипа с характерным брахикефальным черепом и массивным скелетом, тогда как черепа из могильников кобанской культуры из сел Кобан и Верхняя Рутха характеризуются грацильностью и ярко выраженной дилихокефалией [95]. Все это свидетельствует в пользу того предположения, что этнокультурно осетины, являясь непосредственными приемниками алан, генетически были в значительной мере ассимилированы кобанцами и частично некоторыми другими кавкасионными автохтонами Центрального Кавказа. По многочисленным, нехарактерным для индоевропейских языков проявлениям в фонетическом строе морфологии и лексике осетинского языка можно заключить, что здесь имели место заимствования из нахско-дагестанских, картвельских и адыгских языков [96]. Последнее также свидетельствует об определенном уровне этнокультурной общности с кавказоязычными народами. Следует особо подчеркнуть, что еще по крайней мере два века назад осетины имели совсем другой антропологический тип, более схожий с пон-

тийским, как и у алан, но в результате возрастания роли интеграционных процессов на Северном Кавказе произошла активная генетическая ассимиляция с кавкасионами и адыгами. Таковыми интегрирующими причинами стали: возрастание роли религиозной общности, кровная месть, которая способствовала миграциям спасающихся от ее кары, институты аталычества и куначества, а также запрет браков при родстве до седьмого колена, который способствовал росту межэтнических браков. Вместе с тем, следует особо подчеркнуть, что этнос – это прежде всего не гены, а культура, и потому осетины по праву могут считаться подлинными прямыми приемниками алан.

У осетин можно отметить высокий процент встречаемости гаплогруппы G2, его гаплотиппа G2a1a1. Данный гаплотип напрямую связан с гаплотипом алан G2a, во всяком случае ареал распространения носителей этого гаплотипа и его модификаций полностью совпадает с ареалом распространения алан. У осетин-дигорцев встречаемость гаплогруппы G2-74 %, осетины (Ардон) – 21 %[97]. По гаплогруппе G2 осетины имеют специфичную субкладу G2a1a-P18. Средняя частота встречаемости этой субклады у осетин 67 %, у дигорцев 60 %, у иронцев 73 %[98]. Данные Дибировой несколько различаются с данными Насидзе, вероятно, это связано с погрешностью, связанной с малыми выборками. По субкладу гаплогруппы R1 у осетин встречается в основном только гаплотип R1b, особенно у осетин-дигорцев – более 43 %. Как отмечает Х. Д. Дибирова: «Гаплогруппа R1b1b2-M269 также на Кавказе в среднем встречается с частотой 6 %, в то время как у народов Европы ее частота составляет около 25 %, а в степях Евразии – около 16 %. Ее частота высока у лезгин (30 %) и у осетин-дигорцев (16 %). В работе (Balaresque et al., 2010) предполагается неолитическая экспансия R1b1b2-M269 из Передней Азии в Европу через Анатолию, что позволяет объяснить присутствие на Кавказе R1b1b2-M269 в результате миграции не из Европы, а миграции непосредственно из Передней Азии»[99]. Достаточно неожиданный результат. О связи с Анатолией северо-кавказоязычных и закавказских народов известно давно, но, как выясняется, и с осетинами есть генетическая связь.

1.2.1.4. Талыши

Самоназвание *толышон – tolışon*. Автохтонный ираноязычный народ, проживающий на юго-востоке Азербайджана и северо-западе Ирана. Народ назван в соответствии с топонимом местности проживания Талыш. Этногенез талышей является результатом смешения местного автохтонного субстрата кадусиев с мидийцами. Кадусии не были ираноязычным племенем, по всей видимости, они представляли одно из хурритских племен либо какую-то другую очень близкую к хурритам народность кура-араксинской культуры, часто объединяемым под общим названием «каспии». Ираноязычность талыши приобрели уже непосредственно от мидян. В связи с географической изоляцией и ярко выраженной эндогамией, талышей, в отличие от прочего автохтонного населения Азербайджана, не затронула огузская тюркизация. По данным В. В. Бунак, талыши Прикаспийской низменности принадлежат преимущественно к «карабахскому варианту» арменоидного антропотипа, тогда как горных талышей он относит к эльбурскому (араксинскому) варианту каспийского антропотипа [100]. Это свидетельствует, что часть талышей смешивалась преимущественно с персами, тогда как другая часть генетически частично ассимилировалась автохтонами кура-араксинской культуры.

На основании генетических исследований маркеров, было выявлено гораздо большее генетическое родство талышей с тюркоязычными азербайджанцами, нежели с родственными по языку иранцами и другими ираноязычными народами (курды, таты и осетины) [101].

1.2.1.5. Курды

Самоназвание *курд – kurd*. Ираноязычный народ северо-западной подгруппы, проживающий преимущественно на территории, примыкающей к Турции, Сирии, Ирану и Ираку. Вероятно, этногенез курдов является результатом смешения скифо-мидийцев с халдами (народ, родственный хаттам), армянами и картвелами. Язык курдов наиболее близок к мидийскому языку. Антропологически курды-мусульмане относятся к центрально-переднеазиатскому кластеру арменоидного антропотипа. Данные генетического анализа свидетельствуют о преимущественном

смешении курдов с азербайджанцами, армянами, грузинами и евреями [102].

1.2.2. Армянская группа

Самоназвание армян Հայեր – *hayer*. Связаны тесной общностью с греческой группой посредством принадлежности к греко-фригийско-армянской ветви, которая в свою очередь входит в палеобалканскую языковую общность. Армяне очень древний народ, берущий начало, вероятно, еще к XIII в. до н.э. Связаны своим происхождением с Армянским нагорьем (Передняя Азия). Этногенез армян, вероятно, представляет собой результат смешения фригийцев с урартами, хурритами и лувийцами. Вероятно, основу культурного субстрата составили фригийцы, тогда как основу генетического субстрата хурриты [103]. На Северном Кавказе живут преимущественно армяне следующих субэтнических групп: амшенцы или хемшилы (армяне-мусульмане), зоки (армяне нахичеванского происхождения, тесно связанные своим этногенезом также и со скифами), франги (армяне-католики), черкесогаи (армавирские армяне, тесно связанные своим этногенезом с адыгами).

По антропологическому составу относятся преимущественно к переднеазиатскому антропологическому типу, который и назван не случайно арменоидным.

По гаплогруппам Y-ДНК-генеалогии наиболее высокий процент встречаемости по субкладу R1b1a2 – 26,5 %. Происхождение ее, вероятнее всего, связано с Кавказом, Восточной Месопотамией и Северной Анатолией. Дальнейшее ее распространение точно неизвестно, но имеет наиболее высокий процент встречаемости в Западной Европе, который постепенно ослабляется при продвижении на Восток. По встречаемости другой Y-гаплогруппы J2a – 19,1 %, армяне сближаются с такими характерными ее носителями, как: хатты, хуриты, этруски, минойцы, греки, финикийцы, семиты и вайнахи.

1.2.3. Греческая группа

Самоназвание греков – *Έλληνες – эллинес*. Как и родственная ей армянская группа, она также моноэтническая. Греческий язык происходит, вероятно, от микенского языка, имеющий корни вплоть до XVI в. до н.э. Лингвисты микенский язык фактически относят к одной из форм древнегреческого языка, вероятно, то же относится и к древнемакедонскому языку.

Греки, по всей видимости, происходят из Фесалии. Возможно, древние греки обязаны своим происхождением пеластам, фракийцам и местному неиндоевропейскому населению Фесалии – ахейцам. Иногда пеластов объединяют с ветхозаветными филистимлянами, некоторые же их отождествляют с этрусками и даже адыгамизихами [104]. В результате сложных этногенетических смешений, сформировались четыре основных древнегреческих племенных общности: ионийцы, дорийцы и эолийцы и местные ахейцы, чьи предки, вероятно, пришли с Причерноморья.

Распространенное мнение, что современные греки в результате значительной ассимиляции имеют мало общего с древними эллинами, не нашло подтверждение. На основании изучения гаплогрупп по Y-хромосоме у греков преобладает E1b1b1 гаплотип, что свидетельствует о статистической непрерывности этногенеза современных греков с древними греками.

На Северном Кавказе проживают преимущественно так называемые понтийские греки, имеющие очень древние корни со времен Боспорского царства. Основу понтийским грекам составили, по всей видимости, милетские ионийцы. Боспорцы имели тесные контакты с аланами и адыгами.

Греки весьма антропологически разнообразны, встречаются представители атланто-средиземноморского типа, альпийского и ирано-нордического типов, динаро-средиземноморские и динаро-византийские миксы, но на Кавказе преобладают преимущественно представители понтийского антропологического типа.

1.3. Тюркская языковая семья

Некоторые исследователи объединяют носителей тюркских языков в алтайскую языковую семью, в которую кроме тюркоязычных народов включаются также японский, корейский, монгольский, тунгусский и алтайский. В любом случае, все эти языки являются родственными тюркским.

Алтайцы, по всей видимости, являются результатом смешения автохтонного монголоидного субстрата в Центральной Азии, являющегося в то время носителем палеоазиатских языков, с пришедшими с Ближнего Востока древнейшими носителями ностратических языков. Происхождение прототюрков пока остается предметом дискуссий. Чаще всего прародиной тюрков называют Центральный и Северный Казахстан, а также Южный Урал и Алтай. Если основываться на весьма ненадежном глоттохронологическом анализе, а других данных фактически нет, то можно предполагать, что приблизительно в V тыс. до н.э. произошел распад алтайской общности на три группы: тюрко-монгольскую, тунгусо-маньчжурскую и японо-корейскую. Тюрки, по всей видимости, сформировались в результате смешения прототюрко-монгольских племен с индоиранскими племенами в III тыс. до н.э. в Средней Азии [105]. Что это были за племена, достоверно пока неизвестно.

На Кавказе из народов алтайской языковой общности проживают только представители тюркской языковой семьи (огузская и кыпчакская подгруппы), за исключением разве что калмыков, принадлежащих к монгольской ветви (если южную часть Калмыкии причислять к Северному Кавказу, что, как считают некоторые ученые, весьма спорно). Калмыки принадлежат к монгольской ветви алтайской языковой семьи [106]. Их предками являются западные монголы-ойраты. Вместе с тем сложно отрицать значительное влияние на их язык и культуру со стороны народов Поволжья, Предкавказья и Северного Кавказа.

1.3.1. Огузские народы Кавказа

Огузы, которые, наряду с кыпчаками, сыграли важнейшую роль в формировании большей части современного тюркоязычного населения, уходят своими корнями в раннее Средневековье. Первоначально под этой общностью именовались племена уйгур и карлуков. Впоследствии под этой общностью начали именовать народ, который образовался в результате смешения тюркютов [*] с ираноязычными сарматами [107]. Огузов часто отождествляют с сельджуками, в действительности сельджуки – это хоть и самое значительное племя огузов, но не единственное, сельджуки получили наименование от имени своего ордынского вождя. Огузское происхождение имеют туркмены, анатолийские турки, турки-месхетинцы, гагаузы, крымские татары, хорезмийские узбеки. На Кавказе огузское (сельджукское) происхождение имеет самый многочисленный тюркоязычный этнос – азербайджанцы.

1.3.1.1. Азербайджанцы

Самоназвание *azərbaycanlılar*. Не только самый многочисленный тюркоязычный народ Кавказа, но и вообще самый многочисленный народ Кавказа, только в самом Азербайджане по данным последней переписи 2009 г. проживает 8,2 миллиона человек. На Северном Кавказе живут преимущественно в Дагестане и Ставропольском крае, где имеют давние исторические корни.

В основе генетического субстрата этногенеза азербайджанцев лежит отнюдь не тюркоязычный народ, а преимущественно ираноязычные народы Атропатены (иногда ее называют Северной Мидией) и Кавказской Албании. Первоначально в их этногенезе участвовали не только мидяне, но и представители хуррито-урартийского субстрата кура-араксинской культуры. В I тыс. до н.э. эти народы смешались преимущественно с ираноязычными киммерийцами, скифами, масагетами и саками. Затем, начиная с I тыс. н.э., местное насе-

[*] Т ю р к ю т ы – термим, предложенный Л. Н. Гумилёвым, под этим собирательным экзоэтнонимом понимаются прототюрки, имеющие монголотюркский гено-культурный субстрат и составляющие основу тюркютского каганата.

ление столкнулось с лавинами великих переселений номадных народов, преимущественно идущих из приказахских степей через Кавказ на Ближний Восток. Начало тюркизации азербайджанцев положили гунны, хазары и булгары. Окончательная и наиболее значительная тюркская аккультурация произошла под давлением печенегов и сельджуков, о чем красноречиво свидетельствует принадлежность азербайджанцев к огузской подгруппе тюркской языковой семьи. Заметную роль в этногенезе азербайджанцев сыграли также еще и кыпчакский, арабский и монгольский субстраты.

Принадлежность азербайджанцев к каспийскому антропологическому типу, к которому относятся многие народы Дагестана, часть татов и некоторые другие народы, тесно связанные своим происхождением с кура-араксинской культурой, красноречиво свидетельствует, что, несмотря на иранскую и тюркскую аккультурацию, азербайджанцы остались носителями преимущественно генов местных автохтонов. Многие антропологи отмечают наиболее высокий уровень пигментации меланином кожи, волос и радужины глаз у азербайджанцев, однако это сложно связывать с генетическими вливаниями южных народов, тут, по всей видимости, сказывается чисто адаптивно приобретенная особенность, в связи с проживанием в наиболее солнечном регионе Кавказа. По сравнительно высокой частоте встречаемости гаплогруппы J2 (30 %) азербайджанцы сближаются генетически с армянами, кумыками, грузинами, анатолийскими турками, вайнахами и представителями севера Ирака.

1.3.1.2. Турки-месхетинцы

Это потомки турок – переселенцев в грузинскую Месхетию во времена господства Османской империи [108]. Говорят на восточно-анатолийском диалекте турецкого языка. Отмечается, что их язык занимает промежуточное положение между азербайджанским и турецким, но больше общего отмечается почему-то с азербайджанским, что наводит на мысль о гено-культурном влиянии последних.

Основная масса разбросанных ныне по всему миру месхетинцев изначально проживала в Грузии, в области Месхетия, отсюда и множество картвельских элементов в языке. На основании анализа их языка можно предположить, что основу для формирования этого этноса положили грузины-месхетинцы, азербайджанцы и турки. Не исключена возможность армянского субстрата.

Антропологическую принадлежность турок чрезвычайно сложно однозначно определить, в связи с их разнообразием (особенно это касается турок, проживающих за пределами Турции, в связи со значительным ассимиляционным прессом), но в своем большинстве они относятся к балкано-кавказской малой расе. Анатолийские турки и турки-месхетинцы преимущественно относятся к центрально-переднеазиатскому кластеру арменоидного (переднеазиатского) антропотипа, но некоторых можно отнести и к анатолийскому кластеру, который является переходным между переднеазиатским и византийским антропотипами.

1.3.1.2. Трухмены (ставропольские туркмены)

Самоназвание *туркмен*. Говорят на туркменском языке и мало чем от туркменских туркмен отличаются, но испытывали определенное влияние ногайцев и потому в их языке угадывается ногайский диалект. По антропологии относятся к восточному кластеру каспийского типа. Некоторые имеют монголоидные черты, точнее его переходный европеоидо-монголоидный западно-казахский вариант южно-сибирской малой расы.

1.3.2. Кыпчакская группа. Кыпчакско-половецкая подгруппа

Как можно понять из названия, народы данной языковой группы имеют половецкое (кыпчакское) происхождение. Это, прежде всего: караимы, крымские татары и греки-урумы (с огузскими элементами), татары и башкиры (с булгарскими элементами), казахи, каракалпаки, ногайцы и узбеки (с ногайскими элементами). На Кавказе кыпчакско-половецкая подгруппа представлена карачаевцами, балкарцами и кумыками.

Кыпчаки, вероятно, являются потомками тюркского народа, именуемого сиры (сары), которые являлись одним из племен уйгуров. Таким образом, кыпчаки являются фактически выходцами из Китая в начале нашей эры, которые мигрировали в Туркестанские степи [109].

Половцами кыпчаков называли на Руси, вероятно, потому, что они считались потомками сары-кыпчаков, то есть желтых (светловолосых) кыпчаков (половъ на старорусском означает «бледная солома»). По одной из версий этноним «кыпчак» также означает желтый, что у тюрков ассоциировалось с Западом, а кыпчаки считались западными тюрками.

По многочисленным косвенным фактам предполагается, что кыпчаки изначально были монголоидами, о чем свидетельствует наличие половецких каменных «баб» с монголоидными чертами. Однако на Северном Кавказе они были европеизированы, да и их потомки на Северном Кавказе значительно разбавили кыпчакскую кровь местным автохтонным и аланским населением.

1.3.2.1. Карачаевцы и балкарцы

Карачаевцы (самоназвание *къарачайлыла*) и балкарцы (самоназвание *таулула*) фактически являются единым народом, разделенным административными границами. Язык очень близок к кумыкскому, но в отличие от него имеет много общих черт с осетинским языком, что можно объяснить не столько культурными контактами между этими народами (куда более тесные культурные контакты с кабардинцами не имели такого же эффекта), сколько влиянием общего аланского субстрата [110].

В случае с осетинами, кобанские племена, оказав сильное влияние на традиционную культуру и антропологический облик, фактически никак не повлияли на языковой аланский субстрат, тогда как в случае с карачаево-балкарцами мы имеем тройственный этнокультурный синтез алан, кыпчаков и местных автохтонов. Карачаево-балкарский язык, сохранив отдельные элементы аланского языка, по своей структуре все же является кыпчакско-половецким. Кыпчакский след обнаруживается в исследованных черепах из села Верхний Чегем в балкарских могильниках XIII–XIV вв., среди которых был обнаружен значительный процент монголоидов [111]. Можно предположить, что карачаево-балкарцы являются потомками тех алан, которые тесно контактировали с кыпчаками и в результате были ими тюркизированы. Так же как у осетин, этногенез карачаево-балкарцев являет собой результат прохождения алан (в данном случае еще и кыпчаков) через «бутылочное горлышко», в результате их почти полного истребления монголо-татарами и Тамерланом. В результате произошло резкое сужение спектра культурного и генетического разнообразия аланского массива. В частности, это проявилось в сужении спектра эпических мотивов нартского эпоса. Объясняется это тем, что в дописьменных культурах вместе с непосредственными носителями культурных элементов исчезают и сами культурные элементы. По понятным причинам, этногенез карачаево-балкарцев, как и осетин, а также кумыков, тесно связан по времени с монголо-татарскими завоеваниями на Северном Кавказе. Несмотря на тюркский языковой субстрат, тюркские культуры не играли значительной роли в культурогенезе этих народов, за исключением короткого периода (13 лет) депортации в Казахстан, более значимую роль в этногенезе сыграли даже не аланы (как, впрочем, и у осетин), а местный автохтонный субстрат кобанской культуры и других автохтонов Северного Кавказа. Впрочем, роль этнического «аланского» самосознания и конструктивистских процессов самоидентификации тоже нельзя недооценивать. Довольно близка к современной общепринятой трактовке карачаевцев и балкарцев концепция Н. Я. Марра, который причислял карачаевцев и балкарцев к исконному населению горной полосы Центрального Кавказа. Это население, по его мнению, прежде говорило на одном из кавказских (яфетических) языков, который в процессе социально-экономического прогресса трансформировался и принял тюркский облик. Сопоставляя случайные факты из раз-

ных, часто очень далеких языков, он приходит к выводу о родстве карачаевцев и балкарцев со сванами, хевсурами, абхазцами, чувашами и древними савроматами (которых он отличал от сарматов) [112].

В последние два века карачаево-балкарцы, как и осетины и большинство других не эндогамных народов Северного Кавказа, частично прошли через «плавильный котел» межэтнической генетической ассимиляции. В результате значительная часть автохтонного населения Центральной части Северного Кавказа приобрела схожие антропологические черты, преимущественно кавкасионские (центральный кластер), а также смешанные каспийско-кавкасионские и понтийско-кавкасионские. Поэтому в настоящее время сложно антропологически и посредством исследования частоты встречаемости гаплогрупп выявить истинные этногенетические истоки происхождения указанных народов. Но поскольку генетическая ассимиляция не сопровождалась межкультурной диффузией и аккультурациями и все эти народы сохраняли культурную самобытность, можно утверждать, что, в частности, карачаевцы и балкарцы, при всех генетических различиях от алан, вправе считать их своими предками, наряду с кыпчаками.

В языческих верованиях балкарцев и карачаевцев прослеживается аланский след, воспринятый в процессе этногенеза (например, бог, покровитель охоты Апсаты) и местный, кавказский (например, Алмасты, злая богиня, имеющая кавказские и даже, вероятно, еще более древние месопотамские корни). Обнаруживается также множество языковых пересечений с дигорским языком. Кроме того, как указывает Л. И. Лавров: «В результате совместного проживания половцев и алан произошло постепенное слияние их в один народ. Неизвестно, как долго держалась дигорская речь в пределах Карачая и Балкарии, но влияние ее до сих пор обнаруживается в современном карачаево-балкарском языке. Значительным является вклад алан в материальную и духовную культуру этих ныне тюркоязычных народов. Хотя вопрос этот до сих пор не изучен, но даже при поверхностном знакомстве со старым бытом карачаевцев и балкарцев бросается в глаза сходство с осетинами в способах содержания скота, технике земледелия, архитектуре жилищ и мавзолеев, типе утвари, обычном праве, нартских сказаниях, религиозных верованиях и пр.»[113]. Но в культуре карачаевцев и балкарцев, наряду с исконно кавказскими и иранскими (аланскими), сохраняют большую роль и

сугубо тюркские элементы, например: культ тюркского божества Тейри, эпос «Бийнегер» или наличие пятиступенчатой музыкальной системы (пентатоники), характерной для монголоидных и тюркских народов [114].

Часто предками карачаево-балкарцев называют также и булгар, в частности именно с этим связывают происхождение этнонима «балкарцы». Исключать участие булгар в этногенезе балкарцев и карачаевцев полностью нельзя, но все же наличие именно кыпчакского языкового субстрата свидетельствует в пользу более значимой роли последних. А этноним «балкарцы», скорее всего, происходит от названия ущелья Малкар, одно из основных мест их исконного ареала.

По своей антропологии балкарцы и карачаевцы являются характерными представителями кавкасионного антропологического типа, что свидетельствует о важнейшей роли кобанских племен в их этногенезе, либо это результат смешений с другими потомками кобанской культуры. По Y-хромосомным гаплогруппам отмечается высокий процент субклады R1a1a-M198 (36 %), что косвенно свидетельствует о генетическом влиянии степняков, в первую очередь тюрков, наличие Y-гаплогруппы G2a-P15 (32,4 %) [115] сближает эти народы с аланами. По гаплогруппам митохондриальной ДНК отслеживается родственная связь с Анатолией, возможно полученная опосредовано через смешение с адыгами.

1.3.2.2. Кумыки

Самоназвание *къумукълар*. Этноним «кумыки» предположительно происходит от «куман», как часто именовали кыпчаков [116]. Как и осетины и карачаево-балкарцы, кумыки сформировались после монгольских завоеваний в XII–XIII вв., в результате отуречивания лезгин пришедшими в Дагестан кыпчаками. Многие этнографы считают, что тюркский субстрат был привнесен не кыпчаками, а хазарами, что казалось бы звучит логично ввиду исконно дагестанской локализации хазар. Однако, по многочисленным косвенным данным, хазарский язык относился к булгарской подгруппе, тогда как кумыки характерные представители кыпчакско-половецкой подгруппы языков. Поэтому можно предположить, что хазарский субстрат вполне мог сыграть важную роль в формировании кумыкского этноса, но все же основу тюркской составляющей их этногенеза, по всей видимости, составляли кыпчаки. Кроме того, по некоторым данным, определен-

ную роль в их этногенезе, возможно, играли также и сибирские татары.

Кумыки относятся к каспийскому антропотипу, как и многие другие автохтонные народы Прикаспийской низменности [117], что свидетельствует об ассимиляционных процессах с местными автохтонами каякентско-хорочоевской культуры. По гаплогруппам Y-хромосом – J1 – 25 %, J2 – 20 %, R1b – 25 %, G – 13 % , R1a –12 %. и J1–60 %, R1b – 30 %, то есть обнаруживается генетическая общность с дагестанскими автохтонами, семитами (явно это арабский след времен Дербентского эмирата либо хазарский) и аланами, которая, видимо, была привнесена кыпчаками, которые активно смешивались с аланами.

До интеграции с Россией кумыкский язык, как и крымскотатарский, был лингва-франка, языком межэтнического общения на Северном Кавказе.

1.3.2.3. Ногайцы и татары

Самоназвание *ногайлар*. Этногенез ногайцев представлял собой сложный многоступенчатый процесс наложения различных слоев тюркских племен. По мнению Н. А. Баскакова, основу формирующейся ногайской общности положили булгаро-хазарские племена (IV–VIII вв.), которые затем смешивались с огузо-печенежскими тюрками (IX–XI вв.) и значительно позже впитали в себя кыпчакско-половецкую общность (XI–XIII вв.). Образовавшийся конгломерат, по всей видимости, был сплочен под знаменами золотоордынского темника Ногая (XIII в.), откуда, собственно, и происходит этноним.

Антропологически ногайцы представляют собой результат смешения южно-сибирской или туранской переходной расы, совмещающей черты европеоидов и монголоидов с местным европеоидным субстратом, в зависимости от занимаемого ареала. У кубанских ногайцев добавлен соответственно понтийский субстрат, у караногайцев (Дагестан и Чечня) наиболее ярко выражен туранский и даже монгольский антропотип, видимо именно эта популяция была наиболее эндогамной. И, наконец, кумские, ставропольские ногайцы представляют собой смешение недифференцированного субрасово-европеоидного субстрата с южно-сибирским, точнее его западно-казахским вариантом, который, по всей видимости, был привнесен монголами-мангытами [118].

На Северном Кавказе живут также татары, говорящие на смешанном кыпчакско-булгарском языке, что убедительно свидетельствует об их происхождении [119].

2. Сино-кавказская (дене-кавказская макросемья)

Гипотеза о сино-кавказской языковой макрообщности предложена С. А. Старостиным в 80-х гг. прошлого столетия [120]. В данную общность Старостин включил такие, на первый взгляд весьма разные народы, как: баскский и енисейские языки, на-дене (языки неамериндской общности североамериканских индейцев), северокавказские языки, бурушаски (изолят в Пакистане), хурритоурартские и сино-тибетские языки [121]. Общей чертой всех языков, входящих в сино-кавказскую макрообщность, включая даже и спорные баскский и шумерский, является их характерный эргативноагглютинативный типологический строй.

Можно предположить, что уже после распада ностратической макросемьи, около IX–VII тыс. до н. э., началось выделение другой ветви – протопалеокавказской, или сино-кавказской, макросемьи. Вероятно, ядром этой группы были народы Передней и Малой Азии. Они тесно соседствовали с ностратами. В итоге синокавказцы распространились вплоть до Калифорнии и Китая. Конечно, все это не свидетельствует об обязательном антропологическом родстве между народами тибето-бирмано-китайской группы, калифорнийскими индейцами и потомками ашуйско-алародийской ветви. Язык может заимствоваться и без генетического смешения. Впрочем, у тех же на-дене обнаруживаются элементы, близкие к северо-кавказскому антропотипу балканской расы. Значительно больше и языковой, и культурной, и антропологической общности обнаруживается с другим весьма отдаленным от Кавказского региона народом – басками, которых также большинство исследователей относят к сино-кавказской макросемье. Одна из наиболее авторитетных гипотез предполагает, что уже в VIII тыс. до н. э. предки басков отделились от тогда еще единой западной общности сино-кавказцев и мигрировали в Западную Европу, где смешались с местным кроманьонским населением. Оставшиеся народы еще на прародине разделились на алародийскую и ашуйскую ветви предположительно в VI тыс. до н. э. Кроме баскской ветви от основного массива отделились предки берберов, проживающих в Северной Африке. В этой связи необходимо упомянуть и вовсе неизученный факт: фонетический строй современного валлийского языка (Великобритания) имеет много общего с фонетикой абхазо-адыгских языков. Мы не претендуем на

более глубокие умозаключения в силу полного отсутствия научных исследований по последней проблеме, но вполне возможно, что ареал распространения народов, говоривших на ашуйско-алародийских языках, был еще обширнее, чем это предполагалось до сих пор [122]. Так же неоднозначна проблема общности отдельных языков Индостана (бурушаски, кусунда, нахали и некоторых других) с языками сино-кавказской макросемьи. Данную гипотезу еще только предстоит подтвердить. В любом случае очевидно: даже если брать только северо-кавказскую общность, то и тогда распространение потомков их предковой ветви выходит далеко за пределы Кавказского региона. Ашуйские топонимы до сих пор широко распространены на Балканах, в Крыму, на Дону и нижнем Дунае.

Хатто-ашуйские народы селились не только в Малой Азии и в западной части Балканского полуострова, откуда распространились в юго-западной части Кавказа (Колхида). Они распространились и далее, в северное Причерноморье, Крым, на Дон, вплоть до территории нынешней Украины, где и ныне сохранились многочисленные адыгские (черкесские) топонимы. В западном Причерноморье протоадыги смешались с киммерийцами. Эго свидетельствует о том, что уже с древнейших времен происходило интенсивное смешение ашуйцев с представителями ностратической макросемьи (ираноязычные скифы, германоязычные готы). Однозначно можно утверждать, что как языковое, так и антропологическое влияние хатто-ашуйцев испытали и многие народы Средиземноморья, в особенности на западных Балканах и на нижнем Дунае.

Алародии разделились предположительно в середине IV тыс. до н. э., образовав такие народы, как троянцы, критомикенцы, филистимляне. В языке этрусков, которые стали предками троянцев, наблюдаются параллели с дагестанскими языками. Непосредственно нахско-дагестанские народы произошли, видимо, от хуррито-урартийцев с Малого Кавказа и армянского нагорья (алародиев), пришедших на Северный Кавказ и смешавшихся с местным тогда еще кроманьонским населением.

Языки сино-кавказской макросемьи настолько внешне различны, что часто специалисты сомневаются в целесообразности их объединения даже в ранге макросемьи, но у них есть одно типологически общее свойство, которое присуще всем этим языкам, – это характерный эргативно-аглютинативный строй.

На Кавказе проживают представители только одной языковой надсемьи данной общности, а именно северо-кавказской.

2.1. Северокавказская надсемья

С. А. Старостин включает в данную надсемью нахско-дагестанскую семью и абхазо-адыгскую, по его мнению, разделение северокавказских языков на эти две семьи произошло в середине VI – начале V тыс. до н.э.

На основании анализа языковых параллелей пока заслуживает большего доверия гипотеза хуррито-урартийского происхождения нахско-дагестанских народов (алародийская гипотеза) [123] и хаттского (протохеттского) происхождения абхазо-адыгской (ашуйской) группы [124]. Если принять эту точку зрения, то нужно допустить общность, хотя и отдаленную, между всеми этими народами. Как известно, многие артефакты хаттской и хурритской культуры проявляют признаки культурной общности (эпос «Песнь о Кумарби», «Песнь об Улликуми», многие мифы, некоторые теонимы, многочисленные лексемы, способы словообразования и т.д.), некоторые хаттские и хурритские мифологемы имеют очень прозрачные параллели в северокавказских традиционных культурах (мифологема чудесного рождения будущего героя из камня). Можно предполагать, что когда-то общая культура подверглась дивергенции, но впоследствии северокавказскими народами была обретена вторично уже в историческое время ввиду их новой географической близости [125]. Вместе с тем, до сих пор пока никаких следов этого гипотетического предкового хатто-алародийского народа не обнаружено.

Приведем цитату из рецензии Ю. Д. Анчабадзе на статью профессора Глийе (оригинальная орфография сохранена): «статья Глейе, «К праистории северно-кавказских языков», трактует главным образом о языке «митаннов», до-семитическаго населения Месопотамии. В начале статьи автор высказывает предположение, что древние обитатели Колхиды не были картвельцами, как это до сих пор думали многие, а подходили всего ближе к абхазо-черкесской группе и, в частности, к абхазцам. Он доказывает это, во-первых, этимологией колхидской реки Φασις (от черкесск. псы, убыхск. бзы = «вода»), а, во-вторых, присутствием абхазских элементов в южно-

картвельских языках, которое может быть объяснено только тем, что в прежнее время абхазцы жили на юге современной территории картвельских племен. Далее автор утверждает, что племена, родственныя абхазо-черкесским, в древности жили и южнее, до самой Месопотамии. Чтобы доказать это, он обращается к языку «митанни» и сравнивает его в лексическом и грамматическом отношении с черкесскими. Во второй части своей работы, Глейе сравнивает тот же язык с лакским (лезгинской группы) и делает вывод, что язык митанни занимает среднее место между черкесскими и лезгинскими языками. Далее автор пытается объяснить некоторыя собственныя имена, встречающияся у других народов передней Азии – как то: эламиты, кашши, аккадийцы – из лакскаго, чтобы доказать родство этих народов с митаннами»[126]. Близость к языку митаннийцев также и абхазо-адыгской общности, скорее всего, объясняется не тем, что хурриты были единым предком также и последних, а тем, что этот язык, в связи с гораздо большей архаичностью, сохранил больше общих черт с едиными предками северокавказцев.

2.1.1. Нахско-дагестанская семья (северо-восточнокавказские языки)

Происхождение этой общности неизвестно. По косвенным данным можно предположить их выделение из гипотетической синокавказской общности вместе с ашуйцами в VI тыс. до н.э. Далее их следы теряются, вплоть до появления хурритов и урартийцев. Иногда их этногенез связывают с этрусками, а значит, вероятно, некоторые из предков алародиев были по крайней мере родственны пеласгам и кипро-минойцам. Очевидно одно, помимо синокавказского субстрата, весьма значимую роль в этногенезе нахско-дагестанцев играли и ностраты, в частности индоевропейцы.

По встречаемости гапплогруппы J1 народы Дагестана сближаются с арабами южного Ирака (81 % и 83 % встречаемости соответственно), тогда как у ингушей эта гаплогруппа встречается лишь на 3 %, у последних, как и у чеченцев, преобладает другая субклада этой гаплогруппы J2a4b. Имеются также доказательства некоторой генетической преемственности представителей горного и предгорного Дагестана с Анатолией. Например, по данным Б. Б. Юнусбаева, «распределение частот Alu инсерций в популяциях горной и предгорной частей Дагестана соответствует таковому в популяциях Передней Азии. По данным о распределении частот гаплогрупп Y-хромосомы, популяции Дагестана и популяции Передней Азии представляют собой единый генетический континуум, характеризующийся высокой частотой гаплогруппы J»[127].

Еще не так давно нахско-дагестанскую семью делили на две группы: нахскую и соответственно дагестанскую. Однако по последним данным глоттохронологии дагестанцы – это не единое в языковом плане объединение, и между многими группами различия столь же глубоки, как и при сравнении с вайнахами.

2.1.1.1. Нахская ветвь

Включает в себя вайнахский кластер, в который входят чеченцы (самоназвание *нохчий*) и ингуши (самоназвание *галгаи*), а также занимаемый между ними промежуточное положение галайн-чажский диалект (кистины, аккинцы, нашхойцы и некоторые другие говоры), носителей данного диалекта обычно относят к чеченцам, но встречаются и представители этой общности, которые считают себя ингушами [128].

Особняком стоит бацбийский язык (цова-тушинский). Предположительно бацбийцы пришли в Грузию из горной Ингушетии (местность Вабуа), тогда как кистины пришли в Грузию из горной Чечни, но последние, в отличие от бацбийцев, не были столь значительно ассимилированы грузинами. Бацбийцы исповедуют православие, большинство имеют грузинскую самоидентификацию, и их язык имеет множество грузинских элементов, наряду с нахскими [129].

Чеченцы и ингуши происходят от общего с дагестанскими народами колена каякенско-хорочоевской культуры, от которого отделилось протовайнахское племя, ушедшее в сторону Центрального Кавказа. Чеченцев в значительной степени можно считать народом-изолятом Центрального Кавказа, тогда как ингуши, будучи фактически тем же народом, были сильно ассимилированы генетически и фактически прошли через аккультурацию автохтонами кобанской культуры. Есть версия, что чеченцы происходят из аула Нашх, откуда и самоназвание нохчий. Не исключено участие и сармато-аланского компонента среди вайнахов, особенно ингушей, поскольку протоингуши, наряду с адыгами и кыпчаками, входили в так называемый «аланский племенной союз»[130]. Есть также исторические свидетельства гено-культурной связи предков вайнахов с Кавказской Албанией, точнее с христианами севирами.

Одной из характерных Y-гаплогрупп для вайнахов является гаплогруппа J2, а точнее ее субклада J2a4b-M67 [131] (88 % у ингушей, 56 % у чеченцев), при этом у близких к вайнахам дагестанцам почему-то практически не встречается данная гаплогруппа, а только J1. Вайнахская субклада J2a4b-M67 вообще очень редка в других этнических группах (не выше 9 %, в среднем 3 %). Наиболее широкое распространение гаплогруппа J2 имеет на Кипре, Крите, севере Ирака и Турции. Разумеется, опираться только лишь на гаплогруппы в построениях

этнической генеалогии нельзя, поскольку здесь маскирующее влияние могут играть такие факторы, как «эффект основателя», «эффект бутылочного горлышка», генетический дрейф и, самое главное, генетика – это не главный критерий этнической идентичности, гораздо важнее этническое самосознание и культура, которые наследуются не генетически, а посредством межпоколенной культурной трансмиссии. Вместе с тем, эти факты красноречиво свидетельствуют о генетической связи предков вайнахов с Анатолией, крито-микенской культурой и Месопотамией.

Антропология чеченцев и ингушей несколько различается. Ингуши относятся к центральному кластеру кавкасионского антропотипа, с выраженной брахикефализацией, что говорит о сильном генетическом смешении с кобанской культурой. Тогда как чеченцы, хоть и относятся также преимущественно к кавкасионам, сочетают в себе множество элементов каспийцев и даже понтийцев, среди них очень высока доля представителей с низкой меланизацией. Кроме того, у чеченцев самый высокий индекс долихокефализации среди характерных брахикефалов-кавкасионов. Все это свидетельствует, что чеченцы в большей мере сохранили хурритский субстрат либо в большей мере ассимилировались каспийскими народами и в меньшей кобанскими.

2.1.1.2. Аваро-андо-цезская ветвь

Однозначно невозможно определить, сколько народов входит в эту общность, поскольку границы между языком-диалектом-говором здесь носят не дискретный, а континуальный характер и четко определить границу невозможно, здесь неизбежно будет присутствовать элемент субъективного «произвола». Можно лишь условно включить следующий перечень: **аварский**, **андийские**: андийский, ахвахский, багвалинский, ботлихский, годоберинский, каратинский, тиндинский, чамалинский, **цезские**: бежтинский, гинухский, гунзибский, хваршинский (инхокваринский), цезский.

Антропологически относятся к кавкасионскому типу (центральный кластер), что косвенно свидетельствует о гено-культурной близости к кобанской культуре. Их происхождение весьма туманно, очевидно лишь, что они являются результатом смешения местного

автохтонного населения (возможно, это были сильвы и андаки), аладродийского субстрата и кобанских племен. Иногда в числе их возможных предков называют кочевое племя авар, наиболее вероятно представляющее собой отуреченное смешанное монгольско-иранское племя. Во времена расцвета Великого арабского халифата шло смешение также и с арабами, что верно и для всех прочих народностей Дагестана, поскольку в Дагестане был самый северный их эмират – Дербентский. Это, в частности, отразилось в высоком проценте встречаемости Y-гаплогруппы J1, характерной для арабов. Х. Д. Дибирова отмечает: «Для народов Дагестана, населяющих самую восточную часть Северного Кавказа, характерна гаплогруппа J1-M267(xP58): ее частота варьирует от 44 % до 99 %, в то время как у соседних чеченцев и ингушей составляет менее 25 %, а у остальных народов Кавказа – менее 5 %»[132].

2.1.1.3. Лакская ветвь

Представлена только одной народностью – лакцы (самоназвание *лак*). Лакцы по антропологии также относятся к кавкасионскому антропологическому типу, но к горно-дагестанскому кластеру, являющемуся фактически переходным между кавкасионским и каспийским антропологическими типами, что свидетельствует и о двойственности генезиса, в котором участвовали наряду с кавкасионами и каспийцы. Кроме указанных ветвей в их этногенезе по некоторым данным участвовали также сарматы, гунны и персы. Впрочем, можно практически утверждать, что все народности Дагестана, кроме кумыков и азербайджанцев, имеют общий этногенез, а все различия связаны с частичной изоляцией и различными количественными соотношениями ассимиляционных процессов.

2.1.1.4. Даргинская ветвь

В эту ветвь входит одна из крупнейших народностей даргинцы, которых разделяют на кубачинцев и кайтагцев. Так же как и лакцы, по антропологии относятся к переходному между кавкасионами и каспийцами антропологическому типу. У даргинцев самый высокий процент встречаемости Y-гаплогруппы J1 (80 %). Последнее свидетельствует о тесных генетических контактах с арабами, видимо связанных с исла-

мизацией и влиянием Дербентского эмирата. Для справки, самый высокий процент встречаемости этой гаплогруппы у южно-иракских арабов (81 %).

2.1.1.5. Лезгинская ветвь

В эту общность входят следующие языки: агульский язык, арчинский язык, будухский язык, крызский язык, лезгинский язык, рутульский язык, табасаранский язык, удинский язык, цахурский язык. Эта общность, имея, разумеется, общий этногенез с нахско-дагестанскими народами, обладает и некоторой спецификой, причем связанной не только с изоляцией и гетерогенными межкультурными диффузиями. Дело в том, что эти народы уже с древнейших времен были особенно тесно связаны с Кавказской Албанией (леки, албанцы) [133], особенно это относится к удинам, которые до сих пор являются фактически единственными прямыми культурными приемниками Кавказской Албании, относящимся к одному из самых древних в мире христианских народов, наряду с Арменией и Грузией.

По антропологии лезгины также относятся к горно-дагестанскому кластеру, являющемуся переходным между каспийским и кавкасионским антропотипами.

2.1.1.6. Хиналугский язык

Принадлежит хиналугцам (самоназвание *кеттитурдур, кетш халх*). Иногда эту народность объединяют вместе с лезгинской ветвью в одну группу, во всяком случае их родственная связь несомненна. Это очень молодой народ, первое упоминание относится только к XVIII в. [134]. Поэтому остается только предположить, что это осколок какого-то из народов, выходцев из Кавказской Албании, который сформировался в результате изоляции в границах Азербайджана, по аналогии с бацбийцами, которые были изолированы от ингушей в границах Грузии.

По антропологии практически не отличимы от лезгин. Но есть и уникальные особенности, например встречаемость лопатовидных резцов 15,4 %[135], а этот признак является одной из характерных особенностей монголоидов. Возможно, это связано с более тесной генетической диффузией с монголами у их предков во времена монгольских завоеваний, либо это результат генетического дрейфа, характерного для изолятов малых народностей

2.1.2. Абхазо-адыгская семья (западнокавказская)

Включает в себя абхазо-абазинскую и адыгскую ветви, а также занимающий промежуточное между ними положение убыхский язык. Часто в качестве предковой культуры для данной общности называют ашуйскую культуру. В действительности такой археологической культуры никогда не существовало, выражение «ашуйцы» вошло в научный обиход с легкой руки Г. Ф. Турчанинова, ученика того самого скандально известного Н. Я. Марра, автора неподтвержденной яфетической гипотезы кавказской общности. Турчанинов известен расшифровкой знаменитой плиты, названной впоследствии «турчаниновской», которая по не совсем подтвержденным свидетельствам была не только древнейшим письменным памятником, найденным на территории СССР (середина III тыс.), но легла в основу всей неиероглифической письменности вообще. Вот что пишет сам Турчанинов в аннотации к своей книге: «В книге дешифруются и исследуются надписи, устанавливающие существование на Кавказе доселе неизвестной цивилизации и созданного в ее недрах силлаби-

ческого письма, принадлежащего предкам абхазов, абазин и убыхов, которые некогда называли себя ашуйцами, а страну свою Ашуей. В III тыс. до н.э. эта страна простиралась от Черного моря на юге до нынешнего Майкопа на севере и выходила за пределы рек Кубани на северо-западе и Фазиса (Риона) на юго-востоке. Древнейшими археологическими реалиями ашуйской цивилизации были майкопская, куро-аракская, дольменная и колхидская культуры. Публикуемые письменные памятники ашуйского языка охватывают период с середины III тыс. до н.э. по IV–V вв. н.э. В конце III – начале II тыс. до н.э. ашуйское письмо было занесено в древнюю Финикию продававшимися туда ашуйскими рабами и утвердилось в ней как протобиблское (псевдографическое) письмо. Этим объясняется однообразие в письменностях Ашуи (древней Абхазии) и Библа (Финикии). Ашуйское письмо в Библе явилось в дальнейшем основой к созданию собственного финикийского письма»[136]. Пока фактов для однозначного признания идей Турчанинова недостаточно, но термин «ашуйцы» утвердился в российской науке. Фактически это не культура, а собирательное название для предков абхазо-адыгов, носителей майкопской, дольменной и колхидской культур. Кура-араксинская культура, разумеется, практически ничего общего с ашуйцами не имеет, она имеет прямое отношение к хуррито-урартийской ветви (алародийской), тут Турчанинов однозначно ошибался. Кроме того, при всей общности отдельных элементов майкопской, дольменной и колхидской культур, эта общность не столь уж значительна, чтобы можно было объединять их в ранге одной цивилизации, да и нет никаких подтверждений наличия цивилизационных признаков даже в майкопской культуре. Свою версию расшифровки турчаниновской плиты предложил Н. Г. Ловпаче [137].

Проблема этногенеза «ашуйцев» еще далека до завершения. Многие ученые, в первую очередь лингвисты (С. А. Старостин, И. М. Дьяконов, Э. Форрер, Э. Ларош, И. М. Дунаевская и А. Камменхубер), считают, что анатолийское племя хаттов тесно связано этногенезом с касками (кашками), а те соответственно с ашуйцами. О языковой общности хаттов и ашуйцев, а также об общности их мифологем писал также видный этнограф и бывший президент Абхазии В. Г. Ардзинба [138]. В пользу хаттско-ашуйской общности свидетельствуют кроме языковых параллелей также и факты общности некоторых мифологем и культов. Отдельные названия хаттских и абхазо-адыгских богов совпа-

дают и по наименованию и по содержанию (например, хаттский бог Уашхо и древний адыгский Уашхъуэ). Много общего можно обнаружить при сравнении хаттских мифов с некоторыми сюжетами нартского эпоса абхазо-адыгов (борьба бога грозы со змеем, образ бога-кузнеца и др.). Есть и общие элементы с хеттами, которые, как известно, переняли мифологию от хаттов. В хеттских летописях содержится рассказ о том, как колесо отрезало ноги герою, что созвучно легенде о гибели Сосруко, которая тоже была связана с колесом – жан-шерхъ, лишившим его ног. Кроме того, этноним *хатти* широко присутствует в адыгской культуре, одно из адыгских племен именуется *хьатыкьуеий* – «хатукай», многие адыгские фамилии имеют близкий корень: *Хьэтэ* – «Хата», *Хьэткъуэ* – «Хатко», *Хьэту* – «Хату», *Хьэтай* – «Хатай», *Хьэтыкъуэ* – «Хатуко» и т.д. Археологи также отмечают близость погребальных ритуалов, отмеченных в хаттских летописях и майкопской культуре.

Есть и (хоть и весьма ненадежные) косвенные свидетельства антропологической общности, например наличие у хаттов знаменитого, характерного и для абхазо-адыгов анатолийского носа. Например, Э. Акургал пишет: «Солдаты с крупными носами, обозначенные как „Хатти“ на изображениях битвы при Кадеше в египетском храме, представляют собой совершенно иной этнический тип, чем хеттские цари индоевропейского происхождения в той же сцене»[139]. Антропологическую общность ашуйцев с анатолийцами подтверждают и современные данные генетического анализа, например, С. С. Литвинов отмечает: «Исходя из данных, полученных по результатам анализа как ядерного, так и митохондриального геномов, можно видеть, что популяции Западного Кавказа достаточно сильно тяготеют к популяциям Передней Азии по данным как Y-хромосомы, так и мтДНК при незначительном влиянии популяций Восточной Европы и Центральной Азии»[140]. Кроме того, в пользу хатто-ашуйской общности красноречиво говорят многочисленные параллели найденных артефактов майкопской культуры и хаттских артефактов, обнаруженных на стыке Малой Азии и Ближнего Востока. Есть версия, что эти артефакты были привнесены на Северный Кавказ хеттами, что не выдерживает никакой критики, так как формирование хеттов связанно с гораздо более поздним периодом (конец III тыс.).

Мунчаев полагает, что майкопскую культуру основали непосред-

ственно пришедшие сюда носители урукской культуры Шумера (на рубеже IV–III тыс. н.э.) [141]. Возможно, это все же были кашки (хаттское племя), которое было культурно связано с Северо-Восточной Сирией, Месопотамией и урукской культурой в частности. В противном случае это создает множество противоречий с наличием параллелей майкопчан и хаттов. В пользу этого предположения свидетельствует следующая цитата из работы В. Г. Ардзинбы: «Важное значение имеют и свидетельства клинописных табличек из города-государства середины Ш тыс. до н.э. Эблы. Согласно этим текстам, между Эблой и многими пунктами Северной Сирии и Месопотамии, располагавшимися вблизи границ Малой Азии, – Каркемиш, Харрап, Уршу, Хашшу, Хахха – поддерживались тесные торговые связи»[142].

В майкопской культуре найдено и множество протоиндоевропейских элементов ямной культуры (та же курганность), так что ее формирование вполне могло иметь комплексный, многофакторный характер. Было бы явным упрощением считать абхазо-адыгов потомками только лишь хаттов. Хатты были, по всей видимости, важным, но отнюдь не единственным звеном в этногенезе. Не менее важную роль в формировании ашуйских племен сыграли местные автохтоны и протоиранские племена, носители ямной и срубной культур.

По некоторым данным, представители дольменной культуры пришли с Западной Европы (большая архаичность западноевропейских дольменов), вместе с тем, встречаются не менее архаичные дольмены и на Кавказе, хоть и чрезвычайно редко. Все это, вероятно, может свидетельствовать, что ее основателем было какое-то сино-кавказское племя, отделившееся еще до разделения алародиев и хаттов. По времени распространения дольменной культуры это могли быть и праиндоевропейцы (но, разумеется, не ямники, слишком специфична эта культура), однако совпадение ареала распространения дольменов с ареалом распространения сино-кавказцев свидетельствует в пользу сино-кавказкого субстрата дольменов. Встает тогда закономерный вопрос: а почему тогда дольмены не обнаружены в Анатолии? Вероятно, они были уничтожены после распространения ислама как артефакты языческих культов. Вполне возможно, что на Кавказе носители дольменной культуры смешались с кашками и местными автохтонами, возможно и предками колхов, либо даже еще с доплеменным местным кроманьонским субстратом. В пользу

того, что это были изначально не кашки, свидетельствует различие майкопской и дольменной культур, а в пользу того, что затем в этой культуре проявился и хаттский элемент, свидетельствует появление дольменных элементов в поздних майкопских курганах и подкурганные дольмены с майкопским инвентарем, обнаруженные в Абхазии [143]. Следовательно, вплоть до конца II тыс. до н.э. в западном Причерноморье доминировал народ, образованный от смешения носителей майкопской и дольменной культур с местным автохтонным субстратом, который и разделился затем на три ветви: собственно кашков, абешлов и паххува.

С III тыс. до н.э. и до начала II тыс., несмотря на ассимиляцию местными автохтонами, кашки долгое время сохраняли свою идентичность, о чем говорят летописи, в которых они фигурировали исключительно как кашки. Разделение произошло позже. Как пишет З. В. Анчабадзе: «Если в начале II тыс. они выступают только под одним именем –кашки, то к концу этого тысячелетия наряду с «кашками» появляется и второй термин – «абешла» (апсилы – апсуа)»[144]. Г. А. Меликишвили указывает, что вряд ли является случайным созвучие этнонимов кашки-касоги и абешлы-апсилы, другое племя касков-паххува связывают с самоназванием убыхов-пёкхи [145]. После начала II тыс. началось активное формирование всех основных этнических ветвей Западного Кавказа. Те предки колхов, которые не соприкасались тесно с кашками, по всей видимости, дали начало западнокартвельским племенам, прочие разделились на три ветви абазгов, апсил и касожскую межплеменную общность, которая образовала синдо-меотские племена. Впрочем, Бетрозов считает, что это разделение ашуйцев произошло позже, а именно в начале I тыс. до н.э.: «Мы не склонны слишком удревнять данный процесс и полагаем, что древние абхазо-адыгские племена не только в III, но и в течение II и даже в первой половине I тыс. до н. э. представляли еще тесную этническую группировку племен. Обособление их начинается, по-видимому, с начала I тыс. до н. э., когда западнокавказские племена становятся известными под двумя названиями: «апсилов» и «меотов» (укажем также, что ориентировочное время распада празападнокавказского единства С.А. Старостин определяет рубежом II–I тыс. до н. э.)»[146].

2.1.2.1. Абхазо-абазинская ветвь

Включает две народности: абхазов (самоназвание *аҧсуа* – *апсуа*) и абазин (самоназвание *абаза*).

Абхазы этногенетически связаны с племенем кашков, именуемым в древних летописях как абешла. Р. Ж. Бетрозов отмечает следующее: «В качестве синонима названия касков в надписи ассирийского царя Тиглатпаласара I (1115–1077 гг. до н. э.) упоминается этноним абешла, или апешлайцы, совпадающий с древним названием абхазов (греч. – *апсилы*; др.-груз. – *апшил*; нынешнее самоназвание абхазов – *апсуа*, или *апшуа*)»[147]. Вероятно, именно племя абешла сформировало целый ряд протоабхазских племен приблизительно к V в. до н.э., таких как: саниги, абазги, апсилы и мисимяне. Абазги дали абазинам нынешний этноним, а апсилы соответственно эндоэтноним дали абхазам, которые вытеснили абазгов (абазин) к северу от нынешней Абхазии.

Антропологически абхазы относятся к юго-западному типу понтийской ветви. В Абхазии проживают также абхазские негры в окрестностях села Адзюбжа. Вероятно, это потомки рабов, завезенных для работ на мандариновых плантациях, начиная с XIX в. идентифицируют себя абхазами.

Абазины отпочковались от общей с абхазами ветви приблизительно в V в. Есть основания предполагать, что одно из племен, образованных кашками-абешла, а именно абазги было вытеснено севернее Абхазии, все прочие племена были объединены с апсилами (абхазы), и это племя абазгов и сформировало абазин. Будучи по происхождению близкими к абхазам, они, тем не менее, в результате более значительного влияния адыгских племен приобрели больше именно адыгских черт, в том числе и в языке, хотя по консервативной структуре язык абазин остался ближе к абхазскому и убыхскому.

Атропологически абазины относятся к «пятигорскому» миксу кавкасионской расы (то есть кавкасионы-мезокефалы с элементами понтийцев), что приближает также их к кабардино-черкесам и отдаляет от понтийцев, абхазов и убыхов, следовательно, они испытывали не только культурное влияние с кабардино-черкесами, но и генетически смешивались с ними и другими кавкасионами.

В этногенезе абхазов и абазин могли участвовать и греки, поскольку

на территории Абхазии были греческие колонии – Диоскурия, Питиунт и др.

2.1.2.2. Адыгская ветвь

Адыги или черкесы (самоназвание *адыгэ*). Этническая общность, в которую входят **адыгейцы**: абадзехи, адамийцы, бжедуги, мамхеги, махошевцы, темиргоевцы, **шапсуги** (хакучи), **кабардинцы**, **черкесы** (бесленеевцы). По многим признакам, в том числе по языковым и антропологическим, адыгейцев объединяют в группу так называемых западных адыгов, а кабардинцев и черкесов в кабардино-черкесскую общность.

Вероятно, адыги – потомки тех кашков, которые ушли в Центральное и Северное Причерноморье и там испытали сильное аккультурационное и ассимиляционное влияние киммерийцев, а позднее сарматов и алан. Версия об аланском следе по распространенности гаплогруппы G, которая особенно высока у шапсугов, не подтверждается, там несколько другая специфическая субклада G2a3b1-P303, что косвенно свидетельствует о том, что адыги приобрели гаплогруппу G достаточно давно, ещё до выделения иранских племён от общей линии праиндо-европейцев. Как отмечает Х. Д. Дибирова: «Она встречается с частотой от 21 % у черкесов до 86 % у шапсугов, тогда как во всех других популяциях Кавказа ее частота ниже 10 % (в среднем лишь 2 %)»[148]. У кабардинцев гаплогруппа G встречается в соотношении 43,2 %[149].

Потомки этих племен представляют общность, часто объединяемую под собирательным названием «меотская культура» (IX–VIII вв. до н.э.). Данная культура простиралась от Абхазии до Азовского моря включительно и тесно взаимодействовала с греками, киммерийцами и скифо-сарматами. Причем взаимодействие и взаимовлияние с иранцами было настолько сильным, что археологи часто не могут однозначно дифференцировать меотские и скифо-сарматские артефакты. Можно предположить, что в целом меотский межплеменной массив является результатом смешения потомков ашуйцев (кашков) с протоиранскими потомками ямной культуры и с иранскими номадами (киммерийцы, скифо-сарматы) и частично также с боспорскими греками. В эту общность входило множество

родственных племен, которых уже фактически кавказоведы считают даже не протоадыгами, а адыгами, это прежде всего: керкеты, зихи, джики, кашаги, касы, касоги, джаркасы, меоты, синды, дандарии, досхи, фатеи, тореаты, тарпеты, доохи, псессы, гениохи. По мнению Р. Ж. Бетрозова, завершающий этап становления адыгского этноса тесно связан с этноконсолидирующей ролью зихов, особенно во времена гуннского нашествия, и он связывает это с периодом II–VI вв. н. э. [150].

Антропологически адыги делятся на две общности: западные адыги относятся к характерным представителям понтийской антропологической группы с характерной долихокефалией, тогда как кабардино-черкесы относятся к смешанному понтийско-кавкасионному антропологическому типу, что свидетельствует о том, что последние генетически смешивались с автохтонами кобанской культуры.

2.1.2.3. Убыхский язык

Убыхи (самоназвание *апёх, пёкхи*). Экзоэтноним «убых» им дали черкесы. Генетически имеет более близкую связь к адыгскому языку, но этот народ испытал гораздо большее влияние абхазо-абазинских языков и потому совмещает черты обеих ветвей примерно в равной мере. Убыхи происходят от племени, отделившегося от кашков-паххува. Судя по генетической связи убыхского языка по консервативным признакам с адыгским, племя паххува было ближе к протомеотской ветви ашуйцев. Убыхский язык формально считается мертвым, современные убыхи говорят на адыгском, однако еще есть надежда восстановить этот уникальный язык, являющийся одним из мировых рекордсменов по звуковому разнообразию.

Многие авторы, в частности Л. И. Лавров, отмечают связи убыхов с аланами [151], причем эта связь не может быть объяснена ничем, кроме как тесным взаимодействием этих культур и даже частичной генетической ассимиляцией. Некоторые убыхи даже идентифицировали себя как алан. Однако в настоящее время убыхи фактически себя идентифицируют как часть общеадыгской общности.

Во время мухаджирства убыхи сблизились с адыхами в Турции и

теперь фактически идентифицируют себя адыгами (большинство убыхов свободно говорит на адыгском языке), а поскольку в данной работе обосновывается первенствующая роль самосознания в этноидентификации, мы тоже будем считать убыхов адыгами, несмотря на их особый этногенетический корень.

Антропология убыхов неизвестна, их осталось слишком мало для получения статистически достоверных репрезентативных данных, да и те оставшиеся сильно ассимилированы адыгами и туркáми. Но можно предполагать, в связи с их локализацией, что они относились к понтийскому антропотипу. Многие исследователи отмечают, что девушки у убыхов отличались необычайной красотой.

* * *

Каждый народ уникален, каждый народ неповторим в своей гамме красок традиций и все народы представляют в едином многоголосье прекрасный ансамбль чудесных голосов, которые нужно сохранять, чтобы не повторилась судьба убыхов и многих исчезнувших малых народов Дагестана. Как писал Расул Гамзатов: «Чем больше на небе звезд, тем небо ярче».

Глава IV

Представление северокавказской социокультурной общности в свете цивилизационного подхода

Цивилизационный статус народов Кавказа

Представляет ли Кавказ цивилизационную или этносоциальную общность? Мнения на этот счет весьма неоднозначны, вплоть до приписывания Кавказу роли уникальной самостоятельной цивилизации [152] или контактной зоны между цивилизациями [153]. Существуют также различные точки зрения в оценке культурного наследия народов Кавказа. Есть суждения о том, что за много веков проживания на одной территории разных этносов их взаимодействие, взаимопроникновение послужило возникновению и развитию уникальной кавказской цивилизации. Эту точку зрения разделяют такие северокавказские исследователи, как Р. Г. Абдулатипов, Б. Х. Бгажноков, В. Е. Давидович, К. Ф. Дзамихов, Т. У. Кцоева, А. А. Магомедов, Г. Х. Мамбетов, С. Х. Мафедзев, К. Х. Унежев и др. В их трудах приведены факты археологических исследований на территории региона, лингвистические анализы древних и современных кавказских языков, этнографические исследования. Все эти данные, по их мнению, свидетельствуют о существовании феномена кавказской цивилизации.

Как отмечает Г. З. Анчабадзе, на Кавказе давно сложилось мнение о кавказском единстве, основанном на общности происхождения. Грузинский автор XI в. Леонтий Мровели, начинающий свой труд по истории древней Грузии с мифических времен Кавказа, составил генеалогическое древо народов, его населяющих, согласно которому армяне, грузины, вайнахи, дагестанские племена и др. имеют общего предка – легендарного Таргамоса (Торгома). По сообщению Мровели, расселившиеся по всему Кавказу потомки Таргамоса, помня о своем братстве, долгое время жили в дружбе между собой и сообща выступали против внешних врагов, нападавших на их родину [154].

Ряд ученых придерживается иной точки зрения. Они отдают

должное огромному многовековому уникальному культурному наследию кавказских народов, но вместе с тем считают, что Кавказ – это не самостоятельный культурный феномен, а контактная зона между европейской и азиатской цивилизациями. Поэтому все присущие ей уникальные черты являются лишь следствием такого неоднозначного влияния, что находит отражение в исследованиях Л. Н. Гумилёва, В. В. Черноуса и др.

Особенности цивилизационной общности народов Северного Кавказа

Прежде чем перейти к рассмотрению цивилизационного статуса Северо-Кавказского региона, следует определить сущность этого весьма неоднозначного термина. Термин «цивилизация» происходит от латинского слова «civilis», характеризующего гражданина как городского жителя. Впоследствии, в связи с отождествлением цивилизации и урбанизированного общества, это понятие стали определять шире – как определенный уровень развития культур. Поскольку любая цивилизация, в какой бы форме она не существовала, обладает определенной сложной структурой, основанной на производящем способе хозяйствования как сложившемся политическом устройстве со специализированной экономикой и разделением труда, этот критерий мы считаем атрибутивным, необходимым, но не достаточным.

Далее, из основных подходов к пониманию содержания термина «цивилизация»[155], можно выделить следующие:

1. Цивилизация как совокупность достижений человеческого общества, прежде всего материально-технологических и хозяйственных компонентов в противовес культурному творчеству, являющемуся компонентом культуры.

2. Цивилизация как качественная специфика каждого из крупномасштабных обществ, проявивших себя в мировой истории, с присущим ему своеобразием социальной и духовной жизни, служащей основой его самосознания и установления отличия от других обществ.

3. Цивилизация как социокультурная общность, формируемая на основе универсальных, т.е. сверхлокальных ценностей, проявляющих себя в мировых религиях, системах морали, права и искусства. Эти ценности формируют универсалии, способствующие преодолению

локальной замкнутости.

Последнее определение трактует цивилизацию как комплекс всеобщих достижений мировой культуры, т.е. фактически под цивилизацией предполагается если и не все человечество, то, во всяком случае, большая его часть. Именно это определение в настоящее время признается большинством специалистов, поэтому, когда подразумевают цивилизационные общности «более низкого ранга», обычно употребляют термин «локальная цивилизация». В данной работе под кавказской цивилизацией будет подразумеваться именно локальная.

Так, В. В. Черноус пишет: «На наш взгляд, к Кавказу вполне применима методология, разработанная в рамках теории локальных цивилизаций, признающих полицентричность всемирно-исторического процесса. Под цивилизацией мы понимаем развивающийся, но устойчивый в своих основных типологических чертах и архетипах духовный, социокультурный и хозяйственный этнорегиональный комплекс. Его систематизирующие факторы: религиозно-нравственное мировоззрение, система экзистенциальных ценностей и табуирования, природно-ландшафтные условия и способы хозяйствования, формы государственно-политической организации, самоуправления и правоотношений»[156].

Р. Г. Абдулатипов, Т. У. Кцоева и другие идеологи «Кавказского дома» развивают идею единой кавказской цивилизации [157]. Особенно сильный резонанс вызвала публикация Абдулатипова, в которой он утверждает, что «важно осмыслить и довести до сознания масс цивилизационную целостность и историко-культурную близость армян и азербайджанцев, грузин и абхазов, осетин и ингушей. И еще одна крамольная мысль: казаки и горские народы неотделимо и давно входят в одну цивилизационную целостность»[158]. И далее: «Еще за несколько тысячелетий до н.э. древние племена майкопской и куро-аракской культур одомашнивали диких животных. Здесь едва ли не впервые в восточном полушарии были выведены хлебные злаки. В III тыс. до н.э. на Кавказе происходит интенсивное освоение железа, появляются даже металлургические центры, что позволило предкам нахско-дагестанских и адыго-абхазских народов стать монопольными изготовителями металлических орудий труда и оружия в период зарождения других близлежащих мировых цивилизаций. Кавказская цивилизация – это целый конгломерат локальных и весьма взаимопроникающих культур. Так, в закубанской этнокультурной области,

простирающейся от Северо-Восточного Причерноморья до реки Лабы, ее носителями были предки адыгейцев, алан, автохтонные горные народы – гунны, карачаевцы, балкарцы, дагестанцы, чеченцы и ингуши. Уже в эпоху Средневековья на Кавказе возникает множество государственных образований, которые, существуя в труднейших географических условиях, создают вполне современные политические структуры. Последние способствовали сохранению и воспроизводству уникально-самобытных этнокультурных очагов единой кавказской цивилизации. Урарту, Хеттское государство, Колхида, Абхазское царство, государство Серир – Аварское ханство, «огненная» Албания, Великая Булгария, Хазарский каганат, Алания, Тарковское шамхальство, Кабарда и другие. В отличие от этносов и культур многих других регионов интенсивного межэтнического взаимодействия, здесь сохранился кавказский тип культуры и антропологический тип населения. И самое главное – активные контакты друг с другом помогли народам Кавказа не только сохранить свою индивидуальную самобытность, но и выработать общие черты культуры, психологии и нравственности»[159].

Собственно, именно народы Дагестана находятся на стыке северокавказской общности с Закавказьем. Народы кура-араксинской и каякентско-хорочоевской культур, Кавказская Албания, царство Серир, Аварское ханство, Дербентский эмират – все эти культуры, образованные на территории современного Дагестана, не только находились на перекрестке восточно-кавказских торговых путей, но и формировались на основе культур как северокавказских, так и более южных территорий. С севера на культуры Дагестана оказывали значительное влияние и участвовали в ее этногенезе ираноязычные и тюркоязычные народы, кобанцы и некоторые другие. С юга – Мидия, Урарту, хурриты, Великая Армения, Персия, Великий арабский халифат, Османская империя. Поэтому именно Дагестан совмещает черты как северокавказских культур, так и культур восточных. И не случайно именно дагестанские кавказоведы склонны выделять не северокавказскую цивилизацию, а цивилизацию Кавказа в целом.

Кроме народов Дагестана в зоне относительно равного влияния северокавказских и восточных культур были также абхазы, шапсуги, бжедуги, мегрелы, сваны, бацбийцы, кистинцы, южные осетины и др. Однако в целом Северный Кавказ можно считать относительно обособленной от Закавказья надэтнической культурной общностью

и, по всей видимости, нет оснований объединять эти культуры. Слишком много обнаруживается между Северным Кавказом и Закавказьем этноконфессиональных, экзистенциальных, мировоззренческих и нравственно-этических отличий. При этом на Северном Кавказе можно найти значительное количество культурных универсалий. Вопрос состоит лишь в том, достаточно ли этого для того, чтобы можно было говорить о северокавказской цивилизации, либо необходимо присвоить более низкий статус данной социокультурной общности. Как справедливо замечает Х. Г. Тхагапсоев, «едва ли приходится говорить о какой-либо надэтничной, цивилизационной общности, которая охватывала бы Кавказ в его географических границах. Азербайджан, по существу, представляет собой часть тюркского культурного мира (цивилизации). Армения, которая уже почти пятнадцать веков пребывает в рамках христианской религии, сопричастна с византийским культурно-историческим пространством, с древнейших времен опирается на письменность и институты государства, вряд ли укладывается в культурные архетипы и социотипы кавказской цивилизации. Эти оценки в известной мере относятся и к Грузии. Более того, даже в отношении дагестанских этносов, которые уже более тысячи лет испытывают влияние ислама и неоднократно вплотную подходили к государственной форме надэтничной интеграции, вопрос о кавказской цивилизации, вероятно, следует ставить также с определенными оговорками. Таким образом, к кавказской цивилизации причастны прежде всего те этносы, которые вплоть до Новейшего времени так и не подпали под определяющее («цивилизующее») влияние конкретной мировой религии или крупной цивилизации, т.е. адыго-абхазы, балкарцы, карачаевцы, осетины (аланы), вайнахи, для которых характерна общность мифологии (нартского эпоса), форм этнического искусства, а главное – сходство форм и норм коммуникативной культуры, да и культуры в целом. Именно культурная общность чаще всего и рассматривается как основополагающий признак кавказской цивилизации»[160].

Почему же тогда часто пишут именно о целостной кавказской этнокультурной общности? По всей видимости, это связано в том числе и с тем, что многие атрибуты культуры ошибочно причисляются к исконно кавказским. Если брать за основу материально-технологическую специфику Северо-Кавказского региона, то можно обнаружить целый ряд предметов культуры, которые ассоциируются

именно с Кавказом. Черкеска, многочисленные предметы домашней утвари, холодное и огнестрельное оружие, характерные способы хозяйствования в растениеводстве (террасное земледелие) и животноводстве (альпийское скотоводство), традиционная кавказская кухня и многое другое. Тем не менее, тщательное исследование показывает, что многие предметы культуры привнесены извне и только позднее стали ассоциироваться с Кавказом, многие из этих атрибутов в действительности являются принадлежностью отдельного этноса, причем в дальнейшем заимствовались представителями не только кавказских народов (например, черкеска, кинжал, ногайка).

Не меньшую роль в обособлении северокавказской культуры играл фактор изоляции. Как отмечает Э. Т. Майборода, «значительная природно-географическая изоляция, трудности дорожного сообщения препятствовали развитию торговых, хозяйственно-экономических и политических связей между жителями гор, равнин и предгорий. Обособленность общин делала чужим даже жителя соседнего села. При таком образе жизни любые посторонние, будь то культурные, технические или религиозные влияния, с большим трудом приживались в горах Кавказа»[161]. Фактически, роль фактора изоляции, который имеет решающее значение не только в этногенезе, но и в культурогенезе, здесь в условиях горного рельефа значительно возрастала. Несмотря на очевидность того, что это должно привести к формированию целого ряда замкнутых микрокультур, нельзя не признать, что и Кавказ в целом, в ряде труднодоступных регионов, был частично оторван от соседних территорий. Можно возразить, что такого рода изоляция была возможна лишь в далекие эпохи, когда эффективность межкультурных коммуникаций была еще настолько низкой, что даже горный рельеф служил для этого серьезным препятствием. Однако после того как изменения, накопившиеся в результате изоляции, достигнут определенного критического бифуркационного порога, они уже становятся необратимыми [162]. Р. Инглегарт, в частности, указывает, что наиболее ключевые, рано усвоенные аспекты культуры мало подвержены изменениям [163].

В современную эпоху глобализации сохраняются некоторые ключевые ценности, трансферы или культурные архетипы, которые, несмотря ни на что, продолжают выполнять свою роль. Как правило, это те элементы, которые особенно важны для самоидентификации культуры, сохранения ее самосознания. Вместе с тем, это отно-

сится лишь к ограниченной области Северного Кавказа, все прочие территории испытывали на себе ассимиляционное влияние соседних с Кавказом территорий не менее, а иногда даже и более, нежели с другими кавказскими регионами.

Как отмечал Ю. А. Жданов, Кавказ – это вторая Евразия, его солнечное сплетение [164]. Здесь велико влияние как Востока, так и Запада, как ислама, так и православия. Причем, если большая часть Закавказья в значительной степени подвергалась ассимиляционному влиянию восточных культур, то Северный Кавказ испытал не меньшее влияние со стороны ираноязычных и тюркоязычных племен, славян и даже европейских культур. Поэтому существует довольно распространенное и устоявшееся мнение, что цивилизационный подход применим лишь к Северному Кавказу, но никак не к Кавказу в целом. Надо признать, что между Северным Кавказом и Закавказьем слишком мало общего для того, чтобы рассматривать цивилизационный статус всего Кавказского региона.

Следует отметить, что не существует четко очерченной северокавказской культурной зоны. Что связано, в частности, с тем, что Кавказ, по меткому выражению В. В. Черноуса, является контактной зоной, связывающей весьма различные культуры [165]. В разные эпохи Кавказ являлся периферией таких величайших культур, как месопотамская, хатто-хеттская, древнегреческая, римская, византийская, персидская, арабская, османская. Кавказ испытывал сильное влияние со стороны Боспорского царства, Хазарского каганата, Сасанидов. Северо-Кавказский регион активно взаимодействовал с ираноязычными племенами (киммерийцы, скифы, савроматы, сарматы, аланы). С тюркскими народами (гунны, хазары, булгары, тюрки-сельджуки и другие огузы, татаро-монголы, половцы), с германскими племенами (готы). Особенно велико было влияние славян. В частности, начиная с V в. имеются многочисленные сведения, подтверждающие постоянные контакты славян и алан, которые участвовали в этногенезе осетин, а также адыгов, балкарцев, карачаевцев, и некоторых других народов Северного Кавказа. Причем взаимный культурный обмен подтвержден как на основании археологических материалов (одежда и головные уборы, погребальные обряды, прическа, предметы утвари), так и на основе найденных лингвистических параллелей [166]. Все это свидетельствует скорее в пользу социокультурной общности славян и автохтонных народов Северного Кавказа, нежели его культурной самобытности. Есть также свидетель-

ства, подтверждающие происхождение казачества в результате взаимодействия славян, алан, тюркских и адыгских племен.

Отмечены также значительные культурные взаимодействия сармат и адыгов с греками. В частности, с Боспорским царством. Известно, что в V в. к Боспорскому царству была присоединена Синдика – древнее государственное образование адыгов. Сарматы также занимали высокие посты в Боспорском царстве.

При всех указанных различиях народов региона им присуще большое количество сходных культурно-исторических черт, настолько значительных, что в отечественной этнологии постоянно подчеркивается высокий уровень близости этносов, позволяющих характеризовать Северный Кавказ как *культурно-историческую целостность*.

Кавказская этносоциальная общность являет собой результат коэволюционного взаимодействия весьма различных, в некоторые периоды истории даже антагонистических систем (казаки-горцы, осетины-ингуши и т.д.). И если бы в различные периоды истории различные этнонациональные общности Кавказа периодически не принадлежали к самым различным надсистемам – Мидия, Арабский халифат, Византия, Крымское и Астраханское ханство, Хазарский каганат, Персия, Османская империя, Русь и т.д., тогда в результате продолжительного коэволюционного взаимодействия кавказские этносы сформировали бы гораздо более жесткую структуру. Однако мы имеем довольно слабо оформленную общность. И все же совсем игнорировать сложившиеся внутрисистемные связи здесь тоже нельзя. Более того, в последнее время отмечается тенденция к движению в сторону все более интенсивного кооперативного взаимодействия на региональном уровне. Следует, таким образом, оценить глубину происходящих процессов и дать оценку формирующейся общности.

Можно заключить, что нельзя однозначно назвать один какой-либо, пусть даже и весьма значительный регион, народы которого легли в основу северокавказской общности. Народы Северного Кавказа имели как минимум несколько центров этногенеза и культурогенеза. Это была, безусловно, Анатолия, но не меньшую роль в формировании автохтонов сыграли и степняки Предкавказья, пришедшие, в свою очередь, из Азии. Если к этому присовокупить местный кроманьонский субстрат, можно будет считать, что эти элементы являлись основными.

В дальнейшем значительную роль в формировании общностей Северного Кавказа сыграли Мидия, Урарту, Кавказская Албания, Персия, Арабский халифат (в первую очередь посредством исламизации), великое переселение народов, монгольское нашествие, тюркские ханства и, конечно, русская цивилизация.

Выделим некоторые критерии, характеризующие степень интеграционной общности субъектов социальной эволюции (республики, этнические группы, социально-культурные институты) на Северном Кавказе.

Критерии интеграционной общности

	Критерии интеграционной общности народов Кавказа	Соответствие указанному критерию
1	Язык	По данному критерию можно говорить об общности лишь на федеральном уровне и уровне стран ближнего зарубежья (русский язык)
2	Социокультурные связи	Имеют место, но в некоторых аспектах могут уступать связям с федеральным центром
3	Политическая общность	Не выражена. Южный федеральный округ играет, скорее, роль сглаживания обособленности от федерального центра
4	Экономические взаимосвязи	Экономические связи между республиками слабее, чем с федеральным центром
5	Религия	Главным объединяющим паттерном можно считать поликонфессиональность и синкретичность верований. Можно говорить о преобладании «истинного» ислама лишь на территориях «исламского треугольника» (Азербайджан, Дагестан, Чечня и Ингушетия)

6	Традиционная культура	По данному критерию определенно присутствует целый ряд этнокультурных универсалий, свойственных, практически, всем народам Северокавказского региона. Стоит только учитывать, что некоторые из них либо заимствованы, либо не являются характерной особенностью только Кавказского региона
7	Самосознание	Значительно ниже, чем на этническом и федеральном уровне
8	Географическая изоляция	Кавказские народы принято отождествлять с горскими, однако большая часть даже автохтонных северокавказских народностей живет и проживала в прошлом на равнине. Общность все же по данному фактору имеет место, поскольку народы Северного Кавказа, будучи изолированы с Запада и Востока морями, а с Юга Большим кавказским хребтом, имели условия для формирования некоей целостности
9	Антропологическая (генетическая) общность	Эндемичные кавказские народности являются носителями, преимущественно, четырех антропологических типов: переднеазиатского, понтийского, кавкасионного и каспийского. Однозначно кавказским можно считать лишь кавкасионный тип, да и то – лишь относительно, прочие присущи также жителям некоторых других регионов
10	Общность происхождения	Имеет место лишь для народов северокавказской семьи. При этом следует учесть, что разделение данных ветвей (ашуйская и алародийская) произошло около 4 тысяч лет назад.

1. ***Язык***. Коренные народы Северного Кавказа, если их классифицировать на основании лингвистического критерия, являются фактически представителями двух макросемей: *ностратической* и *сино-кавказской*.

Следует отметить, что к ностратической макросемье относятся, практически, все народы Европы и значительная часть народов Азии и Африки. Но даже представителями сино-кавказской макросемьи являются далеко не только коренные кавказские народы, но и такие, как, например, баски, тиренские народы Средиземного моря, нахали, кусунда и даже китайцы, тибетцы и бирманцы (последние, разумеется, приобрели такую общность в результате преимущественно языковой аккультурации). И, что еще более удивительно, даже представители североамериканских индейских племен на-дене также относятся к данной макросемье. Поэтому даже на основании общности языкового происхождения выделение только коренных народов Северного Кавказа в целостную культурную общность довольно сложно. Среди северокавказских народов четко диагностируются в качестве сугубо кавказской языковой общности в какой-то мере лишь нахско-дагестанские (кавказоязычные народы Дагестана) и адыго-абхазские народы. Однозначно можно утверждать, что ещё в историческую эпоху северокавказские языки были распространены гораздо шире, чем в настоящее время. Об этом же свидетельствуют найденные в индоевропейских языках Малой Азии и прилегающих районах Средиземноморья заимствования из северокавказских языков. Найдены доказательства фонетической близости языков северо-кавказской языковой семьи с языками таких известных народов древности, как шумеры, этруски, троянцы, хатты, филистимляне, крито-микенцы и некоторых других.

В данном случае языком интеграционного свойства можно считать русский. И так как собственного системообразующего языка межнационального общения на Северном Кавказе нет, то здесь можно говорить лишь о системной общности на уровне России и стран ближнего зарубежья.

2. ***Социокультурные связи***. По данному критерию весьма сложно дать однозначную оценку. С одной стороны, они достаточно обширны. Например, в Ростове-на-Дону и некоторых других республиканских и краевых центрах сосредоточены многие культурные и научные институты регионального уровня. С другой, многие региональные субъекты чаще предпочитают иметь дело непосредственно

с культурными и научными центрами федерального уровня. Вместе с тем, обнаруживается гораздо больше связей между этнически близкими группами (Адыгская и Тюркская академии, казачьи социокультурные институты и т.д.), чем между административно-политическими субъектами региона.

Необходимо отметить, что многие народы Северного Кавказа развивались во многом в едином социокультурном пространстве. Поэтому при всех культурных различиях нельзя не отметить существование и культурных универсалий (мифологем, прикладного искусства, хореографии и др.). В частности, следует отметить нартский эпос. Сходство многих образов и сюжетов нартского эпоса при всей их неповторимости у разных народов Северного Кавказа совершенно недвусмысленно свидетельствует либо об общности происхождения различных мифических параллелей, либо о заимствованиях. В любом случае, это признаки определенной культурной общности (либо первичной, либо вторичной). Можно все же предполагать, что существование наиболее архаичных циклов нартского эпоса у адыгов, абхазов и осетин, может указывать на то, что основных создателей ядра эпоса следует искать в этих этнических группах. Конечно же, при этом важно отметить, что роль и других народов – носителей элементов нартского эпоса весьма значительна (карачаевцы и балкарцы, народы Дагестана, Чечни и Ингушетии), и здесь никакие сравнительные оценки «кто больше» и «кто меньше» неприменимы.

Бытование основных циклов эпоса у адыгов, абхазов и осетин свидетельствует о весьма длительных и глубоких этнокультурных связях этих народов в ту пору, когда они жили в непосредственном соседстве, и подтверждает факты сложения нартского эпоса и его циклизации, в основном, в раннем средневековье. Как пишет Х. Г. Тхагапсоев, «культурная общность Кавказа проявляется уже в том, что мифология многочисленных этносов слилась в единый нартский эпос, который в том или ином варианте существует у адыгов, абазин, абхазцев, балкарцев и карачаевцев, осетин, чеченцев, ингушей, грузин, народов Дагестана. При этом он по праву претендует на статус одного из величайших памятников мировой культуры. Нартский эпос больше, чем миф, поскольку не сводится к какой-то абсолютно господствующей мифологической идее и являет собой уникальную историко-культурную энциклопедию, где в органиче-

ском единстве представлены философия, поэзия, риторика, этика, эстетика, быт древности»[167]. Уникальность нартского эпоса заключается в том, что в нем зафиксирован накопленный на протяжении многих столетий опыт, позволяющий в образной форме интерпретировать мир и отношение к нему человека. Иными словами, в нем содержатся основы кавказского культурного архетипа.

Нельзя не упомянуть и характерный песенный и хореографический фольклор, четко диагностируемый в качестве кавказского, например, традиционная «песня-плач». Характерное прикладное искусство, отгонное скотоводство, свадебные обряды и многие другие культурные универсалии, так или иначе характеризующие северокавказского жителя. Очевидно, что такая глубокая общность не могла возникнуть просто так и в одночасье, и что такая общность совершенно недвусмысленно свидетельствует в пользу тесных социокультурных контактов между многими народами Северного Кавказа.

3. ***Политическая общность***. Никогда не было и нет по сей день четких критериев, отделяющих как Северный Кавказ от Закавказья и разделяющих Кавказ в целом. Главный Кавказский хребет лишь условно служит границей между ними. Если его восточная оконечность считается территорией Азербайджана, то причерноморская часть Кавказа вплоть до Абхазии относится к Северному Кавказу, несмотря на то, что она находится южнее Большого Кавказа. К Северному Кавказу относят также и значительную территорию Предкавказья, иногда даже включая в данный регион южную часть Ростовской области и западную часть Калмыкии. Вместе с тем, эти территории на границах межкультурного взаимодействия в значительной мере взаимопроникали друг в друга. Поэтому такие кавказские регионы, как Дагестан, Южная Осетия, Абхазия, Мегрелия и Сванетия, обнаруживают культурные особенности, присущие как Северному Кавказу, так и Закавказью. Кроме того, например, Адыгея и Северная Осетия испытывали большое воздействие на собственную культуру со стороны России, точно так же как и некоторые южные российские регионы, особенно кубанский и терский казачьи округа, испытывали влияние со стороны автохтонных народов Кавказа.

Краснодарский край и Адыгея включены в Южный Федеральный округ, а все прочие республики Северного Кавказа в Северо-Кавказский. Казалось бы, по крайней мере в рамках Северо-Кавказского округа общность по данному критерию налицо. Но в

чем состоит функциональная значимость данной политической структуры? Она выражается вовсе не в самоуправлении, а в обеспечении более эффективного взаимодействия с федеральным центром. Поэтому здесь можно говорить не об усилении общности, а, напротив, о ее сглаживании.

4. ***Экономические взаимосвязи***. Имеют место многочисленные торговые и производственные объединения северокавказского уровня, к тому же товарооборот между внутренними субъектами несколько выше, что связано в первую очередь с транспортными расходами и исторически сложившимися экономическими связями. Однако и здесь уровень интеграции достаточно низок, в частности, многие организации предпочитают взаимодействовать с экономически более развитыми регионами. Поэтому часто товарообмен, например, с Москвой оказывается значительно выгодней, чем с соседней республикой.

5. ***Религия***. В последние годы, особенно после выхода нашумевшей книги С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка»[168], к числу важнейших критериев цивилизационного статуса культуры начали причислять конфессиональное ядро. В отношении Северного Кавказа мнение весьма неоднозначное. Некоторые ученые, включая и самого Хантингтона, считают Кавказ регионом «тектонического» столкновения различных цивилизационных плит, где встречаются две цивилизации – исламская и православная. Другие подчеркивают, что Кавказ характеризует прежде всего религиозная синкретичность. Причем различные верования здесь не противостоят друг другу, а напротив, гармонично переплетаются, образуя собственный уникальный поликонфессиональный паттерн. Как отмечает Р. Абдулатипов: «Главной характерной чертой кавказской цивилизации является интенсивнейшее взаимодействие почти всех мировых религий»[169]. Ни ислам, ни христианство или политеизм никогда не были на Кавказе единственной идеологической силой, поскольку «в жизни кавказских народов продолжает сохранять сильное влияние традиционный институт «адат» как нравственный регулятор отношений как между субъектами внутри этноса, так и между представителями различных этносистем»[170].

Однако большая часть кавказоведов считают кавказскую культуру преимущественно исламской. Это в корне неверно. Закавказье однозначно является преимущественно православным регионом, за

исключением Азербайджана, Аджарии и частично Абхазии. Но и на Северном Кавказе ислам нельзя считать однозначно доминирующей религией. Нельзя забывать о православном казачестве, осетинах, которые преимущественно исповедуют православие, есть христиане и среди адыгов и других коренных народов Северного Кавказа. Причем христианство начало зарождаться на Северном Кавказе, вероятно, еще во времена апостола Андрея Первозванного, который, по преданию, просвещал зихов и алан. Шора Ногмов отмечал, что христианство значительно утвердилось среди адыгов при византийском императоре Юстиниане (527–565) [171]. А поскольку приобретенные культурные архетипы, впитавшиеся глубоко в этническую ось, необратимы, можно утверждать, что элементы христианской культуры сохраняются даже и в традиционных исламских культурах. Например, у адыгов иногда можно было увидеть христианский крест, вышитый или вплетенный в намазник (коврик, на котором мусульманин делает намаз). Нельзя забывать, что и языческие культы продолжают существовать в скрытом, неявном виде как в христианских обрядах народов Кавказа, так и в мусульманских. У многих абхазов политеизм до сих пор сохраняет свое значение. Нельзя забывать и об иудаизме, который исповедует значительная часть татов (горские евреи) и некоторые другие представители автохтонных народов Кавказа. Курды исповедуют езидизм (ответвление зороастризма). Влияние зороастрийских культов до сих пор ощущается у народов, имеющих мидийское происхождение. Сохраняет свое влияние на Кавказе и буддизм.

Кроме того, ислам на Северном Кавказе никогда не имел и не имеет той силы, какую имеет на Востоке. Причем даже в Дагестане, где уровень исламизации населения наиболее высок, далеко не все представители традиционно исламских народов считают себя мусульманами и регулярно исполняют даже основные предписания ислама. По данным Е. Кисриева, в Дагестане с 1997-го по 2000 г. доля опрошенных, признавших свою принадлежность к исламу, упала с 95 % до 82 %. Если в 1997 г. половина опрошенных заявили, что соблюдают все предписанные исламом обряды, то в мае 2000 г. таких было лишь 22 %[172]. Подобные процессы идут и в других северокавказских республиках. Еще одной особенностью кавказских мусульман можно считать весьма терпимые отношения между шиитами и суннитами. В частности, на юге Дагестана можно встретить

молящихся шиитов и суннитов в одной мечети.

Поэтому Кавказ, даже Северный, ни в коей мере нельзя считать преимущественно исламским, здесь можно остановиться либо на том, что Северный Кавказ – это уникальная целостная культура, которой присущ религиозный синкретизм и межрелигиозная терпимость, или вообще – Северный Кавказ по данному конфессиональному критерию нельзя считать одной целостной культурой.

6. ***Традиционная культура***. Конечно же, многовековое совместное проживание северокавказских народов не могло не сказаться на формировании некоторых общих элементов межличностных взаимоотношений и элементов быта (черкеска, кавказская кухня, традиционное кавказское гостеприимство, уважение к старшим, культ мужественности, развитое коневодство и характерные народные промыслы). Многие ученые-кавказоведы отмечают и такие общие черты народов Северного Кавказа, как распространенные к моменту присоединения к России близкие кровнородственные и общинно-поселенческие формы самоорганизации, однотипные обычаи (почитание старших, обычай избегания, кровной мести, гостеприимства, аталычества и куначества, сходную свадебную и похоронную обрядовость, семейные праздники и др.), сходный полупатриархально-полуфеодальный социально-экономический уклад жизни, близкие формы материальной культуры (тип жилья, бытовой утвари и др.), похожие этикет и ценности (почитание земли предков, семейной (родовой) генеалогии, культ свободы и др.) [173].

Есть особая, присущая в целом только кавказским горцам, система социокультурного и культурно-коммуникативного проявления архетипа «действования», «мобилизованности», составляющего суть кавказского типа личности. В рамках всеохватного кавказского этикета, как указывает Х. Г. Тхагапсоев, сформировался «особый тип философствования, который в противовес восточному эзотерическому «внемливанию» и западному рационалистическому «умствованию» можно назвать «действованием». Если европейская цивилизация, как принято считать, породила «человека рационального», а восточная – «человека недеяния», то в данном случае можно, на наш взгляд, говорить о «человеке мобилизованном», готовом следовать алгоритму этикета»[174].

Можно предположить, что где-то на рубеже XV–XVII вв. на Северном Кавказе наметился поворот к резкому сближению народов. Система общекультурных ценностей у разных народов хоть и имела

некоторые универсальные черты, но в целом была все же неповторима для каждого народа. Сложно утверждать, что послужило толчком к такому резкому сближению. Вероятно, уровень межкультурных коммуникаций достиг своего бифуркационного порога – именно тогда и количество перешло в новое качество. Возможно, что сыграло свою роль и татаро-монгольское нашествие, что невольно способствовало некоторому сплочению перед лицом общего врага. Именно с этого периода начались активные диффузионистские этноассимиляционные процессы как на культурном, так и на антропологическом уровне. Среди факторов, которые способствовали дальнейшему укреплению такой общности, можно выделить следующие.

Гостеприимство. Горские ценности воплотились в морали, этике, нравах, обычном праве народов Кавказа, причем в категоричной форме императивов долженствования. Народы Кавказа издавна славились своим гостеприимством. В результате многовековой практики сложились четко разработанные правила приема гостей, их прав, обязанностей хозяев и т.д., нарушение которых осуждалось по обычаю горских народов. Все слои населения – и феодалы, и крепостные – строго соблюдали обычаи гостеприимства, считавшиеся первейшей добродетелью каждого горца. Неисполнение каких-либо сторон обычая гостеприимства считалось большим недостатком человека, поэтому каждый обязан был знать все традиции своего народа.

Куначество. На основе гостеприимства у народов Северного Кавказа сложился институт куначества. Он являлся одной из форм искусственного родства, в результате которого два лица, принадлежавшие к различным родам, племенам или даже народностям, вступали в более близкие дружеские отношения и оказывали друг другу в нужных случаях всяческую помощь и защиту.

В XVI–XVIII вв. в условиях феодальной раздробленности и постоянной междоусобной борьбы между князьями куначество играло большую роль. Феодалы, пользуясь обычаем гостеприимства и куначества, вступали в более близкие дружеские отношения с могущественными и сильными родами, племенами. Они использовали их покровительство для борьбы со своими противниками, для примирения с кровниками, для улаживания различных спорных вопросов.

Аталычество. Институт аталычества, известный всем народам Северного Кавказа, возник еще в эпоху родового строя как форма установ-

ления искусственного родства. Оно имело широкое распространение в XVI – первой половине XIX в. и существовало до конца XIX в. В эпоху феодальных отношений аталычество приняло резко выраженный классовый характер, сохраняясь в основном среди феодальных слоев.

Феодалы отдавали своих детей на воспитание не потому, что боялись «изнежить его душу» при домашнем воспитании, а для того, чтобы с помощью аталыка, его родных еще больше укрепить свое влияние, могущество, власть. В условиях феодальной раздробленности, бесконечных междоусобиц, вражды феодалов и кровомщения кавказцы видели в аталычестве средство, обеспечивающее им дополнительную опору, связи и обширное родство. Аталычество тесно связывало семейства и роды между собою, а связь семейств и родов вела, естественно, к союзу небольших враждующих народов.

Аталычество использовалось кавказскими феодалами для укрепления своих связей с соседними народами и даже государствами. Например, известно, что многие дети крымского хана и турецкого султана воспитывались в Черкесии.

Важно подчеркнуть, что все указанные социокультурные универсалии являются важными свидетельствами социо-культурной общности не только и не столько потому, что присущи многим народам Северного Кавказа, но, что важнее, все эти факторы сами по себе служили утверждению таковой общности, поскольку способствовали укреплению межэтнических связей.

7. ***Самосознание***. Как жители Северного Кавказа идентифицируют себя? «Я кавказец», «я черкес» или «я россиянин»? Думается, все же, что первый вариант ответа ими употребляется практически только тогда, когда имеется необходимость уточнить географическое местоположение своего места жительства. Житель Кавказа осознает себя, прежде всего, не кавказцем, а представителем своего этноса или же россиянином. Впрочем, часто за пределами Северо-Кавказского региона некоторая кавказская самоидентификация все же имеет место.

8. ***Географическая изоляция***. По всей видимости, был только один период, когда представители картвельской и северокавказоязычной ветвей не были изолированы друг от друга. В XIII в. до н.э. на юго-востоке Кавказа возникли союзы хаттов-кашков, протокартвельских и хуррито-урартских племен (диаухи, хубушкиа, уруатри, гилзаи, мана, мусасир, наири, эрикуахи, дзурдзуки, ганахи, кахи,

халибы, мехелоны, хоны, цанары, малхи, соды и др.). Наиболее известным было хурритское объединение наири в Армянском нагорье. В средние века, вплоть до XIII в. существовал также аланский племенной союз, куда кроме алан входили адыги, некоторые нахско-дагестанские и тюркские народы. Такие союзы не могли не способствовать интеграции, впрочем, союзы эти были весьма неустойчивыми.

Можно только добавить, что постоянные миграции, связанные, как правило, с внешней и внутренней агрессивной экспансией, практически свели на нет этот интеграционный фактор. С одной стороны, можно утверждать, что Кавказ, поскольку занимает отчасти труднодоступные территории, частично изолирован, с другой – будучи зажатым между Каспийским и Черным морями, его территория являлась местом торговых и военных путей между Севером и Югом. Причем существовало лишь два относительно доступных пути миграций: западный – через черноморское побережье и восточный – через территории нынешнего Дагестана (центральный проход, через Крестовый перевал был чрезвычайно труднодоступен). И не случайно именно эти территории были подвержены наибольшему ассимиляционному воздействию. Наиболее же культурно замкнутыми и генетически эндогамными остались центральные, высокогорные области Северного Кавказа.

9. ***Антропологическая (генетическая) общность***. Следует сразу подчеркнуть, что биологические факторы в социальных системах имеют вторичное значение, однако совсем их игнорировать тоже нельзя. В биологическом смысле можно говорить об этнической обособленности тогда, когда генный обмен внутри данной социальной группы будет значительно выше, чем за ее пределами. Очевидно, что здесь ни о какой антропологической обособленности на уровне всего региона говорить не приходится. Данный фактор в значительной степени зависит от уровня самосознания. Наиболее вероятны браки между представителями той общности, в качестве которой они себя осознают. Даже между многими представителями автохтонных народов региона частота межэтнических браков не выше, чем со многими другими народами России. Во всяком случае, это верно при сравнении уровней метизации с русским этносом.

Вместе с тем, можно впасть в заблуждение при поверхностном взгляде кажущейся антропологической общностью весьма далеких

народов. Это обманчивое впечатление, вероятно, объясняется конвергенцией [*] в результате многовекового проживания в сходных условиях. Как отмечалось выше, частично тут сказался и кобанский кавкасионский субстрат, вместе с тем, не стоит преувеличивать роль кобанцев в данном процессе, если бы условия тому не способствовали, то за века проживания прочих народов эти признаки неизбежно были бы полностью ассимилированы.

По современному этническому портрету (как антропологическому, так и этнографическому) исторически близких народов уже практически невозможно вычислить общие корни. Например, некоторые радикально настроенные кавказоведы считают, например, осетин, балкарцев и карачаевцев пришлыми, на основании их иранских и тюркских корней соответственно. Вместе с тем, трудно отрицать, что как осетины, так и карачаево-балкарцы являются характерными представителями кавкасионского антропологического типа. Как известно, носителями кавкасионного типа были представители кобанской культуры. Носителями каспийского антропологического типа были хурито-урартийцы, ассимилированные представителями кура-араксинской культуры, а потомки хаттской ветви уже принадлежали к понтийскому типу. Это, по-видимому, связано не только с самими хаттами, но и с ассимиляционными процессами с представителями древнегреческих черноморских поселений, а также дольменной и майкопской культур. А сама майкопская культура содержит множество элементов, совершенно недвусмысленно отражающих ее связь не только с автохтонной дольменной культурой, но и со скифскими культурами и с культурами Передней Азии.

Не только иранские и тюркские народы имели некавказские корни, но и, вероятно, многие якобы автохтонные кавказские народы. Впрочем, все зависит от уровня рассмотрения (субэтнический, этнический или этногенетическая ветвь). Вместе с тем, следует учесть, что процессы генно-культурной ассимиляции народов Се-

[*] В философских работах часто термин «конвергенция» отождествляется с термином «интеграция». Этот термин позаимствован из биологии, в биологии же под термином «конвергенция» понимается приобретенная общность строения в результате проживания в сходных условиях. Общность эта, как, например, между дельфинами и акулами, часто обманчивая и только внешняя.

верного Кавказа, как между собой, так и с соседями, происходили настолько интенсивно, что вопрос о большей или меньшей якобы автохтонности теряет всякий смысл. В пользу этого утверждения свидетельствует и то, что к кавкасионному типу относятся не только такие характерные представители автохтонных народов Кавказа, как, например, ингуши, но и ираноязычные осетины и тюркоязычные балкарцы и карачаевцы также имеют столь же ярко выраженные кавкасионные антропологические черты, черты, наиболее характерные именно для кавказских автохтонов.

В то же время, например, западные адыги считаются понтийцами, тогда как центрально-кавказские адыги, также являющиеся автохтонным народом Кавказа, совмещают черты кавкасионного и понтийского типов, с преобладанием понтийских элементов. По всей видимости, формирование адыгов Центрального Кавказа (кабардино-черкесы) связано со смешением понтийцев с местным брахикефальным населением кобанской культуры. Некоторую роль в приобретении кавкасионных элементов сыграли у адыгов безусловно и индо-иранские племена (киммерийцы, сарматы, аланы). В пользу того, что генетическая ассимиляция далеко не всегда сопровождается культурной, красноречиво свидетельствует такой факт, что даже такая относительно культурно автономная общность, как грузины, является в то же время в антропологическом плане наиболее многообразной и совмещает в себе черты всех четырех кавказских антропологических типов, причем ни один из этих типов не является явно доминирующим.

При всей несводимости биологической общности к общности социальной, следует признать, что часто антропологическая общность людей служит косвенным свидетельством общности культуры. Почему же тогда одни народы Северного Кавказа имеют не просто сходные антропологические черты, а часто даже не имеют четко идентифицируемых антропологических различий (сваны, ингуши, балкарцы, карачаевцы, осетины и др.), у других же, при всей общности культуры, антропологические различия совершенно определенно диагностируются (западные адыги и кабардино-черкесы, абазины и абхазы и др.). Такое сглаживающее влияние в антропологическом отношении оказывали как институты куначества и аталычества, так и уникальная, свойственная только отдельным северокавказским народам, система семейно-брачных отношений, которые

можно классифицировать следующим образом:

1. Строгая, или категорическая, экзогамность, когда браки внутри рода были запрещены, причем не только до седьмого-восьмого колена, но и внутри фамилии вообще – у адыгов, абазин, осетин.

2. Строгая экзогамность по отцовской линии и вообще внутри тейпа и либерализация запретов по материнской линии – у чеченцев и ингушей.

3. Либерализованная экзогамия – у карачаевцев и балкарцев, у которых брачный выбор ограничивается фамильно-родственной экзогамией, но не в такой жесткой форме, которая исключала бы любую степень родства.

4. Экзогамия, распространяющаяся у ряда народов (адыгов, абазин и некоторых других) не только на кровных родственников, но и на свойственников, а также лиц, связанных отношениями искусственного родства (кунаки, аталыки).

5. Разрешение браков внутри рода – тухума – между двоюродными и троюродными братьями и сестрами, межкузенные браки – у дагестанцев.

Столь подробное рассмотрение вопроса брачных отношений кавказцев потребовалось именно по той причине, что именно запреты брачных отношений до седьмого колена у некоторых народов Северного Кавказа способствовали тому, что юноши вынуждены были искать невест не только за пределами своего аула, но часто у других близких народов. Все это способствовало глубокой интеграции в первую очередь именно между такими народами со строго экзогамными отношениями. Отсюда становятся понятными причины того, что активные генно-ассимиляционные процессы, способствующие генетическому сближению части кавказских народов, при сохранении культурного своеобразия, протекали лишь у тех кавказцев, которые культивировали жесткие запреты родственных браков. Относительно раннее принятие ислама в Дагестане, Чечне и Ингушетии, а также некоторые другие особенности так или иначе способствовали их эндогамии (посредством благосклонного отношения к родственным бракам). Следствием данных процессов была частичная генетическая, а как следствие и культурная изоляция этих народов.

10. ***Общность происхождения.*** Данная проблема чрезвычайно сложна и полностью, наверняка, не разрешима. Есть два основных направления поиска центров происхождения народов Кавказа.

Поиск народа-носителя палеокавказского языка.

Данное направление имеет ряд трудностей, даже в случае, если удастся найти однозначно подтвержденного предка, давшего начало всем кавказоязычным народам. Проблема в том, что в действительности единого корня, вероятно, не существует. Общий предок был лишь у нахско-дагестанской и адыго-абхазской ветви. Носители картвельских языков, вероятно, вообще произошли из ностратической макросемьи и лишь потом, в результате языковой аккультурации приобрели общность с другими кавказскими языками. Возможно также, народы картвельской группы отделились от хаттохеттской ветви уже тогда, когда она была в значительной степени уже ассимилирована хеттами, которые, как известно, говорили на языке индоевропейской группы. Частично, все же надо признать, они были ассимилированы и урартийцами, которые считаются народом родственным нахско-дагестанской ветви. Кроме того, важно подчеркнуть, что языковые корни совсем не обязательно могут свидетельствовать и о происхождении. Показателен пример азербайджанцев, потомков ираноязычных мидян (халдеи и маги) и частично албанцев (алародии), но являющихся носителями тюркского языка огузской ветви. Кроме того, северокавказоязычными народами не исчерпывается перечень коренных автохтонных народов Северо-Кавказского региона. А если искать предковую ветвь всех этих народов (тюркских, индоевропейских, северокавказоязычных), то тут в равной мере можно говорить об общности не только всех европеоидных народов, но и многих азиатских и даже части африканских (семито-хамиты).

Поиск «истинных наследников» древнейших культур Северного Кавказа.

Здесь также часто наблюдаются конструктивистские перегибы, связанные с попытками выведения собственного народа в «истинные» потомки древнейших культур Северного Кавказа. Особенно ожесточенная борьба идет за наследие кобанской культуры. Многие кавказоведы из Северной Осетии доказывают, что это были ираноязычные племена, что способствовало их активной ассимиляции родственными им киммерийцами, а позже скифо-сарматами. Все же археологические свидетельства говорят, что кобанцы по многим артефактам пересекались и с неиранскими народами и имеют однозначно диагностируемую преемственную связь с северокавказской

культурой, которая в свою очередь сочетает в себе элементы как номадных племен-степняков катакомбной культуры, которыми, вполне вероятно, были индо-арии, праиндоевропейцев (ямная культура) и протоиранцев (срубная культура), так и древнейшего автохтонного субстрата и ашуйцев. К тому же их кавкасионский субстрат свидетельствует в пользу родства данной культуры с народами – носителями данного антропологического типа. В любом случае несомненно, что именно кобанцы были тем самым общим субстратом, давшим начало многим коренным народам Северного Кавказа. Потомки кобанцев известны в источниках под названиями отдельных родоплеменных групп хамекитов, сьербов, двалов, троглодитов, санаров, хонов, масах, дигор, исадики и др. Название племени дигор недвусмысленно свидетельствует о кобанском субстрате осетин. Можно предположить, что все носители кавкасионного антропологического типа в той или иной степени могут считаться наследниками кобанцев.

Рассматриваемая проблема осложняется тем, что кобанская культура была далеко не единственным древнейшим субстратом автохтонных северокавказских народов. Антропологическим субстратом нахско-дагестанских народов служили также и кура-араксинская и каякентско-хорочоевская культуры. Каспийский антропотип имеет корни именно этих культур.

Субстратом для западнокавказских народов, обладающих преимущественно понтийским антропотипом, служили дольменная, колхидская и майкопская культуры. Данные культуры охватывают своими великими потомками далеко не только Северо-Кавказский регион. Колхидская и ашуйская культуры оказали влияние также и на картвельские (иберийские и колхидские) народы. Дольменная культура, по многочисленным свидетельствам, красноречиво говорит о связях с некоторыми аналогичными культурами дольменов, например, в Европе (протобаски). Уже фактически доказана связь с аналогичными дольменными сооружениями на Пиренеях. Все это свидетельствует о связи с басками представителей сино-кавказской макросемьи не только по языковой общности, но и на основании общности культуры дольменного типа.

В целом, не может быть никаких сомнений, что значительная часть северокавказских культур пронизана общностью как в культурном и языковом, так и в генетическом плане. Особенно следует

выделить именно кобанскую культуру, которая, вероятно, служила субстратом практически для всех коренных представителей региона. Вместе с тем, корни и потомки многих кавказских культур, включая даже и кобанскую, выходят далеко за пределы Северного Кавказа, поэтому общность эта относительная.

Заключение

Кавказская общность, в отличие от северокавказской, в плане этническом, генеалогическом, экономическом и политическом условна. Этногенетически народы Кавказа представляют весьма пеструю полифилетическую ветвь, вернее даже множество ветвей, в которых даже расовый состав далеко не однороден в результате смешения в некоторых этнических группах европеоидной и монголоидной рас.

Однако почему же тогда на протяжении многовековой истории кавказские народы так и не смогли интегрироваться в единую этносоциальную общность? Речь идет не только об этнической интеграции, но также и о социально-политической, культурной, религиозной и экономической. В этническом плане Кавказ всегда представлял и все еще представляет весьма пеструю и разрозненную смесь автохтонных кавказских народов, армян, греков, персидских и тюркских народов, славян и многих других. Вместе с тем, если рассматривать общность на уровне только Северного Кавказа, картина будет выглядеть несколько иначе. Для отдельных народов Северного Кавказа (адыги, абхазы, балкарцы, карачаевцы, осетины, казаки) можно говорить об определенной общности, которая, может быть, еще не настолько глубока, чтобы ей можно было присвоить ранг локальной цивилизации, но определенно продолжает укрепляться и занимает важное место в сложнейшем многоцветье культур Северного Кавказа.

Трудно отрицать, что этногенетические процессы, как и биологическая эволюция, необратимы, во всяком случае, после прохождения бифуркационного порога необратимости ничто им, казалось бы, не мешает интегрироваться в некую «суррогатную» надэтническую общность, как, например, это произошло с североамериканской нацией. По-видимому, одной из главных причин, препятствующих такой интеграции, было то, что народы Кавказа, в целом, никогда, в общем-то, и не были в составе какой-либо целостной общности. Даже во времена Советского Союза, когда вся его территория была в составе одного государства, республики имели гораздо больше контактов с центром, чем между собой. В каждой закав-

казской республике были свои научные и культурные центры, северокавказские же научный, культурный и общественно-политический центры вообще находились в Ростове-на-Дону, что в большей степени способствовало интеграции коренных северокавказских народов с Россией, чем с другими союзными республиками Закавказья.

Народы Северного Кавказа, попадая в зону стратегических интересов северных и южных держав, испытывали весьма неоднозначное давление. По-видимому, немаловажным фактором, препятствующим такой интеграции, является значительная гетерогенность ландшафта и влияние непохожих друг на друга соседей. Если бы Северный Кавказ длительный исторический период времени находился внутри единого макроэтноса, то, вполне вероятно, его народы либо ассимилировались им, либо превратились в столь же единый и сравнимый по силе этнос. Северный Кавказ невольно превратился в своеобразную буферную зону между Востоком и Западом, православием и исламом, кочевыми и оседлыми культурами.

Неудивительно, что на Северном Кавказе имели место не столько макроинтеграционные процессы, сколько независимые и разнонаправленные спонтанные микробифуркации, еще больше центробежно разделяющие даже исторически близкие народы, что, например, мы наблюдаем между Чечней и Ингушетией. К тому же, как отмечает А. И. Мусукаев, ссылаясь на наблюдения этнографов XIX в., свидетельствующих о том, что практически «все кавказские горцы составляли множество независимых обществ, для которых не было доступно ни понятие о зависимости от кого бы то ни было, ни понятие о государстве и отечестве в том смысле, как мы их понимаем»[175]. Поэтому, если и имеют место макроинтеграционные процессы на уровне Северо-Кавказского региона, то они до последнего времени носили частный характер и не касались таких проявлений цивилизационной интеграции, как макроэтническое самосознание и политическая целостность.

Следует иметь в виду, что даже при самых благоприятных условиях для межэтнической интеграции, последнюю ни в коей мере нельзя отождествлять с межэтнической ассимиляцией. Народы Северного Кавказа могут и в дальнейшем укреплять наметившуюся социокультурную целостность, но это ни в коей мере не должно повлиять на становление ассимилированной всеми автохтонами но-

вой моноэтнической общности. Бифуркации практически необратимы, отсюда и вся очевидная несостоятельность политики стирания граней между нациями в социалистический период истории и концепций межэтнического «плавильного котла». Это возможно лишь до окончательного формирования самосознания этноса и лишь в том случае, когда ассимилируемые этнические группы достаточно пластичны или чрезвычайно малочисленны, как, например, это происходит с бацбийцами в Грузии. Иными словами, формирующаяся макроэтническая общность ни в коей мере не может отрицать существование входящих в нее этнических элементов в качестве самодостаточных целостностей.

Процессы генно-культурной коэволюции народов Северного Кавказа носят мягкий, эволюционный характер, что исключает вероятность ломки сложившихся внутренних этнических элементов. Напротив, как правило, интеграция протекает с коррелятивным усилением дифференциации. Поэтому ни о каком межэтническом слиянии народов Северного Кавказа, даже в отдаленном будущем, не может быть и речи. Даже такие близкие народности, как, например, чеченцы и ингуши, балкарцы и карачаевцы, уже прошли порог необратимого разделения.

Если нельзя говорить о кавказской цивилизации в целом, то это вполне может быть приемлемо в отношении ее части. Некоторые кавказские народы объединяет, прежде всего, уникальная коммуникативная культура «лектонического» типа [176]. Лектон в греческой философии трактуется как своеобразный метод постижения бытия, который разворачивается как процесс взаимодействия чувственного мира и его субъективного отражения. Дело в том, что некоторые народы, которые в данной работе трактуются как адыго-тюркоаланская и нахская общности, действительно характеризуются общностью коммуникативной, синкретической культуры. В условиях горных ущелий, когда люди вынуждены были проживать малыми изолированными группами, особенно велика коммуникативная роль непосредственного общения. В таких условиях возрастает роль старшего, но старшим, в отличие от примитивных патриархальных культур, может стать каждый, поэтому такая лектоническая система весьма демократична и эффективна в условиях проживания малочисленными группами. Такая общность не могла не сыграть интегрирующей роли между указанными этническими образованиями.

Такой межэтнической интеграции способствовал и институт аталычества (когда дети воспитывались в чужих семьях). Не меньшую интегрирующую роль сыграли традиции кровной мести, приводящие к вынужденной миграции части населения, при сохранении чрезвычайно жестких запретов браков даже между весьма далекими родственниками. Все это, безусловно, способствовало частичной генно-культурной ассимиляции. Поэтому указанные этнические группы сформировали целый ряд общих черт: мифология (нартский эпос), почитание старших. Но самое главное и определяющее здесь – ритуализованный, церемониально-этикетный характер коммуникации, ведущая роль «старшего» в любом акте культурной коммуникации, а также преобладание в актах коммуникации мобилизационной направленности на демонстрацию своей культуры.

Вероятно, важнейшим интеграционным фактором между лектоническими культурами Северного Кавказа был запрет браков между родственниками вплоть до седьмого колена. Это часто вынуждало искать невест не только в отдаленной местности, но и у других ментально близких народов. Однако христианские и даже исламские запреты близкородственных браков значительно менее жестки. Поэтому неудивительно, что дагестанские и вайнахские народы, в которых были довольно сильны исламские традиции, в конечном счете, дистанцировались от лектонической общности прочих лектонических культур горцев.

Впрочем, в настоящее время эти факторы, безусловно, интеграционного характера, теряют свою роль. Сложно сказать, что это – следствие цивилизационного роста или деградации. Видимо, и то и другое, поскольку, с одной стороны, современная этническая культура не может основываться в своем развитии на непосредственных актах коммуникаций, связанных с элементами традиционной культуры, но с другой – это разрушает весьма тонко сбалансированную и эффективную систему социального сосуществования. И это особенно тревожно в связи с тем, что некоторые народы слишком часто демонстрируют «неготовность» к сосуществованию в условиях постиндустриальной коммуникативной культуры.

Каковы же перспективы дальнейшего развития Северо-Кавказского региона в качестве субъекта Российской Федерации? Наметившиеся тенденции к стабилизации, а также формирование и развитие структур регионального уровня, могут привести к эволю-

ционному нарастанию кооперативных связей с последующим революционным (бифуркационным) переходом к условно самодостаточной целостной структуре в рамках российской цивилизации [177].

Приложение

Список народов Кавказа

Абазины

Абхазы (в т.ч. абжуйцы, бзыбцы, гумцы, дальцы, садзы, самурзаканцы, цабальцы)

Абхазские негры

Аварцы

Агулы

Адыги – кабардинцы, черкесы (в т.ч. френккардаши), убыхи, адыгейцы (в т.ч. абадзехи, адамийцы, бесленеевцы, бжедуги, егерукаевцы, мамхеги, махошевцы, натухайцы, темиргоевцы, хатукайцы, шапсуги, жанеевцы, чебсин, гуайе, хакучи, адале)

Андийские народы – андо-цезские (дидойские) народы Дагестана: андийцы, ахвахцы, багулары, ботлихцы, годоберинцы, каратинцы, тиндинцы (тиндалы), чамалинцы (чамалалы)

Азербайджанцы (в т. ч. айрумы, падары, шахсевены, баяты, терекеме, каджары, карапапахи, еразы, карадагцы)

Армяне (в т.ч. амшенцы, черкесогаи, зоки, франки)

Арчинцы

Ассирийцы

Цезские народы (дидойские) народы Дагестана: цезы (дидойцы), гинухцы, гунзибцы, бежтинцы и хваршины

Балкарцы

Бацбийцы

Будуги (лезгинская ветвь)

Грузины (в т.ч. мегрелы, сваны, имеретины, рачинцы, хевсуры, пшавы, тушины, ингилойцы, чвенебури, аджарцы, гурийцы, джавахи, картлийцы, кахетинцы, лечхумцы, месхетинцы, мохевцы, мтиулы, ферейданцы)

Даргинцы (в т.ч. кайтагцы, кубачинцы)

Евреи (в т.ч. ашкеназы, горские, грузинские, лахлухи)

Ингуши (в т.ч. карабулаки)

Казаки (в т.ч. кубанские казаки, терские казаки)

Карачаевцы

Калмыки

Крызы (в т.ч. хапутлинцы, джекцы, ергюджцы, алыкцы)

Кумыки (в т.ч. терские кумыки)

Курды (в т.ч. езиды)
Лазы
Лакцы
Лезгины
Ногайцы
Осетины (в т.ч. иронцы, дигорцы)
Понтийские греки (в т.ч. цалкские урумы)
Рутульцы
Табасараны
Талыши
Татары
Таты
Трухмены
Турки-месхетинцы
Удины
Хиналугцы
Хоны
Цахуры
Чеченцы (в т.ч. аккинцы, кистины, шаройцы)

Примечания

[1] *Гумилев Л. Н.* Конец и вновь начало. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 28.
[2] *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. Полн. собр. соч. Т. 3. М.: Мысль, 1990. С. 480.
[3] См.: *Кушнер П. И.* Этнические территории и этнические границы. М., 1951. С. 18; *Токарев С. А.* Проблемы типов этнических общностей: (К методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11; Страны и народы: земля и человечество: Общ. обзор / Е. В. Миланова, А. М. Рябчиков, Н. Н. Чебоксаров и др. М., 1978; *Крюков М. В.* Еще раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография. 1986. № 3. С. 63–69.
[4] *Гумилев Л. Н.* О термине «этнос». Этнос как явление // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. Л., 1967. С. 3–17.
[5] *Широкогоров С. М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Отдельный оттиск из XVIII. Т. 1. Известий Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета. Шанхай, 1923. С. 122.
[6] *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. С. 122–123.
[7] *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 58.
[8] *Гумилев Л. Н.* Конец и вновь начало. С. 46.
[9] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. СПб.: Азбука классика, 2002. С. 116.
[10] Там же. С. 94.
[11] *Неру Д.* Открытие Индии. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. С. 53.
[12] *Тхагапсоев Х. Г.* К российским превращениям либерализма // Вопросы философии. 2004. № 12. С. 160.
[13] *Ревуненкова Е. В., Решетов А. М.* Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 100–119.
[14] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. С. 75, 77.

[15] *Тишков В. А.* Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1. С. 4.
[16] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. С. 166.
[17] Там же. С. 167.
[18] Там же.
[19] Там же. С. 188.
[20] *Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. 1972. № 2. С. 3–16.
[21] *Леви-Стросс Клод.* Структурная антропология. М.: Эксмо-Пресс, 2001.
[22] *Кисс. Э.* Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука, 1994. С. 147.
[23] Дискуссии вокруг понимания этничности. Что такое народ, этнос // *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология. Уч. пос. для вузов. – М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.
[24] *Гумилев Л. Н.* Конец и вновь начало. С. 48.
[25] *Эдди Дж.* История об исчезнувших солнечных пятнах // Успехи физ. наук. 1978. Т. 125. Вып. 2. С. 315–329.
[26] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. С. 559.
[27] *Чижевский А. Л.* Земное эхо солнечных бурь. М.: Мысль, 1973. – 348 с.
[28] *Гумилев Л. Н., Иванов К. П.* Этносфера и космос // Этносфера: история людей и история природы. СПб.: ООО «Издательский дом «Кристалл», 2003. С. 319–320.
[29] *Гумилев Л. Н.* Конец и вновь начало. С. 73.
[30] Там же. С. 77.
[31] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. С. 112.
[32] *Гумилев Л. Н.* География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. С. 238.
[33] *Вернадский В. И.* Химическое строение биосферы Земли и

ее окружения. М.: Наука, 1965. С. 283.
[34] Там же. С. 272.
[35] *Гумилев Л. Н.* О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии // Этносфера: история людей и история природы. – СПб.: ООО «Издательский дом «Кристалл», 2003. С. 203.
[36] *Гумилев Л. Н., Иванов К. П.* Этносфера и космос. С. 313–317.
[37] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. С. 134.
[38] *Гумилев Л. Н.* Конец и вновь начало. С. 34.
[39] *Тойнби А. Дж*. Постижение истории: Сборник. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 179.
[40]*Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 147–153.
[41] *Татаринов Л. П.* Очерки по теории эволюции. М.: Наука, 1987. С. 18.
[42] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. С. 269.
[43] *Джуссоев Р. И.* К вопросу о национальной идентификации осетин (к итогам Всероссийской переписи населения 2002) // http://www.ethnonet.ru/etnografiya/k-voprosu-nacionalnoj-identifikacii-osetin-k/.
[44] *Лоренц К*. Агрессия (так называемое зло). М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. С. 86.
[45] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. С. 75, 77.
[46] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. СПб.: Азбука классика, 2002. – 608 с.
[47] *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. С. 126.
[48] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. С. 180–183.
[49] *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. С. 179.
[50] Там же.
[51] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. С. 91–92.
[52] *Лурье С.* Национализм, этничность, культура // Общественные науки и современность. 1999. № 4.
[53] *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. С. 52.
[54] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. С. 175.

[55] *D. Lordkipanidze*, T. Jashashvili, A. Vekua, M. S. Ponce de Leyn, C. P. E. Zollikofer, G. P. Rightmire, H. Pontzer, R. Ferring, O. Oms, M. Tappen, M. Bukhsianidze, J. Agusti, R. Kahlke, G. Kiladze, B. Martinez-Navarro, A. Mouskhelishvili, M. Nioradze & L. Rook Postcranial evidence from early Homo from Dmanisi, Georgia. Nature 449, 305–310 (20 September 2007) .

[56] *Тайсаев Д. М., Хаширов М. Ю.* Кавказские доцивилизационные культуры // Этнокультурные технологии формирования российской идентичности в полиэтническом регионе. Краснодар, 2009.

[57] *Дыбо В. А.* Язык – этнос – археологическая культура (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) (Глобализация – этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. – Кн. 1. М., 2006. С. 75–94).

[58] *Анфимов Н. В.* Курганы рассказывают. Краснодар, 1972.

[59] *Kiguradze T. and Menabde M.* 2004. The Neolithic of Georgia. In: Sagona, A. (ed.), A View from the Highlands: Archaeological Studies in Honour of Charles Burney. Ancient Near Eastern Studies Supplement 12. Leuven: Peeters. P. 345–398.

[60] *Mallory J. P.* (1989), In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology, and Myth, London: Thames & Hudson.

[61] *Gray R. D.* and *Atkinson Q. D.* 2003. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin. Nature. 426:435–439.

[62] *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Амиров Ш. Н.* ТЕЛЛЬ-ХАЗНА I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-восточной Сирии. М.: Палеограф, 2004.

[63] *Шевлоков В. А., Кумыков А. М., Тайсаев Д. М.* (Отв. ред. Кумыков А. М.). Представление Северо-Кавказской социокультурной общности в свете цивилизационного подхода. Нальчик, 2008.

[64] *Бетрозов Р. Ж.* Адыги: Возникновение и развитие этноса. Нальчик: Эльбрус, 1998. С. 113.

[65] *Almagro M.* Manual de historia universal. I. Prehistoria. Madrid, 1960.

[66] *Иващенко М. М.* Материалы к изучению культуры колхов //

Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1941. Вып. 2. С. 56.

[67] *Назарова А. Ф.* К проблеме дифференциации северных монголоидов, европеоидов и американдов на территории Евразии (генетические данные) // Цитология и генетика. 2002. Т. 36. № 6. С. 46–53.

[68] *Назарова А. Ф., Асланишвили В. О., Алхутов С. М.* Цитология и генетика. 2004. Т. 38. № 5. С. 45–56.

[69] *Greenberg Joseph H. & Ruhlen Merritt* (4 сентября 2007), «An Amerind Etymological Dictionary», Corvallis, Oregon: Department of Anthropological Sciences, Stanford University

[70] Народы Кавказа: в 2 т. / Под ред. М.О. Косвена и др. – М.: АН СССР, 1960. Т. 1. – 629 с.

[71] *Козинцев А. Г.* Проблема происхождения антропологических типов Северного Кавказа в свете данных археологии // Антропология и геногеография. М., 1974. С. 198–214.

[72] *Алексеев В. П.* Историческая антропология и этногенез. М., 1989.

[73] *Хить Г. Л.* Дерматоглифика народов Кавказа // Полевые исследования института этнографии. 1978. М., 1980.

[74] http://starling.rinet.ru/

[75] *Старостин С. А.* Этимологический словарь северокавказских языков. М., 1994.

[76] Алародии (этногенетические исследования) / Отв. ред. М. А. Агларов. Махачкала: ДНЦ РАН ИИАЭ, 1995.

[77] *Старостин С. А.* Этимологический словарь северокавказских языков. М., 1994.

[78] *Ахохова Е. А., Тайсаев Д. М.* К проблеме генетической общности северокавказских языков // Культура. Искусство. Образование СКГИИ. Вып. 2. Нальчик, 2009.

[79] *Старостин С. А.* Nostratic and Sino-Caucasian // Труды по языкознанию. 2007. С. 450.

[80] *Дибирова Х. Д.* Роль географической подразделенности и

лингвистического родства в формировании генетического разнообразия населения Кавказа: Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата биологических наук. М., 2011.

[81] *Цагарели А. А.* Сравнительный обзор морфологии иберийской группы кавказских языков. 2 изд. Тб., 1957.

[82] *Лавров Л. И.* Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX века // Краткие сообщения института этнографии АН СССР, Вып. 10. М.; Л.: АН СССР, 1950.

[83] *Adams D. Q., Mallory J. P.* Encyclopedia of Indo-European culture. London: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997. P. 297–298.

[84] *Adams D. Q., Mallory J. P.* Encyclopedia of Indo-European culture. London: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997. P. 298–299.

[85] *Гамкрелидзе Т. В, Иванов В. В.* К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам ее установления // ВДИ. 1984. № 2.

[86] *Sarianidi, V. I.* (1994). «Preface», in Hiebert, F. T.: Origins of the Bronze Age Oasis Civilization of Central Asia. Cambridge: Harvard University Press.

[87] *Гобино А.* Опыт о неравенстве человеческих рас // http://www.hrono.ru/libris/lib_g/gobino00.php

[88] *Грюнберг А. Л., Давыдова Л. Х.* Татский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.

[89] *Дьяконов И. М.* История Мидии: от древнейших времен до конца IV века до н.э. Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 241.

[90] *Mallory J. P., Adams Q.* Encyclopedia of Indo-European Culture. London, 1997. – 829 p.

[91] *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.). Л., 1974.

[92] *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. С. 181–182.

[93] *Sowren Eremyan*. Asxarhac’uyc 'i' skzbnakann bnagri verakangnman p’orj, in: Patmabanasirakan Handes, 2 (1973). P. 261–274.

[94] *Ахведиани Г. С.* Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси, 1960. С. 116.
[95] *Герасимова М. М.* Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // Этногенез и этническая история. 1994. ЭО. № 3. С. 52.
[96] *Абаев В. И.* Избранные труды. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995. Т. 2.
[97] *Nasidze I., Ling E.Y.S., Quinque D.* et al. Mitochondrial DNA and Y-Chromosome Variation in the Caucasus // Annals of Human Genetics. 2004. 68. P. 213.
[98] *Дибирова Х. Д.* Роль географической подразделенности и лингвистического родства в формировании генетического разнообразия населения Кавказа: Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата биологических наук. М., 2011.
[99] Там же.
[100] *Бунак В. В.* Антропологический состав населения Кавказа // Вестник государственного музея Грузии. Тбилиси: АН Грузинской ССР, 1946. Т. 8-А. С. 89–109.
[101] *Asadova P. Sh., Shneider Yu. V., Shilnikova I. N., Zhukova O. V.* Genetic Structure of Iranian-Speaking Populations from Azerbaijan Inferred from the Frequencies of Immunological and Biochemical Gene Markers.
[102] *Khazaria,* Kurdish Genetics: Abstracts and Summaries Kurdish Genetics: Abstracts and Summaries // http://www.khazaria.com/genetics/kurds.html
[103] *Дьяконов И. М.* Малая Азия и Армения около 600 г. до н.э. и северные походы вавилонских царей // Вестник древней истории. М.: Наука, 1981. № 2. С. 34–63.
[104] bkhazeti.info/history/20090314104543921311.php
[105] *Алексеев В. П., Аскаров А. А. Ходжайов Т. К.* Историческая антропология Средней Азии. Ташкент, 1990. С. 203.
[106] *Тенишев Э. Р.* Иссык-кульских калмыков язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-манчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997.
[107] *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.

[108]http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/90520/%D0%A2%D0%A3%D0%A0%D0%9A%D0%98

[109] *Тихонов Д. И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства 10–14 вв. М.; Л., 1966. С. 29.

[110] *Кузнецов В. А.* Введение в кавказоведение (историко-этнологические очерки народов Северного Кавказа). Издательство ИПП им. В. А. Гассиева, 2004. С. 94.

[111] *Алексеев В. П.* Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии. МНС. С. 328.

[112] *Марр Н. Я.* Кавказские племенные названия и местные параллели. Пг., 1922. С. 11–14.

[113] *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М.: Наука, 1969. Вып. 4. С. 98.

[114] *Миллер А. А.* Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 годах // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. I. Л., 1933.

С. 73, 74.

[115] *Боготова З. И.* Изучение генетической структуры кабардинцев и балкарцев: Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Уфа, 2009. С. 18.

[116] *Агеева Р. А.* Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. Academia, 2000. С. 190–191.

[117] *Алексеев В. П.* Избранное. Происхождение народов Кавказа. Наука, 2009. Т. 5. С. 228–229.

[118] *Дубова Н. А.* История антропологического изучения ногайцев // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 4. Антропология ногайцев. М., 2003. С. 101–108.

[119] *Щербак А. М.* Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.: Наука, 1994.

[120] http://starling.rinet.ru/

[121] *Bengtson J. D.* Some features of Dene-Caucasian phonology (with special reference to Basque) // Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain 30.4: 33–54. 2004.
[122] *Ахохова Е. А., Тайсаев Д. М.* К проблеме генетической общности северокавказских языков // Культура. Искусство. Образование СКГИИ. Нальчик, 2009. Вып. 2.
[123] Алародии (этногенетические исследования) / Отв. ред. М. А. Агларов. Махачкала: ДНЦ РАН ИИАЭ, 1995.
[124] *Дунаевская И. М., Дьяконов И. М.* Хаттский (протохеттский язык) // Языки Азии и Африки. М., 1979. Т. 3.
[125] *Дунаевская И. М., Дьяконов И. М.* Хаттский (протохеттский язык) // Языки Азии и Африки. М., 1979. Т. 3.; Дьяконов И. М., Старостин С. А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.
[126] *Анчабадзе Ю. Д.* Рец. на: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1907. Вып. 37. Отд. 3.
[127] *Юнусбаев Б. Б.* Популяционно-генетическое исследование народов Дагестана по данным о полиморфизме Y-хромосомы и ALU-инсерций: Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Уфа, 2006. С. 22.
[128] *Коряков Ю. Б.* Атлас кавказских языков. М.: Институт языкознания, 2006.
[129] *Гарданов В. К.* (отв. ред.). Кавказский этнографический сборник. М.: Наука, 1969. Вып. 4. С. 6.
[130] История Ингушетии / Под ред. Н. Д. Кодзоева. Магас; Нальчик, 2011. С. 89.
[131] http://www.ncbi.nlm.nih.gov
[132] *Дибирова Х. Д.* Роль географической подразделенности и лингвистического родства в формировании генетического разнообразия населения Кавказа: Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата биологических наук. М., 2011.
[133] *Магомедов Р. М.* Происхождение названия Лезгинстан // Ученые записки ИИЯЛ. Махачкала, 1961. Т. 9. С. 56.

[134] *Волкова Н. Г.* Хыналыг // Кавказский этнографический сборник. М.: Наука, 1980. Т. 7.
[135] Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 157, 161.
[136] *Турчанинов Г. Ф.* Открытие и расшифровка древнейшей письменности Кавказа. Институт языкознания Российской Академии наук. Московский исследовательский центр абхазоведения. М., 1999. – 263 с.
[137] *Ловпаче Н. Г.* Послание из древнего города Хатыпсы / Н. Г. Ловпаче. Краснодар: Просвещение Юг, 2002. – 52 с.
[138] *Ардзинба В. Г.* Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков // Переднеазиатский сборник. М., 1979. Вып. 3.
[139] *Ekrem Akurgal*, The Hattian and Hittite Civilizations, Publications of the Republic of Turkey: Ministry of Culture, 2001. P. 8.
[140] *Литвинов С. С.* Изучение генетической структуры народов Западного Кавказа по данным о полиморфизме Y-хромосомы, митохондриальной ДНК и ALU-инсерций: Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Уфа, 2010.
С. 21.
[141] *Мунчаев Р. М.* Урукская культура (Месопотамия) и Кавказ // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Махачкала, 2007. С. 9.
[142] *Ардзинба В. Г.* Цивилизации Древней Малой Азии // http://ardzinba.com/scientific_publications.php
[143] *Цвинария И. И.* Археологические раскопки на поселении Гуандра и разведки в селении Отхара Гудаутского района // Полевые археологические исследования в 1975 г. Тбилиси, 1979.
С. 15–17.
[144] *Анчабадзе З. В.* Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976. С. 22.
[145] *Меликишвили Г. Л.* Наири–Урарту. Тбилиси, 1954; *его же.*

К вопросу об этнической принадлежности кашков. М., 1959. Т. 3.

[146] *Бетрозов Р. Ж.* Адыги: Возникновение и развитие этноса. Нальчик: Эльбрус, 1998. С. 113.

[147] Там же. С. 86.

[148] *Дибирова Х. Д.* Роль географической подразделенности и лингвистического родства в формировании генетического разнообразия населения Кавказа: Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата биологических наук. М., 2011.

[149] *Боготова З. И.* Изучение генетической структуры кабардинцев и балкарцев: Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Уфа, 2009. С. 18.

[150] *Бетрозов Р. Ж.* Адыги: Возникновение и развитие этноса. Нальчик: Эльбрус, 1998.

[151] *Лавров Л. И.* Убыхи: Историко-этнографическая монография. СПб.: Наука, 2009. Серия «Кунсткамера – Архив». Т. 3.

[152] *Давидович В. Е.* Существует ли кавказская цивилизация? // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 28–30.

[153] *Черноус В. В.* Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 30–34.

[154] *Анчабадзе Г. З.* Вайнахи. Тбилиси, 2001.

[155] *Ерасов Б. С.* Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс, 1999. С. 19–26.

[156] *Черноус В. В.* Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 31.

[157] *Кцоева Т. У.* Кавказский суперэтнос // Эхо Кавказа. 1994. № 2; *Абдулатипов Р. Г.* Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1.

[158] *Абдулатипов Р. Г.* Кавказская цивилизация // Общекавказская газета. 1999 // http://www.abdulatipov.ru/

[159] Там же.

[160] *Тхагапсоев Х. Г.* Что заменит нам протестантскую этику? // Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе: Возможность и границы совместимости. Центр системных регио-

нальных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Электронная библиотека центра на CD. 2003.

[161] *Майборода Э. Т.* О сосуществовании цивилизаций различного типа // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 42.

[162] *Шевлоков В. А., Тайсаев Д. М.* Особенности построения постнеклассической теории этноса // Этнос: проблемы социально-культурной самоорганизации. Нальчик, 2006. С. 4.

[163] *Инглегарт Р.* Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. Иноземцева В. Л. М., 1999. С. 252.

[164] *Жданов Ю. А.* Солнечное сплетение Евразии. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1999.

[165] *Черноус В. В.* Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 30.

[166] *Лавров Л. И.* Адыги в раннем Средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955; *Равдоникас Т. Д.* Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа. Л., 1990; *Бетрозов Р.* Этническая история адыгов. Нальчик, 1996; *Грицков В. В.* Русы и Кавказ // Аланы и Кавказ. Владикавказ, 1992 и др.

[167] *Тхагапсоев Х.Г.* Нартский эпос как феномен диалога культур // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С. 9.

[168] *Хантингтон С.П.* Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et Contra. Т. 2. – № 2: Распад и рождение государства. М., 1997. С. 129, 133.

[169] *Абдулатипов Р. Г.* Кавказская цивилизация // Общекавказская газета. 1999 // http://www.abdulatipov.ru/

[170] *Абакарова Р. М.* Религия и нравственность в секулярном мире // Материалы научной конференции. 28–30 ноября 2001 года. Санкт-Петербург. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 12–13.

[171] *Ногмов Ш. Б.* История адыхейского народа. Нальчик, 1994. С. 76.

[172] *Kisriev E.* Islam's Political Role in Daghestan // Central Asia

and the Caucasus. 2000. 5. P. 65, 66.

[173] *Ахмадов Я. З.* Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988; *Бобровников В. О.* Традиции в жизни современных горцев // Азия и Африка сегодня. 1993. № 4; *Броневицкий С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823; *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа в XVI–XVII вв. и их связи с Россией. М., 1963; *Мусукаев А. И.* Об обычаях и законах горцев. Нальчик, 1986; *Солдатова Г.* Социальная психология межэтнической напряженности. М., 1998; *Ханаху Р. А.* Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). Майкоп, 1997 и др.

[174] *Тхагапсоев Х. Г.* Южная Россия: Кавказский этнокультурный мир как тип локальной цивилизации // Региональные культуры средневековья на территории России: Сб. научных статей. – СПБ., 2001. С. 164–185.

[175] *Мусукаев А. И.* Об обычаях и законах горцев. Нальчик, 1986. С. 38.

[176] *Тхагапсоев Х. Г.* Южная Россия: Кавказский этнокультурный мир как тип локальной цивилизации // Региональные культуры средневековья на территории России: Сб. научных статей. СПБ., 2001. С. 164–185.

[177] *Тайсаев Д. М., Шевлоков В. А., Кумыков А. М.* Представление Северо-Кавказской социокультурной общности в свете цивилизационного подхода. (Монография). Нальчик, 2008.

e-mail: taisauti@yandex.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
Г л а в а I. Теоретические основания этногенеза 6
Определение понятия «этнос» 6
Три основных подхода в понимании движущих сил этногенеза и этноэволюции 22
Теория этногенеза Гумилева 24
Механизм этногенеза 38
Конструктивистские перегибы в этнологических и этнографических исследованиях 47
Принцип компенсации энтропийного возмущения и его роль в этноэволюции 51
Уровни этнической идентификации 70
Движущие факторы этногенеза 72
Г л а в а II. Этнология народов Кавказа 75
Кавказские доцивилизационные культуры 75
Антропологический анализ генезиса народов Северного Кавказа 86
К вопросу о древнейших истоках евразийских народов 95
К проблеме языковой общности народов Кавказа 97
Г л а в а III. Этногенез народов Кавказа 101
1. Ностратическая макросемья 101
1.1. Картвельская языковая семья 102
1.2. Индоевропейская языковая семья 103
1.2.1. Иранская группа 105
1.2.1.1. Таты и горские евреи 107
1.2.1.2. Киммерийцы, скифы, сарматы 108
1.2.1.3. Осетины 109
1.2.1.4. Талыши 111
1.2.1.5. Курды 112
1.2.2. Армянская группа 114
1.2.3. Греческая группа 115
1.3. Тюркская языковая семья 116

1.3.1. Огузские народы Кавказа 117
1.3.1.1. Азербайджанцы 117
1.3.1.2. Турки-месхетинцы 119
1.3.1.2. Трухмены (ставропольские туркмены) 119
1.3.2. Кыпчакская группа. Кыпчакско-половецкая подгруппа 120
1.3.2.1. Карачаевцы и балкарцы 120
1.3.2.2. Кумыки 123
1.3.2.3. Ногайцы и татары 125
2. Сино-кавказская (дене-кавказская макросемья) 126
2.1. Северокавказская надсемья. 128
2.1.1. Нахско-дагестанская семья (северо-восточнокавказские языки) 130
2.1.1.1. Нахская ветвь 131
2.1.1.2. Аваро-андо-цезская ветвь 132
2.1.1.3. Лакская ветвь 133
2.1.1.4. Даргинская ветвь 133
2.1.1.5. Лезгинская ветвь 134
2.1.1.6. Хиналугский язык 135
2.1.2. Абхазо-адыгская семья (западнокавказская) 135
2.1.2.1. Абхазо-абазинская ветвь 140
2.1.2.2. Адыгская ветвь 141
2.1.2.3. Убыхский язык 142
Г л а в а IV. Представление северокавказской социокультурной общности в свете цивилизационного подхода 144
Цивилизационный статус народов Кавказа 144
Особенности цивилизационной общности народов Северного Кавказа 145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 169
ПРИЛОЖЕНИЕ 174

ВВЕДЕНИЕ 3
Г л а в а I. Теоретические основания этногенеза 6
Определение понятия «этнос» 6
Три основных подхода в понимании движущих сил этногенеза и этноэволюции 22

Теория этногенеза Гумилева 24
Механизм этногенеза 38
Конструктивистские перегибы в этнологических и этнографических исследованиях 47
Принцип компенсации энтропийного возмущения и его роль в этноэволюции 51
Уровни этнической идентификации 70
Движущие факторы этногенеза 72
Г л а в а II. Этнология народов Кавказа 75
Кавказские доцивилизационные культуры 75
Антропологический анализ генезиса народов Северного Кавказа 86
К вопросу о древнейших истоках евразийских народов 95
К проблеме языковой общности народов Кавказа 97
Г л а в а III. Этногенез народов Кавказа 101
1. Ностратическая макросемья 101
1.1. Картвельская языковая семья 102
1.2. Индоевропейская языковая семья 103
1.2.1. Иранская группа 105
1.2.1.1. Таты и горские евреи 107
1.2.1.2. Киммерийцы, скифы, сарматы 108
1.2.1.3. Осетины 109
1.2.1.4. Талыши 111
1.2.1.5. Курды 112
1.2.2. Армянская группа 114
1.2.3. Греческая группа 115

1.3. Тюркская языковая семья 116
1.3.1. Огузские народы Кавказа 117
1.3.1.1. Азербайджанцы 117
1.3.1.2. Турки-месхетинцы 119
1.3.1.2. Трухмены (ставропольские туркмены) 119
1.3.2. Кыпчакская группа. Кыпчакско-половецкая подгруппа 120
1.3.2.1. Карачаевцы и балкарцы 120
1.3.2.2. Кумыки 123
1.3.2.3. Ногайцы и татары 125
2. Сино-кавказская (дене-кавказская макросемья) 126

2.1. Северокавказская надсемья. 128
2.1.1. Нахско-дагестанская семья (северо-восточнокавказские языки)..... 130
2.1.1.1. Нахская ветвь 131
2.1.1.2. Аваро-андо-цезская ветвь 132
2.1.1.3. Лакская ветвь 133
2.1.1.4. Даргинская ветвь 133
2.1.1.5. Лезгинская ветвь..... 134
2.1.1.6. Хиналугский язык..... 135
2.1.2. Абхазо-адыгская семья (западнокавказская) 135
2.1.2.1. Абхазо-абазинская ветвь..... 140
2.1.2.2. Адыгская ветвь 141
2.1.2.3. Убыхский язык..... 142
Г л а в а IV. Представление северокавказской социокультурной общности в свете цивилизационного подхода 144
Цивилизационный статус народов Кавказа 144
Особенности цивилизационной общности народов Северного Кавказа..... 145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 169
ПРИЛОЖЕНИЕ 174

Научное издание

Д. М.Тайсаев

ЭТНОГЕНЕЗ НАРОДОВ КАВКАЗА

16+

Заведующий редакцией В. Н. Котляров
Корректор Н. В. Римская
Компьютерная верстка Д. Т. Жолаевой

Лицензия ИД № 00003 от 27.08.99 г.

Сдано в набор 26.01.15. Подписано в печать 12.02.15.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 11,58. Тираж 100 экз.

ISBN 978-5-93680-850-0

9 785936 808500

Издательство М. и В. Котляровых
(ООО «Полиграфсервис и Т»)
360000, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19
Тел./факс: (8662) 42-62-09
e-mail: elbrus@mail.ru
www.elbruss. ru